

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ЦЭРИС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск I

Ответственный редактор
кандидат философских наук
Ю. В. Попков

ЦЭРИС
НОВОСИБИРСК
1997

Сборник издан
в рамках исследовательской программы
Института философии и права СО РАН
“Ценности и технологии устойчивого социального развития”
при содействии Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 96-03-14030).

Редакционная коллегия

*В. А. Бойко, В. С. Золототрубов, канд. филос. наук В. Г. Костюк,
канд. филос. наук Ю. В. Попков (отв. редактор), Д. В. Ушаков*

Рецензенты

доктор философских наук *В. П. Фофанов*
кандидат философских наук *С. Н. Еремин*

Э 91

**Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический
сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск:
ЦЕРИС, 1997. — Вып. I. — 232 с.**

ISBN 5—7007—20070—0.

В сборнике представлены материалы ежегодного регионального семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”, организуемого Институтом философии и права СО РАН. Рассматриваются три основные группы проблем: 1) вопросы теории, методологии, методики и организации этносоциальных исследований; 2) проблемы социально-экономического, демографического и духовного развития народов Сибири; 3) вопросы правового регулирования этносоциальных процессов.

Сборник адресован этносоциологам, социальным философам, этнологам, историкам, работникам управления.

**Ethno-social processes in Siberia: Subject anthology / Edited
by Yu.V. Popkov. — Novosibirsk: TSERIS, 1997. — Issue 1.
— 232 p.**

In the anthology there are represented the materials of the annual regional seminar “Ethno-social processes in Siberia”. The seminar is organized by the Institute of Philosophy and Law SD RAS. Three main problematic groups are considered: 1) theory, methodology, methods, organization of ethno-social investigations; 2) problems of socio-economical, demographical and spiritual development of peoples in Siberia; 3) legal regulations of ethno-social processes.

The anthology is addressed to ethnosociologists, social philosophers, historians, supervisors of administrative departments.

ББК 60.55

ISBN 5—7007—20070—0

© Институт философии и
права СО РАН, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике представлены материалы ежегодного регионального семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”, организуемого Институтом философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Семинар впервые прошел в 1995 г. и задумывался как разовое мероприятие, однако актуальность обсуждавшихся проблем привела участников к выводу о необходимости его регулярного проведения.

Организация семинара явилась логическим продолжением тех исследований проблем этносоциального развития народов Сибири, которые более 25 лет ведутся под руководством члена-корреспондента РАН В. И. Бойко коллективом научных сотрудников Института философии и права СО РАН (ранее — сектора комплексных исследований проблем развития народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР). За этот период состоялись десятки социологических экспедиций в различных районах Сибири и Крайнего Севера, в том числе зарубежного (Канада). Опубликованы сотни работ, посвященных многообразным аспектам социального развития народов региона, а также вопросам теории, методологии, методики и организации исследований. В научный оборот введены, в частности, такие концепты, как “межкультурные взаимодействия” (С. Н. Еремин, С. Г. Ларченко), “межэтническое сообщество” (В. В. Мархинин, И. В. Удалова), “региональная общность” (А. А. Гордиенко), “интернационализация” — понятие, отражающее феномен всемирно-исторического процесса на всех его этапах (Ю. В. Попков), и др.

Большинство работ сотрудников института по рассматриваемой проблематике имеет ярко выраженный прикладной характер. По результатам многих конкретных исследований подготовлены аналитические доклады для органов управления местного, регионального и федерального уровней. Часть из этих материалов нашла применение при подготовке постановлений Правительства и разработке государственных программ. Важной составляющей научной деятельности коллектива была эксперти-

за крупных социально-экономических проектов на предмет их возможных этносоциальных последствий. В частности, Заключение по Туруханской ГЭС, в подготовке которого сотрудники института принимали непосредственное участие, сыграло не последнюю роль в решении Правительства о приостановке ее строительства.

Не будет преувеличением сказать, что на основе научных разработок Института философии и права СО РАН по проблемам развития народов Сибири сформировалась *новосибирская школа этносоциологии*.

Определенный вклад в изучение различных сторон жизни народов Сибири вносят этнографы, историки, филологи, демографы, культурологи, правоведы, представители медицинской науки из других академических учреждений и вузов г. Новосибирска — Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории СО РАН, Института филологии СО РАН, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирского государственного университета, Сибирской коммерческой академии потребительской кооперации, Новосибирского государственного педагогического университета, Института общей патологии и экологии человека СО РАМН и др. Активные исследования по этносоциальной проблематике ведутся также в высших учебных заведениях и научных институтах других городов Сибири — Омске, Томске, Красноярске, Новокузнецке, Иркутске и др.

Одной из характерных особенностей работы Института философии и права СО РАН является творческое сотрудничество с другими научными учреждениями Сибири. Наиболее тесными на протяжении многих лет были контакты с Якутским, Тувинским, Хакасским и Горно-Алтайским научно-исследовательскими институтами языка, литературы и истории. На основе этого сотрудничества в последние 10—15 лет сложились оригинальные и продуктивные школы исследования этносоциальных процессов в Республике Саха (Якутии), Бурятии, Хакасии, Республике Тыва, Горном Алтае. Организаторы семинара “Этносоциальные процессы в Сибири” нацелены на сохранение и развитие традиции научного сотрудничества.

Представление о некоторых результатах работы исследователей из различных научных центров Сибири дают материалы нашего семинара. В предлагаемом сборнике рассматриваются проблемы теории, методологии и методики комплексных этносоциальных исследований, социально-экономического и духовного развития народов Сибири и правовой регуляции этносоциальных процессов. В нем представлены статьи, разные по тематике,

объему, способам аргументации. Авторы исходят из различных методологических и мировоззренческих позиций, придерживаются разных, порой спорных, точек зрения. Имеет место и разная степень обоснованности результатов исследования, их теоретической и методологической проработанности. Отчасти это связано с широкой палитрой научных интересов авторов статей. Вместе с тем существует и определенное единство исследователей, а именно, в оценке наиболее острых проблем сегодняшнего развития этносов Сибири, некоторых методологических подходов, а также, что особенно важно, в вопросе о необходимости проведения сравнительных этносоциальных исследований.

В целом материалы сборника дают хотя и не полное, но достаточно адекватное представление как о характере современных этносоциальных процессов в регионах Сибири, так и о степени их научного осмысления.

Изначально семинар был ориентирован на представителей академической науки, но его работа обнаружила потребность в привлечении более широкого круга ученых, занятых исследованием различных сторон жизни народов Сибири и Крайнего Севера, а также представителей органов управления и общественных национальных объединений. Будем рады получить заявки на участие в семинаре от всех заинтересованных лиц.

С большой благодарностью примем предложения и отзывы на сборник в целом либо на отдельные его статьи. Корреспонденцию можно присылать по адресу: 630090, Новосибирск 90, пр. Лаврентьева, 17. Институт философии и права СО РАН, сектор этносоциологии.

Руководитель семинара Ю. В. Попков

Раздел 1

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. А. Тюгашев

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ДИСКУРС СОВРЕМЕННОСТИ

Согласно энциклопедическому словарю “Политология”, “*национальный вопрос* — это вопрос о причинах возникновения недоверия, вражды и конфликтов между нациями, с одной стороны, и нациями и существующей системой власти в многонациональном обществе — с другой, о формах, методах и условиях его решения в интересах мирного сожительства и добрососедства, прогресса наций на основе равноправия, суверенности и демократизма”¹.

Национальный вопрос был поставлен на повестку дня Великой французской революцией в виде *принципа национальности* — права каждого народа на государственное самоопределение. Наряду с этим были сформулированы рабочий вопрос, аграрный вопрос, школьный вопрос, женский вопрос и т.п. Серия *социальных вопросов* стала специфическим способом проблематизации общественного развития в XIX в.

Духовная ситуация того времени характеризовалась размежеванием разных типов мировоззрений. Искусство отделилось от науки, наука — от религии и утопии. О праве на самоопределение заявили и философы. Постановка социального вопроса в широком смысле слова как вопроса о самоопределении общества, его самообусловленности и самодостаточности, его суверенности по отношению к природе неизбежно осуществлялась в пределах одного из указанных мировоззрений. Феноменология национального вопроса должна выяснить его специфическую мировоззренческую природу.

В реферативном обзоре “Национализм как теоретическая проблема” А. Миллер дает конкретное хронологическое указание, позволяющее подойти к решению данной задачи. Оказывается, что национальный вопрос активно обсуждался значительно раньше: “в литературе уже утвердилось согласие относительно нововременного характера национализма, формирование этого дискурса при частных различиях подавляющим большинством авторов датируется второй половиной XVIII века”². Со своей стороны заметим, что в литературе утвердилось также мнение о существенной связи национальных движений с процессом

модернизации традиционных обществ в эпоху буржуазных революций.

Последнее позволяет несколько расширить хронологические рамки национального вопроса: формирование дискурса национализма необходимо датировать временем раннебуржуазных революций. Происходившие в эпоху Возрождения споры о природе патриотизма положили начало традиции, в духе которой была написана работа Д. Вико "Основания новой науки об общей природе наций, благодаря которой обнаруживаются также новые основания естественного права народов".

Безусловной идеологической доминантой Нового времени была не наука и не философия, и вовсе не религия, а утопия. "Золотым веком" утопии среди историков общественной мысли считается XVII в. В утопической картине мира все воспринимается как *природа*, которая пребывает в *естественном* и *искусственном* (*противоестественном*) состояниях. Развитие природы происходит по "неумолимым" законам как самодостаточный, самоопределяющий и потому *свободный* процесс. В первом законе Ньютона утопическое мирозерцание выражено в классическом виде. В системе утопического сознания натурализм и либерализм стали преобладающими ценностными ориентациями.

Историография национального вопроса позволяет квалифицировать его (и другие социальные вопросы) как теоретический способ проблематизации в логике утопического сознания. Так, в спорах о природе наций различают *естественный* и *искусственный* пути генезиса. Искусственным путем нации возникали в западно-европейской традиции: нация есть артефакт, который конструируется или изобретается. «Создание "нации" — цель любого национализма...», — полагает Э. Смит³. Восточная Европа знает естественный путь становления нации.

Когда нация воспринимается как *естественное тело*, для описания привлекается объективный подход. По мнению Р. Баубека⁴, классическое объективное определение нации было дано И. Сталиным. Когда нация воспринимается как *искусственное тело*, для описания привлекается субъективный подход. Классическое субъективное определение нации дано Э. Реннаном: "Существование нации есть ежедневный плебисцит".

В парадигме объективного подхода образование нации фиксируется как естественно-исторический процесс, вытекающий из данных природных предпосылок. Ценностная ориентация натурализма в качестве протонационального субстрата выделяет этнос в его обусловленности географической средой. Снятие природного основания понимается как закономерный процесс,

а сама “неумолимая” закономерность, интегрирующая людей в нацию, воспринимается как общность исторической судьбы. Последняя метафора непосредственно возводит концептуализацию проблемы нации к мифологическому миропониманию. Миф истолковывает динамику естественно-исторического процесса как переход от “натуры” к “культуре”. Поэтому нация понимается как *нация-культура*, что и нашло отображение в политике культурно-национальной автономии.

Возможно, данные соображения и лежат в основе современной интерпретации нации как “воображаемой общности” (Б. Андерсон)⁵. Э. Смит “дух нации” специфицирует как миф: “Нация — это абстрактный миф, который тем не менее имеет глубокие корни на различных уровнях исторической реальности, и, сплавливая между собой гражданство с этнической принадлежностью и территорией, она может удовлетворять многие потребности и вызывать безмерную преданность”⁶.

Трактовка нации как мифа и, более широко, как духовной общности (если учесть, что в высказывании Э. Смита термин “миф” используется некатегориально) демонстрирует частичность объективного подхода. При его экспликации через мифологему судьбы он незаметно переходит в субъективный подход, объясняющий нацию через те или иные формы национального самосознания.

В этом отношении ограничен переход и в противоположном направлении. Ценностная ориентация либерализма при реализации субъективного подхода обращает внимание на “изобретение” или “конструирование” механизма государства, выступающего в качестве основы самоопределения нации. Концепция *нации-государства*, реализованная в практике Организации Объединенных Наций, резюмирует объективность национально-го бытия как результата исторического процесса.

В версии субъективного подхода государство оценивается как объективное условие свободного существования нации, которая, следовательно, до самоопределения пребывала в некотором несвободном, искусственном состоянии. В таком качестве ее обычно фиксируют термином “народ”. По определению К. Дейча, “нация — это народ, обладающий государством”⁷.

Сопоставляя две линии в обсуждении национального вопроса, нетрудно заметить их взаимообратимость. Оппозиции *нации-культуры* и *нации-государства*, естественного и искусственного путей, объективного и субъективного подходов, восточно-европейской и западно-европейской традиций оказываются чрезвычайно зыбкими и верными “наоборот”. Скажем, в известном смысле западно-европейский путь можно описать как возврат к

естественному состоянию, а восточно-европейский — как подъем к культуре.

Зеркальная обратимость различных позиций является признаком того, что предмет исследования фиксируется односторонне. Последовательное развитие избранной точки зрения неизбежно приводит к точке зрения противоположной. Так, например, разъяснение существа самого национального вопроса приводит к его переосмыслению. Национальный вопрос оказывается *интернациональным вопросом* — вопросом о взаимоотношениях наций.

Как известно, обратная сторона национального вопроса была отмечена В. И. Лениным: “Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.”⁸.

Как это ни странно, теоретическая ценность тезиса В. И. Ленина повышается в контексте современных исследований. Сегодня обсуждение национального вопроса ведется, как правило, в дискурсе национализма, что отражает только одну из отмеченных исторических тенденций. Общепринятое же понимание сути национального вопроса имплицитно фокусирует обсуждение на явлении интернационализма. Взаимообусловленность двух исторических тенденций необходимо предполагает рефлексивность и двух теоретических традиций. Познавательная схема “теории — модели — концепции”, апробированная в анализе национализма, представляет интерес и при изучении интернационализма.

Некоторые, не очень утешительные, итоги отечественным исследованиям явления интернационализации были подведены в монографии Ю. В. Попкова: “Как правило, обсуждаются одни и те же вопросы, такие как расцвет и сближение, интернационализм, новая историческая общность — советский народ, соотношение интернационального и национального. Но их теоретическая проработка недостаточно глубока, анализ является по преимуществу поверхностным. В целом, несмотря на достаточно многочисленную литературу, процесс интернационализации изучен к настоящему времени лишь в общих чертах. Слабо разработанными являются методологические и теоретические вопросы, а неразвитость теории определяет и несовершенство понятийного аппарата в данной области знаний”⁹.

На мой взгляд, задачей сегодняшнего дня становится рефлексивный синтез теоретических достижений в исследованиях как

национализма, так и интернационализма. Культура теоретической проблематизации, достигнутая при обсуждении национализма, может быть творчески освоена и использована в исследовании интернационализма. И наоборот, эвристика исследований процесса интернационализации может быть успешно применена при обсуждении феномена национализма.

В поисках эффективной методологии исследования проблемы интернационализации *новосибирская школа этнофилософии* обратилась к экспликации метода восхождения от абстрактного к конкретному¹⁰. В общем виде ценность его применения усматривается в том, что с помощью этого метода возможно решение “задачи рассмотрения не отдельных сторон, а общих закономерностей формирования, функционирования и развития” процесса интернационализации¹¹. Поскольку ситуация антиномичности существует и при обсуждении национализма в противопоставлении различных традиций и подходов, эффективность метода восхождения для разрешения противоречий не вызывает сомнений.

Противоположность различных подходов в описании нации может быть снята их интеграцией. В некотором процессе *национального движения* с равной степенью достоверности фиксируются естественные и исторические компоненты, материальный субстрат и сознание, объекты и субъекты. Оставим пока в стороне вопрос о конкретном соотношении указанных сторон. Целостный процесс национального движения определим абстрактно как духовно-практическую деятельность. В этом случае нация определяется как *духовно-практическая общность людей*.

Движение от абстрактного к конкретному пока не специфицирует нацию как таковую, но в перспективе задает теоретико-методологическое основание для построения системной типологии духовно-практических общностей. В пределах типологии протонациональный субстрат интерпретируется также в качестве духовно-практической общности, спецификация которой производится либо по духовному, либо по практическому основанию. Поскольку спектр комбинаций достаточно широк, постольку в терминологической решетке опорными могут быть не только термины “нация”, “народ”, “этнос”, но и другие.

Конкретная эмпирия национального вопроса позволяет сделать предположение о существенной обусловленности нации утопическим сознанием (“американская мечта” формирует “сто процентных” американцев). Дифференциация утопического сознания становится объективным (мыслительным) основанием для образования все новых и новых наций.

Обрисованная мир-системным анализом¹² пессимистическая перспектива суверенизации микронаций далеко не безусловна. Логика национально-освободительных движений порождает обратные связи, снимающие национальный вопрос с повестки дня. Становление этнократий и внутреннего колониализма является симптомом определенного проблемного сдвига в духовной жизни: формируется явно прагматичное отношение к национальному вопросу. Он решается индивидуально путем личного национального самоопределения. Выбор национальной принадлежности — экономическая задача, решаемая посредством рационального расчета.

Одним из последствий новых стратегий поведения стала демографическая проблема — депопуляция одних наций и гиперпопуляция других. В кругу глобальных проблем, поставленных современной наукой, демографическая проблема замещает национальный вопрос. Соответственно образуются постнациональные общности — интернациональные единства, различающиеся характером той рациональности, которая реализуется в демографической политике.

По мнению В. В. Мархинина, *региональные межэтнические сообщества* следует квалифицировать как *цивилизации*¹³, действительная консолидация которых происходит только в настоящее время. Данная гипотеза восходит к идеям К. Леонтьева, который в одном из литературных образов сформулировал следующий вывод: "Все эти писатели на разные лады подтверждают наше мнение; все согласны в том, что Европа смешивается в действительности и упрощается в идеале"¹⁴.

Если следовать выдвинутой гипотезе, то нужно крайне осторожно относиться к философско-историческим реконструкциям, экстраполирующим на прошлое современные типы общностей. Да и символическое единство цивилизации целесообразнее фиксировать не в специфической религиозности, а в экономически обусловленном типе рациональности — этнонауке, определяющей меру цивилизованности.

Примечания

¹ Национальный вопрос // Политология: Энциклопедический словарь. — М., 1993. — С.209.

² Миллер А. Национализм как теоретическая проблема // Национализм и формирование наций: теории — модели — концепции. М., 1994. — С.VII.

³ Социологические теории национализма. — М., 1991. — С.26.

⁴ См.: Баубек Р. Национализм против демократии // Национализм: взгляд из-за рубежа. — М., 1995. — С.9—18

⁵ См.: Социологические теории национализма. — С.16.

⁶ Цит. по: *Майборода А. Н.* Национализм как общественное явление: анализ основных концептуальных подходов // *Национальный вопрос за рубежом.* — М., 1989. — С.291.

⁷ Цит. по: *Поздняков Э. А.* Нация. Национализм. Национальные интересы. — М., 1994. — С.19.

⁸ *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. — Т.24. — С.124.

⁹ *Попков Ю. В.* Процесс интернационализации у народностей Севера. — Новосибирск, 1990. — С.12,13.

¹⁰ См.: *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. — Новосибирск, 1981.; *Мархинин В. В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. — Новосибирск, 1989; *Попков Ю. В.* Процесс интернационализации у народностей Севера.

¹¹ *Попков Ю. В.* Процесс интернационализации у народностей Севера. — С.20.

¹² См.: *Уоллестейн И.* Общественное развитие или развитие мировой системы? // *Вопр. социологии.* — 1992. — № 1. — С.77—89.

¹³ См.: *Мархинин В. В.* Социально-философские основания теории этноса: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Новосибирск, 1994. — С.15.

¹⁴ *Леонтьев К.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Леонтьев К.* Избранное. — М., 1993. — С.119.

В. В. Бобров

К ПРОБЛЕМЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исследование и разрешение любой научной проблемы требуют всестороннего изучения структуры и содержания исследуемых объектов, выявления источников и движущих сил наблюдаемых в них процессов, учета взаимообусловленности и взаимозависимости всех структурных элементов, а также преходящего характера совершающихся изменений.

Анализ проблемы устойчивости этносоциального развития предполагает прежде всего четкое определение сущностной природы и масштабов использования соответствующего понятия. Устойчивость означает способность конкретной развивающейся системы не выходить за допустимые пределы направленных и закономерно обусловленных изменений, а также возможность восстанавливать исходное положение после отклонения от номинальных параметров развития. Формально-логические основания понятия устойчивости, как правило, не вызывают особых расхождений в его интерпретации. Различия во взглядах у исследователей возникают при определении допустимых пределов и номинальных параметров происходящих в процессе развития изменений. При этом очень часто игнорируется тот факт, что само развитие — это не что иное, как необратимое, направленное и закономерное изменение материи и сознания. Необрати-

мость допускает развитие только в одном направлении и характеризуется положительным производством энтропии. В замкнутых системах необратимость приводит к возрастанию энтропии, т.е. к приближению этих систем к состоянию равновесия, когда неравновесные процессы становятся взаимозависимыми и взаимообусловленными по отношению друг к другу. Направленность изменений вызывается исходной заданностью направления развития, а закономерность предполагает объективно существующую и повторяющуюся связь явлений и процессов.

Этносоциальное развитие традиционного общества как относительно замкнутой системы исследовано достаточно основательно, и богатейший фактический материал позволяет выявить допустимые пределы и номинальные параметры возможных изменений в жизни этносов, при которых последние сохраняют свои качественные характеристики и сущностную природу. Однако "лабораторно чистых" этносов не существует. Жизнедеятельность каждого народа развивается в условиях межкультурного взаимодействия, что существенно раздвигает рамки воздействия на этот народ внешних сил. То, что в пределах жизни двух-трех поколений представляется незначительным, в последующем может в корне изменить качественные характеристики этноса. Это обстоятельство значительно усложняет проблему этносоциального развития, тем не менее необходимость ее решения заставляет искать пути, обеспечивающие взаимоприемлемое сосуществование разных народов.

Для того чтобы выйти на ясное понимание проблемы устойчивости этносоциального развития, в качестве исходных задач предлагается выдвинуть следующие:

- во-первых, выяснение источников возникновения, движущих сил и условий сохранения устойчивости процессов этносоциального развития;

- во-вторых, уточнение оптимальных параметров допустимых изменений в этносоциальном развитии, которые не повлекут за собой разрушительных последствий для количественных и качественных характеристик этноса и обеспечат его устойчивое развитие;

- в-третьих, установление условий, инициирующих эволюционные или революционные изменения в этносоциальном развитии, и возможностей прогнозирования конечного результата;

- в-четвертых, определение оценочных параметров прогрессивности и регрессивности этносоциального развития;

- в-пятых, раскрытие возможностей субъективного воздействия на процессы этносоциального развития в интересах обеспечения их устойчивости.

Отличительной чертой любого этноса является наличие общих элементов в материальной, социальной и духовной культуре, а также общих внешних и физических особенностей гено-типа. Даже разьединенный государственными границами этнос чувствует свое изначальное родство и нередко использует его для достижения ближайших и дальних целей этносоциального развития. Это может выражаться в простом воспроизводстве населения, в создании наиболее благоприятных условий для удовлетворения потребностей конкретного народа в необходимых ресурсах, в организованной защите достигнутого социального положения по отношению к другим этносам и т.д.

В идеале “лабораторно чистое” развитие любой этнической группы предполагает

- наличие всех необходимых ресурсов для поддержания жизнедеятельности народа и обеспечения надежного воспроизводства новых поколений;

- сохранение генетических характеристик этноса, что возможно лишь на основе запретов на контакты с другими народами и исключения таким образом кровосмешения;

- недопустимость заимствований у других этносов элементов материальной культуры, так как это неизбежно влечет за собой ассимиляцию в нравах, обычаях и традициях данного этноса по отношению к народам с более высоким уровнем технической и технологической вооруженности;

- принятие мер по предупреждению “агрессии” других народов в сфере духовной культуры и т.д.

Обеспечение всех этих условий сопряжено со значительными трудностями в поддержании соответствующей системы общественных отношений данного этноса с другими народами. В истории человечества ситуации, когда одни этнические группы были полностью изолированы от других, являются исключениями из общих правил, и порождались они какими-либо экстремальными обстоятельствами. При этом понятие “полная изоляция” достаточно условно. Даже традиционные общества, сохраняя территориальное размежевание, осуществляли обмен потребительскими товарами с другими народами и заключали межэтнические браки. Следовательно, проблема сохранения этнической чистоты по своей значимости уступала проблеме удовлетворения физиологических и биологических потребностей людей.

Источником и движущими силами социального развития выступают потребности людей в необходимых для их существования ресурсах. В борьбе за эти ресурсы общность этнического признака является одним из важнейших критериев объединения одних людей против других и уступает лишь родственным и се-

мскими связям. В условиях мононационального общества для получения режима наибольшего благоприятствования в удовлетворении потребностей в качестве критерия объединения (разъединения) людей выступают профессиональные, имущественные, возрастные, территориальные и другие социализирующие признаки. Этническое же объединение (размежевание) возникает в условиях резкой и глубокой дифференциации этносов по месту и роли в организации общественного производства и размерам получаемого дохода. Этнические группы, представители которых занимаются неквалифицированным трудом, имеют незначительные материальные ресурсы для удовлетворения жизненно важных потребностей и при этом из-за ограниченности занимаемого социального пространства не способны в рамках существующих общественных отношений эффективно влиять на изменение своего социального статуса. Естественным и единственным способом выражения протеста против явной дискриминации является размежевание с другими народами и предъявление обществу претензий по этническому признаку.

Другая причина использования этнического признака для противопоставления интересов одной этнической группы интересам других также коренится в потребности осуществлять контроль за имеющимися ресурсами, но не столько ради этноса, сколько для пользы правящего слоя. В условиях многонационального государства данный вариант реализуется в форме раздела сфер влияния между кланами господствующей элиты.

В том и другом вариантах в качестве идейного обоснования на переднем плане стоят проблемы сохранения национальной культуры. Истинный смысл происходящего тщательно маскируется. При достижении поставленных целей декларируемые задачи, как правило, отходят на второй план. Постоянно существующее противоречие, порождаемое борьбой за ресурсы, приобретает новое содержание и переходит в другие формы противостояния: между профессиональными группами, между территориями, между богатыми и бедными и т.п. Через определенный исторический промежуток на первый план вновь выходит этнический вопрос.

Подчеркивая ведущую роль в общественном развитии борьбы за ресурсы, в процессе и в целях которой индивиды объединяются по различным социализирующим признакам, мы считаем, что этнический вопрос является наиболее болезненным с точки зрения социальных технологий. Одной из важнейших задач в русле разработки данной проблемы следует поставить исследование содержания понятия "этнос". Подавляющая масса определений фиксирует общность территории проживания, языка и культуры, и при этом остается без внимания основной опре-

деляющий признак — антропологические особенности (расовые различия). Между тем именно они являются основным признаком этноса, и уже после них затем можно вести речь о других характеристиках: языке, нравах, обычаях, традициях, элементах материальной и духовной культуры и т.п. Для некоторых этнических групп территориальная принадлежность является скорее исторической памятью, чем объективной реальностью. Однако это не мешает им сохранять свою этническую самобытность. В этих целях они предпринимают серьезные меры, которые, тем не менее, допускают кровосмешение, овладение материальной, социальной и духовной культурой, господствующей в данном обществе, и т.д.

Определив место и роль этноса в общественном развитии человечества как естественный способ объединения людей в борьбе за свои ресурсы, мы должны выяснить оптимальные параметры его устойчивого развития.

На первое по значимости место необходимо поставить вопрос о межнациональных и межрасовых браках, так как чистота этнического развития предполагает в идеале воспроизводство новых поколений только на основе собственного этнического материала. Однако история человеческих отношений свидетельствует о почти полном пренебрежении индивидов интересами этноса. Напротив, в общественном мнении культивировались идеи свободы выбора, и они нашли свое отражение в правах человека, которые в настоящее время считаются критерием уровня цивилизованности того или иного государства. Следовательно, наиболее важный для “чистого” этнического развития момент в действительности фактически игнорируется не только в практике межэтнических отношений, но и в нормах международного права. При создании семьи люди предпочитают учитывать внешние данные, физическое строение тела и интеллект будущих супругов, состояние их здоровья, профессию, имущественное положение и т.д. Этническая принадлежность в большинстве случаев, как свидетельствуют результаты социологических опросов, при заключении брака не является определяющим мотивом. Налицо противоречие между индивидуальными и социально-групповыми интересами. Углубление межкультурного взаимодействия народов усиливает данную тенденцию, и в этом заключается необратимость процесса этносоциального развития в одном направлении. Данное обстоятельство требует систематического изучения, с тем чтобы получить возможность прогнозировать межэтнические отношения на ближайшую и долгосрочную перспективу.

На второе место выдвигается проблема сохранения инструментов общения, т.е. всего того, что называется духовной куль-

турой. Как уже отмечалось, именно сохранение национальной культуры объявляется целью при объединении индивидов по этническому признаку в борьбе за ресурсы. При этом сознательно игнорируются закономерности формирования духовных компонентов как отражения элементов материальной и социальной культуры. В условиях межкультурного взаимодействия удовлетворение жизненно важных потребностей происходит за счет использования и потребления более высококачественных, экономических, технологичных и дешевых средств материальной культуры. Заимствование одними этническими группами у других средств производства и предметов потребления автоматически влечет за собой усвоение соответствующих норм и правил социального поведения. Это находит свое отражение в вербальных структурах, произведениях художественного творчества и т.д. Остановить данный процесс можно лишь путем полной изоляции этноса, находящегося на более низкой стадии развития материальной культуры, от народов, овладевших высотами научно-технического прогресса.

Вполне понятно, что такой путь бесперспективен. Тем не менее некоторые представители творческой интеллигенции малочисленных народностей Севера России в конце 80-х и начале 90-х годов одним из способов решения проблемы сохранения духовной культуры своих этносов выдвигали "уход в тайгу (тундру)", "возврат к традициям предков". Следование их "рекомендациям" привело к резкому ухудшению социально-экономического положения северных народов, но несколько не способствовало решению проблемы сохранения и возрождения традиционной духовной культуры. В условиях межкультурного взаимодействия этносов, находящихся на разных стадиях развития материальной культуры, возможно замедление темпов воздействия на систему знаковых элементов духовной культуры этноса-потребителя со стороны этноса-производителя с помощью мер, направленных на адаптацию собственных вербальных структур к вторгающимся информационным потокам. Но для этого требуются значительные усилия в области научного обеспечения и соответствующее руководство средствами массовой информации.

Если взять данную проблему в целом, то нетрудно заметить, что в сфере семейно-бытовых отношений язык даже самого малочисленного народа сохраняет свою самобытность, если этот народ проживает относительно компактно. Интернационализация жизни касается средств общения преимущественно в сфере производительного труда. Необходимость участия в общественно-полезной деятельности и актуализированная потребность в получении максимально возможного вознаграждения за труд вынуждают индивидов овладевать языком межнационального

общения и пренебрегать родным. Но это не означает, что индивид, потерявший один из признаков этнической принадлежности, перестает чувствовать себя ее представителем. Родовые корни дают о себе знать до конца жизненного пути. Данная проблема нуждается в комплексном исследовании и более, чем какая-либо другая, сопряжена с углублением имеющихся противоречий в результате абсолютизации значения отдельных структурных элементов культуры.

На третье место при определении оптимальных параметров этносоциального развития целесообразно поставить вопрос о допустимых изменениях, которые не повлекут за собой разрушительных последствий для количественных и качественных характеристик данного этноса. Здесь следует вести речь об условиях жизнедеятельности и жизнеобеспечения, к которым относится прежде всего доступ представителей этноса к совокупному общественному продукту (СОП). При общественном разделении труда получение части СОП возможно только через общественно-полезную деятельность. Размеры вознаграждения зависят от квалификации работника, места работы, роли в общественном производстве и т.д. Вполне понятно, что представители этнической группы с низким уровнем материальной культуры вынуждены заниматься неквалифицированным трудом, получать меньшие, по сравнению с представителями других этносов, доходы и имеют значительно меньше шансов в собственном жизнеобеспечении. Выход из подобного положения видится на путях активной подготовки молодежи по современным специальностям, внедрения в традиционные сферы трудовой деятельности энергосберегающих, высокопроизводительных и экологически чистых технологий. Это позволит поднять качественные характеристики этнической группы в важнейшей сфере жизнедеятельности общества — общественном разделении труда. Сознание собственной значимости, достаточная доля СОП для удовлетворения жизненно важных потребностей, чувство равенства с другими этническими группами и уверенность в будущем создают основу для сохранения и увеличения количественных характеристик этноса.

Этот путь является наиболее трудным, но именно он позволит решить проблему комплексно. Исторический опыт показывает крайне отрицательную роль безвозмездного отчисления части СОП аборигенам Канады и индейцам на территории США. Сходная ситуация сложилась и на Севере России, после того как в 60-е годы малочисленные народы автоматически стали считаться равноправными де-факто с другими этносами, хотя они еще не приобрели соответствующих количественных и качественных характеристик (показатели их образовательно-про-

фессиональной структуры существенно отличались от средних по стране). Суженность социального пространства, сознание явного неравенства и невозможности конкурировать в сфере общественного разделения труда с представителями этносов — носителей более высокой материальной культуры неизбежно приводят к асоциальному поведению, чаще всего к пьянству. Признавая неизбежность межэтнических браков и сокращения сферы функционирования элементов духовной культуры малочисленных этносов, необходимо подчеркнуть, что не только и не столько эти факторы обуславливают сокращение их численности и угрожают им полным исчезновением. Основной фактор — снижение жизненного уровня.

Не менее важным для понимания сущности проблемы устойчивости этносоциального развития является выяснение значения эволюционных и революционных изменений, а также оценочных параметров прогрессивности и регрессивности. Например, социальные преобразования 20—30-х годов нашего века были весьма благополучными для выживания малочисленных народов Севера России. Эти революционные преобразования существенно сократили разрыв в общественном развитии между традиционными и индустриальными обществами. Но с другой стороны, они усилили процесс ассимиляции, который и до этого уже шел, правда эволюционным путем. Поэтому понятия “прогресс” и “регресс” могут использоваться одновременно в оценке одного и того же явления. В плане улучшения количественных и качественных характеристик северных этнических групп указанные преобразования были весьма прогрессивными. Повысился уровень их жизнеобеспечения, улучшились условия трудовой деятельности, появились возможности для интеграции в новые социальные группы и т.д. Однако идущие высокими темпами социально-экономические преобразования не сопровождались соответствующей подготовкой кадров из числа представителей коренного населения для сферы материального производства даже в традиционных для северных этносов отраслях народного хозяйства. Всеобщая грамотность и преобладание у этих этнических групп специалистов с высшим образованием гуманитарного профиля активизировали процессы этнического самоосознания и понимания различий в уровнях материальной, социальной и духовной культуры. Из-за неспособности самостоятельно адаптироваться к происходящим изменениям представители северных малочисленных народов оценивали проведенные социально-экономические преобразования как регресс.

В рамках глобальной концепции устойчивого социального развития, в которой на первый план выдвинуты идеи о зависимости возможностей развития человечества от наличия природ-

ных, в первую очередь продовольственных и энергетических, ресурсов, а также от сохранения экологически безопасной окружающей среды, проблеме устойчивости этнического развития уделяется незначительное место. Однако реальная борьба за имеющиеся ресурсы делает эту проблему чрезвычайно актуальной, так как этнический признак при определенных условиях может стать решающим фактором в обеспечении или разрушении данной устойчивости.

Одним из способов получения режима наибольшего благоприятствования в потреблении СОП является суверенизация по этническому признаку. Это означает, что представители одной этнической группы или национальности получают возможность контролировать распределение СОП. В ряде случаев такие решения являются реакцией на исторически сложившееся положение в общественном разделении труда и соответственно на размеры вознаграждения за общественно-полезную деятельность. Однако при этом не учитывается вклад каждой этнической группы в создание СОП. Вместо повышения качественных характеристик этноса и, таким образом, расширения его участия в общественном производстве, т.е. обеспечения равноправия с другими этническими группами, происходит углубление уже имеющихся противоречий за счет неадекватного вклада данного этноса в производство СОП в сравнении с его потреблением.

Современная история убедительно демонстрирует справедливость этого утверждения. Под флагом суверенизации республик распался Советский Союз. Ныне особых привилегий для себя требуют представители некоторых коренных национальностей на территории России, хотя количественно на территориях своего компактного проживания они находятся в меньшинстве. Требования суверенизации по своей форме предполагают обеспечение устойчивости развития этносов, но реальные шаги по овладению современной материальной культурой на деле не принимаются, адаптация языков к современным информационным потокам не осуществляется и т.д. Идет откровенная подмена решения проблемы этносоциального развития заботами о выгодном распределении ресурсов.

Все это является достаточно очевидным фактом, поэтому уже сегодня проблема устойчивости этносоциального развития предстает на двух уровнях: в рамках конкретных государственных образований и в масштабах всего человечества. Весь ход предыдущих рассуждений строился на рассмотрении взаимоотношений этноса с другими этническими группами внутри одной страны. Но чтобы наш анализ не был односторонним, необходимо сделать несколько замечаний относительно состояния этой проблемы применительно к международному сообществу.

Во-первых, в каждом государстве проживают представители различных этнических групп, и поэтому в межгосударственных отношениях акцент делается на представление интересов всей совокупности населения страны. Во-вторых, некоторые этносы имеют места компактного проживания (общины, автономии и т.п.) одновременно в различных странах, и их интересы защищают также международные организации. Следовательно, в межгосударственных отношениях очень часто присутствуют проблемы межэтнических отношений, что непосредственно влияет на процессы этнического развития внутри каждой страны. В-третьих, обеспечение на международном уровне гарантий поступательного этнического развития зависит от решения двух взаимосвязанных задач. Первая — сохранение и увеличение ресурсов жизнедеятельности этноса, что достаточно легко диагностируется наличием государственных границ, структурой, содержанием и режимом международной торговли. Но решение этой задачи в интересах каждой страны требует мирного сосуществования и равноправного партнерства, а это, как показывает история международных отношений, временами возможно лишь между экономически равноценными субъектами международного права. Отсюда вторая задача заключается в преодолении неравенства между странами в уровнях их социально-экономического развития. Однако в удовлетворении потребностей люди ведут свой отсчет от количественных и качественных характеристик достигнутого уровня. Индивидов можно только заставить сменить парадигму потребления, но сами они никогда не решатся на снижение параметров образа жизни. Поэтому ликвидация неравенства в уровнях социально-экономического развития между странами — это скорее ориентир на очень далекую перспективу, чем практически достижимая цель.

Проблема устойчивости этносоциального развития требует постоянного изучения и должна рассматриваться комплексно, без абсолютизации значения ее отдельных структурных элементов, с учетом направленности и необратимости исторического процесса, обусловленного противоречиями между потребностями различных уровней: индивидуальными, социально-групповыми, общегосударственными и международными.

О. Д. Олейникова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ

Россия испокон веков жила “у бездны мрачной на краю” И ныне предощущение катастрофы носится в воздухе, влияет на умонастроения, вызывает у людей депрессию, неверие в возможность какого бы то ни было улучшения положения, мирного разрешения межнациональных конфликтов. Но почти каждый человек осознает, что это не вся правда, ибо существуют реальные возможности выхода из кризиса, разработки разумной экономической и конструктивной национальной политики, не приводящей к дезинтеграции этносов, а ориентирующей на их плодотворное экономическое и культурное взаимодействие.

В 1991 г. Г. Гусейнов представил один из возможных вариантов такой политики — “скорейшее разукрупнение административно-территориальных единиц: чем больше автономий или областей, компактно населенных малочисленными народами, получают тот же пакет прав, что у нынешних союзных республик, тем насущнее станет необходимость на всей территории страны исключить этнический момент из государственного обихода”¹. Этот рецепт не был востребован. И если его рассматривать как средство достижения национального согласия, он представляется весьма спорным, как и план обустройства России, предложенный А. И. Солженицыным. Однако безусловно верна указанная Г. Гусейновым ближайшая цель — “выработка конкретных правовых норм, обеспечивающих приоритет личности — с ее моно-, поли- или вовсе безэтнической ориентацией — перед любыми, этническими в том числе, сообществами”²

Между национальным и личностным существует противоречие того же порядка, что и всякое противоречие группового и индивидуального сознания. Так, национальная группа в конкретных ситуациях может потребовать от человека частичного отказа от своей индивидуальности, личных интересов, личной точки зрения. Нация может требовать от человека полного “растворения в идентичности”. В этом случае национальное единство возводится в культ, в абсолют, утверждается в качестве высшей цели и наделяется сакральным смыслом. Альтернативная позиция не просто теоретически отрицается, но объявляется враждебной до такой степени аффектации, что следует физическое уничтожение ее конкретных носителей. Свидетельство тому — бесчисленные жертвы Сумгаита, Карабаха, Чечни...

Сценарий обновления страны по пути национального возрождения представляется не просто архаичным и тупиковым, но и неизбежно ведущим к трагической развязке. Национальная идея противостоит идее суверенной личности. Речь идет о приоритете и иерархии ценностей: что есть высшая ценность — этнос или индивид?

Э. Геллнер справедливо отмечает, что человек сам создает нации, которые являются продуктом человеческих убеждений, пристрастий, склонностей. “Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка), — поясняет он, — становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию”³. В. А. Тишков в своей статье “Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе” приводит определение нации, данное Э. Геллнером: “Нация — это своего рода постоянный, неформальный, извечно утверждаемый плебисцит”⁴.

Национальный вопрос не утратит своей остроты до тех пор, пока не возобладает здравый смысл в экономической политике. Экономическая взаимозависимость этносов, проживающих в многонациональном государстве, делает насущной потребность в их интернационализации в границах этого государства. Отсюда возникает необходимость формирования национального гуманизма как типа мышления, ориентированного на интернациональные ценности. Ю. В. Попков в своей книге “Процесс интернационализации у народностей Севера” подчеркивает противоречивый характер взаимодействия северных этносов с экономически более развитыми национальными общностями, показывает в целом позитивную роль интернационализации в развитии этих этносов, обогатившей их материальную и духовную национальную культуру прогрессивными элементами. “В строгом смысле слова, — отмечает Ю. В. Попков, — интернационализация есть взаимопроникновение национальных общностей, т.е. она выступает как сторона непосредственного взаимодействия”⁵.

Многие люди начинают осознавать, что современное мышление — мышление принципиально диалоговое, способствующее преодолению конфронтации и установлению компромисса и сотрудничества. Интернационализацию тогда можно рассматривать как форму межэтнического диалога, поскольку межэтнические отношения и связи должны соответствовать обоюдным интересам, основанным на равноправном партнерстве. Этнос как

социальная группа, остро переживающая ощущение собственной исключительности, вырабатывает зачастую антивластный, антигосударственный дискурс, обычно успешно используемый властными структурами в своих узкогрупповых корыстных целях. Этот дискурс направлен против дисциплинарного контроля со стороны государства и гипертрофии социальных норм, — вот почему в некоторых своих чертах он может считаться асоциальным. Члены этноса испытывают страх, связанный с постоянным риском утраты внутренних связей и распада. На такую угрозу этнос реагирует гиперпроизводством моральных норм и реанимацией прежних табу, призванных сохранить его целостность. В этом плане активность, направленная на сохранение “чистоты крови”, напоминает поведение любых “асоциальных” сообществ, компенсирующих постоянную тенденцию к самораспаду созданием жестких кодексов поведения, норм, запретов, предписаний. Главный запрет — запрет на интернационализацию, рассматриваемую как предательство, ведущее к дезинтеграции.

Между тем интернационализация не является разрушающим фактором, она стимулирует равноправие и свободу национального самовыражения. Для сохранения этноса нужны не морализаторство и националистическое кликушество, не символическая магия атрибутики, а реализация эффективной рациональной программы сосуществования с другими этносами. Нации сплачиваются различными факторами, в том числе и страхом самораспада. Позитивная программа сплочения сверхнациональна. У американцев, к примеру, была идея великой Америки, вокруг которой они сплотились и благодаря этому вышли из кризиса. Более продуктивным и эффективным оказывается сплочение в процессе сотрудничества, соучастия в строительстве жизни, в укреплении созидательного интернационального начала.

Национальная культура не может развиваться, не опираясь на общечеловеческую нравственную культуру, на уважение к личности. Искусственно ускоренный подъем национального самосознания оборачивается упадком нравственности: аморален человек, уверенный в том, что национальная принадлежность может автоматически заменить личные достоинства, возвысить его над другими людьми. Не в этом ли освобождении от необходимости действительной личностной состоятельности кроется причина “убогой доступности” (выражение Г. Гусейнова) и неизменной популярности национальной идеи и явного отторжения идеи интернационализации?

Подлинный суверенитет начинается с суверенитета личности. Идея национального возрождения привлекательна своей эмоциональностью — и только, потому как вопросы всестороннего

национального обустройства, столь болезненные сегодня, все-таки вторичны, хотя их намеренно выдвигают на первый план. Национальные проблемы не разрешатся без углубления демократизации жизни, без социального раскрепощения, без плодотворного решения экономических проблем. Не существует отдельно взятой национальной свободы без свободы в общечеловеческом понимании. Г. Гусейнов еще в 1991 г. отметил, что идея суверенитета отдаст "старым могильным смрадом", что постулат "считать нацию политическим субъектом — один из самых опасных⁶. Современные этнологи справедливо утверждают: "Единственный путь избежания насилия — это дестнификация государственного устройства и деполитизация национальных отношений; национальность должна стать частным делом гражданина, объектом его культурных, языковых и бытовых предпочтений"⁷

Поскольку права личности в контексте национального вопроса приоритетны, аморально рассматривать эмиграцию как измену нации, национальным интересам. Марина Цветаева, беженка и изгнанница одновременно, трагически переживала утрату Родины как свое сиротство. Земля прочна под ногами только в родном краю, но не на чужбине. "Потому что малейшая искра, — пишет великая поэтесса, — и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды неизменно и вопиюще — несправедливыми, неправедными разрядами. Потому что в каждом из нас, пусть смутьян, пусть волк, — здесь — неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, — неизменно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты — мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборейца, товарищи не по несчастью, а по опасности. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни..."⁸. Эмиграция — законное право каждого, и она не должна быть предметом морального осуждения. Человеска, покидающего родину под натиском враждебных обстоятельств, не стоит оправдывать, поскольку оправдывают виноватых. Нет вины на тех, кто, спасая себя и своих близких от поругания и уничтожения, оставляет отчизну. М. Цветаева поясняет: "Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая — верная смерть"⁹

Историческая родина каждого человека — та земля, на которой он родился и сформировался как личность. Российское государство складывалось как огромное многонациональное

образование. Б. К. Зайцев (1881—1972 гг.), русский писатель и патриот, отмечал национальный и культурный синкретизм российской самобытности: “Мы не только славяне и татары, мы наследники Византии, Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривающий из смеси племен и рас совсем свое и совсем особенное”¹⁰. Российское национальное единство изначально оформлялось как единство своеобразия и разнообразия. Устойчивость целостности России как государства определялась помимо всего прочего становлением особого психического типа — россиянина, живущего на огромных пространствах, административные единицы которого оформлялись не по этническому признаку. Поэтому национальная идея России — идея патриотическая, идея отечества и братства.

Особую уникальность России как многонационального государства, имеющего единую — высочайшую — культуру, подчеркивал русский философ К. Н. Леонтьев (1831—1891 гг.). Он полагал, что национальное своеобразие России берет свое начало в “византизме”, на основе которого выстраивались ее духовность и государственность. Русскую нацию К. Н. Леонтьев рассматривал как соборный организм, как культурно-эстетическую субстанцию национального развития, а культуру — как основу развития национального. Его призыв крепко стоять на почве традиций, укреплять своеобразие национального и государственного устройства, был обречен остаться неуслышанным. К. Н. Леонтьев усматривал чудовищную опасность в европеизации России, в попытках “развивать” ее по западному образцу, ведущих к космополитизму и мещанству, национальному обезличиванию и опопшлению культуры. В письме к О. И. Фуделю он писал: “...Россия должна все-таки разниться от Запада и государственным строем своим. Иначе она не главой религиозной станет над ним, а простодушно и по-хамски срастется с ним ягодицами демократического прогресса (родятся такие уроды — ягодицами срослись)”¹¹, а потому Европа — “пример для неподражания”¹². Понимая национальное начало эстетически, как феномен культуры, К. Н. Леонтьев не испытывал сомнений по поводу того, что приобщение к буржуазной цивилизации неотвратимо приведет к деградации русской духовности и утрате национально-культурного своеобразия России.

К. Н. Леонтьев не чуждался национальной самокритики, однако критику недостатков российского мироустройства из уст иностранцев воспринимал как личное оскорбление. Так, находясь на дипломатической службе в Турции, он в сердцах проучил хлыстом французского консула, оскорбительно высказавшегося

о России, и всю жизнь гордился этим своим поступком. (Вот уж действительно, в любви русских к своему отечеству нет и намека на рассудочное хладнокровие, эта любовь мучительная и сострадательная, любовь-страсть, порой затмевающая разум, толкающая на крайности.) Мыслителю была чужда доктрина мирского счастья, ибо “царство Божие внутри нас есть”, в миру ему не быть никогда. Социальный утопизм в любой его форме, в том числе и националистической, бесплоден. “Нации и государства, — писал К. Н. Леонтьев, — суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно осознанные законы природы и истории”¹³.

Национальная идея, как и любая другая, не стоит человеческих жертвоприношений. Родина-мать надеется, что ее сыновья-этноты станут кормильцами и защитниками, укрепляющими общий отчий дом. Величие России в ее тысячелетнем движении — в объединении усилий, направленных на ее процветание. Ядро ее духовности — память о родстве в духе, а не в “почве и крови”. Любить — не значит превозноситься, презирая других, любить — значит помнить родство объединения в могуществе Родины, осознавая себя ее наследниками и помощниками в ее процветании.

Примечания

¹ Гусейнов Г. Как решается “решенный” национальный вопрос // Социум. — 1991. — № 2. — С.49.

² Там же.

³ Геллнер Э. Нации и национализм // Вопр. философии. — 1989. — № 7. — С.124.

⁴ Тишков В. А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопр. философии. — 1990. — № 12. — С.12.

⁵ Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. — Новосибирск, 1990. — С.49.

⁶ Гусейнов Г. Как решается “решенный” национальный вопрос. — С.44.

⁷ Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В., Цимбурский В. Этнос и политическая власть // Век XX и мир. — 1989. — № 9. — С.18.

⁸ Цветаева М. Соч.: В 2 т. — М., 1988. — Т.2. Проза. Письма. — С.23.

⁹ Там же.

¹⁰ Зайцев Б. К. Слово о Родине // Лит. обозр. — 1991. — № 2. — С.2.

¹¹ К. Леонтьев — наш современник. — СПб., 1993. — С.7.

¹² Там же. — С.48.

¹³ Леонтьев К. Н. Антология. — СПб., 1995. — Кн. 1. — С.281.

С. К. Сергеев

ВОСТОЧНЫЙ И ЗАПАДНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

На первый взгляд, означенная в заглавии статьи проблема исследована исчерпывающим образом. Парадоксальность ситуации заключается в том, что огромный эмпирический материал и множество философско-методологических подходов к решению загадки “русской души” лишь множат многообразие ответов, порождая иронию: “Умом Россию не понять...”. Цель данной статьи — показать, что решение проблемы возможно с позиции *рационалистического* синтеза имеющихся знаний о человеке, социуме, культуре, и поставить вопрос о теоретико-методологических основаниях моделирования специфики русского национального характера.

Противоречия русского национального характера

Под *социальным характером* понимается система ориентаций, стремлений, установок, норм, задающих индивиду способ отношения к миру и другим людям — от восприятия идей и ценностей до образцов деятельности и поведения. Данное понимание вытекает из предложенной Э. Фроммом динамической схемы построения характера как системы соотнесенности человека с миром и самим собой, определяемой противоречиями существования¹. Поскольку характер как “относительно стабильная система неинстинктивных стремлений” замещает у человека недостающие природные инстинкты, постольку он образует “вторую природу”, т.е., по существу, выступает как социальный характер. *Национальный характер* — это социальный характер, рассматриваемый со стороны его этнической специфики.

Попытки описать содержание того, что составляет специфику русского национального характера, предпринимались не раз, причем как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, американский социолог А. Инкелес в начале 50-х годов провел исследование “великорусской личности”, чертами которой оказались “тенденция к зависимости”, “чувство страха и тревожности”, “недостаточная способность к самоконтролю”². Между прочим, данная характеристика не столь уж нелестна, если сопоставить ее, например, со следующим высказыванием: “Самый замечательный и трагический факт современной русской

политической жизни, указывающий на очень глубокую и общую черту национальной души, состоит во внутреннем сродстве нравственного облика типичного русского консерватора и революционера: одинаковое непонимание органических духовных основ общежития, одинаковая любовь к механическим мерам внешнего насилия и крутой расправы, то же сочетание ненависти к живым людям с романтической идеализацией отвлеченных политических форм³. Характеристика, данная С. Л. Франком в статье сборника "Из глубины", звучит весьма современно. Не менее современно, а потому часто цитируется, положение Н. А. Бердяева об антиномиях России и русского характера⁴. Дело, однако, не в том, насколько точны или ошибочны те или иные оценки русского национального характера. Необходимо связать структуру русского национального характера с природными и культурными детерминантами, что позволит не только описать его генезис и перспективы развития, но и понять их. Исследование, осуществляемое в социокультурном контексте решения данным этносом "экзистенциальных дихотомий", предполагает анализ этого "контекста", т.е. социокультурной системы со всеми ее противоречиями.

Несоответствие между социумом и его семантическим описанием в России

Социокультурную систему можно рассматривать как самореферентную систему, основным признаком которой является способность рассматривать себя в качестве объекта, так что в принципе возникает возможность постановки вопроса о самоидентификации. Представление о самой себе у самореферентной системы оформляется в виде знания — семантически выраженного соответствия структуры системы и ее отношения к окружающей среде как соответствия *адекватного*. Н. Луман выделяет две формы рефлексии тождества системы: тавтологическую (общество есть то, что оно есть) и парадоксальную (общество не есть то, что оно есть): «Если предполагается, что общество — это то, что оно есть, то речь может идти лишь о том, чтобы сохранить его и содействовать ему в преодолении вновь появляющихся трудностей. Если же, напротив, общество есть то, что оно не есть, то следует предложить теорию иного рода. Например, его тождественность может быть перемещена в план некой возможности, реализации которой препятствуют определенные силы. ...Или же проблеме придается темпорально асимметричный характер. Тут предполагается, что структурно-логическое

развитие через революцию или эволюцию реализует то, чем общество в настоящее время пока “еще не является”»⁵.

Определенная рассогласованность между социальной реальностью и ее самоописанием наблюдается в России на протяжении XIX—XX вв. Думается, что проблему самоидентификации России поставил П. Я. Чаадаев, причем именно он во многом предопределил логику построения конкурирующих репрезентаций российской действительности. “Мир искони делится на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей... это — два принципа... две идеи, объемлющие все устройство человеческого рода”⁶. Россия, однако, не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку, не имеет традиций ни того, ни другого. Отсюда тезис о “выпадении” России из общего движения человечества и, как следствие, проблема ее “вхождения” в мировой исторический процесс⁷. Таким образом, П. Я. Чаадаевым была задана парадоксальная форма семантического описания России, положившая начало поиску идентичности в трех конкурирующих направлениях, исторически определявшихся как славянофильство (ориентация на восточный социокультурный тип), западничество (ориентация на западный социокультурный тип), евразийство (обоснование уникальности).

Возникновение конкурирующих направлений решения вопроса о судьбе России объясняется достаточно легко, поскольку естественная бесконкурентная репрезентация возможна при относительно простой общественной организации и симметричных отношениях между субъектами (например, родовая организация), а искусственная бесконкурентная репрезентация — при существовании доминирующей позиции, исходя из которой только и могут конструироваться самоописания (например, позиция этатического государства). При этом бесконкурентная репрезентация не означает соответствия между социумом и его семантическим описанием. Общеизвестный пример тому — самоидентификация российского общества (СССР) начиная с 30-х годов с “классовой” позиции, а по существу, с позиции этатического государства.

Утрата бесконкурентной репрезентации и ее последствия

И ситуация второй половины XIX в., и современная ситуация в России характеризуются утратой бесконкурентной репрезентации: “естественная” не позволяет описать сложную социальную систему с асимметричными отношениями, “искусственная” размывается вследствие невозможности присвоения одной из

функциональных подсистем общества “исключительной позиции” в условиях “демократической” (плюрализм равноправных субъектов) направленности реформ. Выдвигаемые официальные доктрины (“Москва — третий Рим”, “общество развитого социализма”) не могут стать “тавтологической” моделью общества или “парадоксальной” его интерпретацией, удовлетворяющими общественным ожиданиям и запросам, поскольку слишком очевидным становится рассогласование между моделью и действительностью.

Н. Луман выдвинул гипотезу о том, что “на утерю естественной бесконкурентной репрезентации общество реагирует тем, что приводит проблему тождества в абстрактный план”⁸. Ориентация на абстракцию соответствует принципу, сформулированному классической социологией: на более сильную дифференциацию необходимо реагировать генерализацией еще возможной в таком случае единой символики, что и наблюдается в России (принятие нового герба, попытки обращения власти к православию и т.п.). Однако обращение к идеализированной традиции, традиционной семантике социума (причем заметим, что само наличие в России традиции является дискуссионным) таит опасность дальнейшего расхождения между избираемым самоописанием и изменяющейся реальностью, которая требует для самоидентификации иных репрезентаций.

Возможно, указание на характер этих иных репрезентаций покажется банальным: самоописание российского общества, построение онтологических моделей должно осуществляться с *рационалистической* позиции. Эпистемологическая (методологическая) позиция рационализма (или даже реализма⁹) предполагает следующее. Во-первых, хотя семантические модели выражены в языке, они суть утверждения об элементарной природе некоторой реальной сущности или структуры. Во-вторых, репрезентативные модели — не резюмирование обычного словоупотребления, не соглашение об использовании терминологии определенным образом (эмпиризм и конвенционализм соответственно), а объясняющее описание реальных объектов. В-третьих, объяснение заключается в постулировании объясняющих механизмов и попытке продемонстрировать их существование.

Способ производства и дихотомия Восток—Запад

Понятие азиатского способа производства фиксирует тип общественных структур, возникающих в результате разложения первобытности. Эти структуры приходят на смену родовой общине, но предшествуют общине гражданской, связанной с част-

ной собственностью. Специфика азиатского способа производства — в возникновении государства (протогосударства) и государственной собственности на средства производства (феномен *власти-собственности*), опирающихся на территориальную соседскую общину. Описание генезиса указанной специфики возможно на основе понятий *реципрокации* и *редистрибуции*, введенных К. Поланьи, который рассматривает вытеснение реципрокации редистрибуцией как сущность процессов в сфере распределения общественного продукта при переходе от племенных обществ к архаичным¹⁰. В общем виде описан и механизм вытеснения — институт дарообмена, исследованный М. Моосом¹¹. Это позволяет достаточно убедительно объяснить закономерный характер генезиса азиатского способа производства, или восточного социокультурного типа.

Л. С. Васильев совершенно четко обосновывает, что “нормальный” путь эволюции человечества — именно тот, который демонстрирует Восток. Запад же, опирающийся на свободу личности и рыночно-частнособственническую структуру социума, есть что-то “вроде социальной мутации” в средиземноморской античности. По мнению этого исследователя, Восток логично вырастает из первобытности, тогда как Запад является результатом сочетания уникальных обстоятельств¹².

Между тем, подобно тому как генезис восточного социокультурного типа связан с азиатским способом производства, возможно выявление генезиса западного социокультурного типа в связи с античным способом производства, но при условии, что будут проанализированы не только социально-экономические институты, а целый контекст системы нормы — ценности — значения, т.е. культура. В частности, обращает на себя внимание вариативное решение проблемы индивидуальной свободы (свободы самореализации) личности при сохранении необходимой степени подчинения интересам общности посредством качественно различных структур коллективности (социума), норм и ценностей, закрепляющих индивидуально-коллективный способ существования индивидов (культуры) на Востоке и Западе.

Вариативность индивидуальной свободы и дихотомия Восток—Запад

Развитие обществ восточного социокультурного типа приводит к открытию самоценности личности, усилению индивидуализации как тенденции ее развития. Разнообразие складывающихся специализированных видов деятельности объективно стимулирует проявление внутренних (скрытых)

творческих потенций человека, сдвиги в системе нормы — ценности — значения. Однако поглощение индивида группой продолжает господствовать, подкрепляемое силой государственной власти-собственности, рассматривающей творческие способности индивида как средство самоосуществления (или помеху ему), подчиняющей формы самореализации индивида его месту в системе разделения труда, статусу в иерархии, зачастую закрепляемым наследственно. Возникает противоречие между традиционными культурными нормами, предписывающими индивиду строго определенные и жестко контролируемые формы самореализации, и внутренними потенциями (да и объективными социальными потребностями, требующими развития творческой свободы личности, например для решения нестандартных управленческих задач), не вмещающимися в нормы регламентированного поведения и стихийно определяющими создание иных норм. “Осевое время” К. Ясперса, между прочим, можно рассматривать как период разрешения данного противоречия, носителем которого становится личность, осознающая себя самоценным индивидом, противопоставляющая себя государственной власти. При этом разрешение противоречия пошло в двух направлениях.

Восток именно тогда обретает собственную специфику и логическую завершенность, когда открывает “внутреннюю духовность”. Индивид как бы раздваивается в жизненной ориентации: он целенаправленно вписывается в регламентированную социальную систему, занимая определенное место в ней, что, однако, воспринимается им как неизбежная дань внешней необходимости, компенсацией чему становится обретение творческой свободы во внутреннем мире, где и разворачивается пространство самореализации — от художественного творчества до медитативной практики.

Запад перестраивает вертикальные отношения иерархического типа в горизонтальные, как бы возвращаясь к отношениям реципрокации и распространяя их со сферы обмена продуктами материального производства на все сферы социальных взаимодействий. Осознавшие себя самоценными индивиды “атомизируются”, обособляются от довлеющей над ними родовой или политической (власти-собственности) коллективности, но при этом, естественно, не могут вообще освободиться от каких бы то ни было форм коллективной жизни и поэтому так же раздваивают свои жизненные ориентации, но существенно иным образом, чем на Востоке. Для независимого в выборе своих действий индивида нет необходимости искать выход творческому отношению к миру, создавая “внутреннее духовное пространство” как единственное поле приложения сил. Ареной его

творчества становится реальный (вещный) мир, но его творческие притязания умеряют другие индивиды, с которыми он вынужден считаться, вступая в отношения обмена, решая совместные задачи, создавая в итоге социальность нового вида. Раздвоенность жизни индивидов выражается при этом в делении пространства на частное и публичное, поведение в которых регулируется нормативной системой, внутренне противоречивой из-за контрарности личного и общественного интересов. Появляется античная (гражданская) община как объединение экономически самостоятельных домохозяйств, управляемое в “демократических” формах. Формируется государство качественно иного типа, прежде всего потому, что оно не может иметь полной власти над экономически независимыми частными собственниками. Теперь индивид получает некоторую свободу во “внешнем мире”; будучи свободен изменять не только собственные статусные определения, но и, в некоторой мере, социальные условия своего существования.

Проблема специфики русского национального характера

Известная противоречивость русского национального характера определяется сочетанием восточной внутренней духовности, связанной с ориентацией на внутренний мир, и “западным” стремлением к изменению мира внешнего. При этом этатическое государство крайне обостряет, “поляризует”, по выражению Н. А. Бердяева, данные противоречивые установки. До сих пор исследования ограничивались констатацией ряда подобных противоречий. Проблема, следовательно, связана с онтологической внутренней противоречивостью, которая и должна быть эксплицирована как таковая в системно-целостном виде. Таким образом, в гносеологическом плане проблема русского национального характера — это проблема адекватных средств описания нелинейной системы установок и норм, задающих индивиду способ отношения к миру.

Примечания

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и этика. — М., 1993. — С.45—98.

² См.: Рошин С. К. Западная социология как инструмент идеологии и политики. — М., 1980. — С.126—127.

³ Франк С. Л. // Вехи. Из глубины. — М., 1991. — С.491.

⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990. — С.9—18.

⁵ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. — М., 1991. — С.198.

⁶ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. — М., 1991. — Т.1. — С.461.

⁷ Там же. — С.529.

⁸ Луман Н. Тавтология и парадокс... — С.196.

⁹ См.: Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социо-Логос. — С.141, 142.

¹⁰ См.: Polanyi K. Semantics of General Economic History // Readings in Anthropology. — N-Y., 1959. — V.2. — P.162—184.

¹¹ См.: История первобытного общества: Эпоха классовообразования. — М., 1988. — С.106—124.

¹² См.: Васильев В. С. Традиционный Восток и марксистский социализм // Феномен восточного деспотизма. — М., 1993. — С.145—176; Он же. Феномен собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982. — С.60—99.

И. И. Подойницына

ЭТНОС В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИУМА

Как известно, социологии для нормального, полноценного роста необходима хорошая методологическая база, иначе ее поспешат обвинить в эмпиризме. Поэтому хотелось бы выступить в защиту одной из социологических теорий — теории этнокультурного разделения труда.

Начнем с пресловутого спора о том, что понимать под этносом. В 20-е годы нашего века российский этнограф С. М. Широкогоров первым в отечественной науке предложил обстоятельную трактовку понятия “этнос”. Социальная структура рассматривалась в его гипотезе как биологическая категория, на что оппоненты быстро откликнулись активным сопротивлением. Тем не менее многие выводы С. М. Широкогорова были прогрессивными для своего времени, например положение о том, что этносы сами приспособляются к среде и приспособляют ее к себе.

В последние десятилетия XX в. наблюдается явный интерес ученых к дальнейшей операционализации понятия “этнос” и других этнологических терминов, что объясняется, видимо, усилением внимания всего научного сообщества к проблемам этногенеза, этнической истории Земли и т.д. На этом фоне биолого-географические взгляды прошлого (концепции С. Широкогорова, В. Анучина) испытали своеобразный ренессанс, о них вспомнили Л. Гумилев, К. Иванов и др.

Однако слово “ренессанс” в данном контексте может быть воспринято и неточно. Идеи С. М. Широкогорова, В. Анучина и почти забытого ныне блестящего евразийца Дж. Вернадского, сформулировавшего энергетическую модель “месторазвития” этноса, явились только отправной точкой для сегодняшних глубоких и серьезных разработок теории этногенеза, которой

удалось занять свое место под солнцем. Причем, не только благодаря настойчивости и увлеченности ее создателей (что крайне необходимо в науке, но все же недостаточно), а главным образом потому, что наши современники применили более совершенные методы научного анализа — системный подход, концепцию экосистем, учение о биосфере и энергии живого вещества, использовали материал о возникновении антропогенных ландшафтов и т.д.

В затяжной дискуссии по поводу того, что же называть этносом, наиболее рельефно выделяются две крайние позиции: 1) этнос — это биологическая единица; 2) этнос — это специфический, исторически возникший тип социальной группы. Особое (и достойное) положение в полемике занимает концепция Л. Н. Гумилева, утверждавшего, что этнос — это явление, лежащее на границе био- и социосферы и имеющее специальное назначение в строении биосферы Земли. Концепция Л. Н. Гумилева — ключ к разгадке запутанного ребуса о месте этноса в социальной и профессиональной стратификации общества.

На первый взгляд, рассмотрение этноса в континууме конкретного социума воспринимается как парадокс: если этнос является природным коллективом, то его формообразующими чертами должны быть характеристики психофизиологического плана, а именно, язык, физический облик людей, особенности психики, самое же главное — оригинальный стереотип поведения, который позволяет этносу поддерживать нормативную целостность. Тогда при чем здесь профессиональная (трудовая) деятельность? Долгое время в отечественной литературе она рассматривалась как спутница социального, но не этнического статуса, и расценивалась в качестве зависимой исключительно от факторов социально-экономического и социально-политического плана.

Сторонники концепции “этнос — социальный коллектив” считают, что у этнических общностей существуют общие социально-экономические предпосылки развития, связанные с научно-технической революцией и проникновением индустрии во все поры социальной жизни; эталоном прогресса служат индустриально развитые нации; социально-профессиональная группировка не коррелирует с национальностью. Под лозунгом индустриализма провозглашается курс на рост социальной однородности всех наций, и в этом плане теория “выравнивания” наций сродни знаменитой доктрине “вторичной” модернизации общества, а также теории этнокультурного разделения труда в ее старом, пронационалистическом, звучании.

Напомним некоторые аспекты этой теории. Слабо развитая “периферия” (страны третьего мира, аграрные государства) должны испытывать тяготение к индустриально развитому “центру”. Этнокультурное разделение труда основано на экспансии “периферии”, на активном использовании ее природных ресурсов, дешевой рабочей силы, выгодных рынков сбыта. “Вторичная” модернизация означает перекраивание мира по типу и образцу стран высокоразвитого капитализма.

Действительно, этнические характеристики рабочей силы (предрасположенность к тому или иному виду труда, традиционные ремесла, особенности национальной психики) учитываются и весьма умело эксплуатируются работодателями. Но с другой стороны, в данной доктрине постулируется неравенство людей в умственных, интеллектуальных способностях и в выборе своего места в жизни. Это значит, что одни, исходя из своих неизменных расово-типологических характеристик, обречены всю жизнь копать уголь на периферии цивилизации, а другие удостоятся больших привилегий в сфере труда только потому, что им посчастливилось родиться белыми.

Согласно английскому ученому Г. Вильямсу, национализм при этнокультурном разделении труда даже поощряется — он оказывается экономически выгодным. Вообще в англоязычной социологической литературе термин “the spatial division of labour”, адекватный нашему понятию “этнокультурное разделение труда”, достаточно популярен. Но, как показывает опыт, истолковать его можно по-разному.

Отталкиваясь от теории Л. Н. Гумилева, мы предлагаем свой вариант операционализации данного понятия. Довольно быстрое распространение *Homo sapiens* по всей поверхности планеты обеспечивается благодаря наличию у этого вида чрезвычайно высокой способности к адаптации. В каждом конкретном биоценозе человек занимает твердое положение. Этнос является верхним, завершающим звеном биоценоза того региона, который он населяет. Посредством этнических коллективов осуществляется связь человека с природной средой.

Но чем объяснить высокие адаптивные способности этноса к тому или иному ландшафту? Дело в том, что становление человечества связано не только с природным, как у прочих животных, воздействием, но и с особым спонтанным развитием техники и социальных институтов. На практике мы наблюдаем интерференцию двух линий развития. Человек не только приспосабливается к ландшафту, но и *путем труда* приспособливает ландшафт к своим нуждам и потребностям.

Возьмем первичные фазы этногенеза — *фазу пассивного подъема*, когда происходит оформление этнической системы, и *фазу этнической активности*, или акматическую фазу. Этнос, который всеми силами пытается “вписаться” в границы своего биохора, или иными словами, в свою экологическую нишу, опирается в профессиональной деятельности на строго определенные виды труда, благодаря которым он способен самовоспроизводиться на данной территории, удачно используя ее природные ресурсы. Профессиональная деятельность служит опосредующим звеном между ландшафтом и психологией этноса и зависит от обоих компонентов этнической целостности. Профессиональные ориентации детерминируются фактами этнической психологии. Самобытность типов хозяйствования, материальная культура этноса теснейшим образом связаны со складом национальной психики, национальной моралью, кодексом морального поведения каждого этноса. Профессиональные пристрастия передаются от отца к сыну, от генерации к генерации и имеют соответствие в этнической психологии в форме иерархической модели профессиональной престижности. Таким образом, традиционные профессиональные занятия (и форма их организации — этнические традиции труда) имманентно связаны с самим фактом закреплённости этноса на определенной территории.

Как известно, *древнее*, или традиционное, общество было примитивно организовано, имело замкнутый цикл воспроизводства и этнос мог выжить, ориентируясь главным образом на один, основной вид деятельности (земледелие, рыболовство, охоту, мореплавание, торговлю). Что же произошло при переходе к *современному*, индустриальному и постиндустриальному, социуму с усложненной социальной структурой, раздробленным разделением труда, испорченным ландшафтом, нарушенной экологией? Э. Дюркгейм признавал, что в неиндустриальных цивилизациях превалировало разделение труда по этническому признаку, что было несомненным благом. Призвание имело этнический колорит (как у М. Вебера — религиозный, т.е. дар богов). Но далее Дюркгейм опровергает сам себя и говорит, что “раса и индивид — две противоположные силы, изменяющиеся в обратном отношении друг к другу”. Это значит, что индивид усиленно прогрессирует и совершенствуется, тогда как расы остаются в неизменном состоянии и потому передача мастерства по наследству есть зло, шаг назад, тормоз прогресса.

Сегодня некоторые исследователи также утверждают, что культивировать традиционные виды труда могут только этносы-реликты. Какой смысл ловить рыбу, когда рядом добывают золото и строят небоскребы? Вместе с тем резкий бросок вперед

может иметь крайне отрицательный эффект. Если нарушить го-меостатическое экологическое равновесие этноса с его ландшафтом, превратив последний в лунную пустыню, то сработает механизм необратимой этнической дезадаптации: этнос утратит свои корни и может погибнуть.

Следовательно, нужно призывать к возрождению традиционных промыслов и параллельно сворачивать промышленное производство, которое немало навредило самочувствию северных народов, когда в районах прокладки БАМа и нефтепроводов вырубалась тайга, сокращались олени пастбища и т.д. Северные народы, которые в принципе неприспособлены к индустриальным видам труда и испокон веков занимались скотоводством (якуты), морской охотой (юкагиры), трапсерством (эвены), необходимо вернуть к традиционным занятиям. Надо помочь им восстановить утраченное. Но несмотря на внешнюю привлекательность и вроде бы обоснованность этого призыва, он имеет и другую сторону — негативную, о которой в пылу полемики часто забывают.

Снова обратимся к теории. Этнос, перешедший к более сложной социальной организации, характерной для сообщества современного, к эпохе всеобщих связей и взаимодействий, широких межнациональных контактов, рано или поздно вынужден будет произвести “переоценку ценностей” в принятой иерархии престижности профессий. В историческом развитии этнос должен быть динамичным и, как все живые системы, сопротивляться уничтожению. Он должен быть антиэнтропийным и приспосабливаться к меняющимся внешним условиям, по возможности, гармонично. Относительно монолитная профессиональная стратификация, когда 60—70% представителей данной этнической группы заняты в одном виде производства, приводит к крайнему упрощению и истощению этнической системы, к понижению сопротивляемости внешним ударам. Такой этнос легко поработить, сделать “периферией” в международном разделении труда.

Если этническая общность недостаточно мозаична при рождении, то со временем она начинает выделять из себя субэтнические образования, усложняющие не только этническую, но и социально-профессиональную стратификацию. Так, субэтноты казаков, поморов, старообрядцев, выделившихся когда-то из великоросского этноса, были изначально основаны на культивировании новых видов труда и профессиональных занятий — помимо того, что их объединяли однохарактерный быт, мораль, религия, образцы поведения. Консорции отчаянных путешественников-землепроходцев породили поколение стойких сибиряков. Первые колонии в Америке создали консорции англичан, ко-

торые переселялись в Новой Свет в поисках лучшей доли, новых сфер приложения сил, ума, таланта. Консорции, затем конвиксии трудолюбивых русских людей — землепроходцев, обосновавшись в Якутии еще в XVIII в., ассимилировались с якутами, восприняли их культуру, и на свет появился субэтнос “пашенных”, т.е. обьякутившихся русских. На таксономическом уровне субэтнуса происходит как бы пересечение, а точнее, даже полное наложение этнической и социально-профессиональной стратификаций.

Итак, иерархическая модель профессиональной престижности этноса не есть застывшая схема, она динамична, гибка или по крайней мере должна быть таковой. В ее фундаменте — традиционные типы хозяйствования, которые надо развивать, возрождать для поддержания гомеостаза этноса. Соблюдение принципа преемственности этнокультурной информации — необходимое и обязательное условие для нормального воспроизводства всего цикла традиционного хозяйствования. Однако в данной модели должны найти место и новые виды труда, необходимость которых диктует индустриальная цивилизация. Это является обязательным условием нормального функционирования этнической целостности и жизненно важно для лучшей самоорганизации, самоактуализации каждого этноса.

На мой взгляд, обе линии развития — возрождение традиционных промыслов и дальнейшая индустриализация — являются прогрессивными. Именно такой подход должен лежать в основе нового взгляда на теорию этнокультурного разделения труда. Конечно, выбор той или иной линии поведения должен быть свободным.

Приведу один пример. Летом 1994 г. во время командировки на Аляске я провела опрос общественного мнения среди представителей коюуконских атабасков (одного из индейских племен) в деревне Танана и в г. Фэрбэнксе. Выяснилось, что индейцы до сих пор проявляют интерес к традиционным занятиям — охоте, трапперству и рыболовству. Женщины предпочитают не работать на государственных или частных предприятиях и отдают свои силы воспитанию детей. В г. Фэрбэнксе создана корпорация коренных жителей “Дойон Лимитед”, которая занимается земельными проблемами аборигенов, устанавливает экономические приоритеты на использование исконных земель туземцев, заключает сделки с новыми акционерами-землевладельцами (ими могут быть только коренные жители). В этой корпорации трудятся аборигены, на других же предприятиях города (в сфере обслуживания, медицины, бизнеса и т.д.) их можно встретить только в единичных случаях.

Таким образом, представители этноса занимаются традиционными видами труда либо не работают вообще, получая солидное пособие от Федерального правительства США. В чем причина, почему индейцы не идут на золотоносные и нефтяные прииски, которыми славится Аляска? Ответ надо искать в глубинных основах национальной психики. Испокон веков они проповедают учение "the subsistence lifestyle" (приблизительный русский эквивалент этого понятия — "естественный, натуральный образ жизни"): живи в согласии с природой, как ее любимое дитя и бери все, что она дает, чтобы выжить. "Не так страшна безработица, как работа, потому что на ней человеку приклеивают ярлыки", — сказал мне индейский вождь Ховард Лук.

Теперь кратко остановимся на конкретных социологических исследованиях, осуществленных в Республике Саха при участии автора. Обследования проводились в республиканской типографии г. Якутска, на комбинате "Алданзолото", в геолого-разведочных экспедициях, в строительных и строительно-монтажных объединениях, на предприятиях транспорта и связи, деревообрабатывающей и местной промышленности и т.д. Выяснилось, что у представителей русской и якутской наций отношение к одним и тем же профессиям может быть различным, т.е. профессиональный выбор почти всегда национально-специфичен (разумеется, не снимаются со счетов социальные мотивации выбора). Напомню, что народ саха по своей ментальности — сельскохозяйственная нация, русским же более близок индустриальный образ жизни. Из новых видов труда устойчивой популярностью у представителей якутской нации сейчас пользуются профессии, связанные с промышленным производством: полиграфиста, строителя, швейника, мебельщика-деревообработчика, связиста, огранщика алмазов, ювелира и др. Мы изучали в каждом отдельном случае, почему именно эти профессии завоевали авторитет у народа саха, чем они привлекательны и интересны, особыми социологическими методами уточняли, как это связано с областью национальных чувств и переживаний индивида.

На трудовое поведение индивида влияют как социально-экономические, так и этнические факторы. К последним относятся система общих ценностей национальной культуры, религиозно-культовые традиции, модель профессиональных притязаний, этнические традиции труда, этнические предрассудки. Этнокультурное разделение труда должно основываться не на эксплуатации того или иного этнического признака, а на полном использовании национальных трудовых традиций.

В ходе исследования мы решили выяснить насколько популярны на производстве такие модусы поведения, как “исполнитель”, “рационализатор”, “профессионал” (условное название работника, который активно старается повысить мастерство) и тип работника “спустя рукава” (на уровне самооценки). Как мы и предполагали, большинство респондентов (в среднем 40%) соотносили себя с типом исполнителя. Но это и понятно, ибо исполнитель — основная фигура на любом производстве. Только 23% респондентов называют себя рационализаторами или считают, что они достойны звания профессионала. На выбор того или иного модуса в значительной степени влияет сочетание двух переменных: пола и национальности респондента. Построив трехмерные таблицы, мы смогли сделать вывод, что женщины всех национальностей предпочитают быть исполнителями. Мужчины-якуты по сравнению с мужчинами-русскими и мужчинами иных национальностей чаще бывают исполнителями. Рационализаторство является явно “мужской чертой”. Что же касается стремления к профессионализму, то у русских мужчин и женщин оно одинаково. У женщин-якуток желание повысить разряд, усовершенствоваться несколько выше, чем у мужчин-якутов.

Полагаю, что этот и другие приведенные примеры свидетельствуют о важности и целесообразности организации исследований на стыке классической социологии труда и нового направления в науке — этнической социологии, а также о необходимости усиленных поисков новых парадигм развития этноса.

Т. О. Бажутина

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ У НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Проблема экономизации трудовой деятельности, понимаемая как проблема методов повышения производительности труда, сопрягается с проблемой критериев эффективной организации труда, т.е. оптимизации отдельных действий в рамках единой совокупности сложного действия. Современная “чистая” экономика слабо справляется с решением задачи повышения производительности труда прежде всего потому, что выводит “сложное действие” исключительно из материально-технических отношений, хотя все больше апеллирует к мотивационной сфере работников. Мотивационная сфера личности

понимается при этом как совокупность внешних и внутренних движущих сил, побуждающих человека к деятельности и задающих определенную направленность, границы и формы этой деятельности, обеспечивающие достижение поставленной цели. Однако в качестве стимулов, выполняющих роль мотивационного воздействия на качество труда работника, несмотря на многочисленные теоретические разработки западных специалистов по менеджменту, в российской управленческой практике по-прежнему используются унифицированно-обезличенные экономические факторы, и в первую очередь материальное поощрение.

Между тем инфляционные процессы, столь бурно протекающие в российской экономике последнего десятилетия, вряд ли правомерно истолковывать исключительно как обесценение бумажных денег. Обесценение денег, как известно, есть следствие чрезмерного увеличения их количества, идущего на покрытие трудовых затрат. Иными словами, инфляция — это когда за работу люди получают все больше и больше, но работают они при этом все меньше и меньше. Разумеется, снижение производительности труда обуславливается не прямым снижением интенсивности трудовой деятельности рядовых работников, хотя и оно имеет место в сегодняшнем производстве. Снижение производительности определяется в первую очередь снижением эффективности управления трудовой деятельностью, разбалансированность которого по целям, средствам, технологиям, ресурсным затратам и т.д. очевидна. Разбалансированность эта кажется вполне закономерной на фоне закономерности распада административно-командной экономики, обеспечившей в свое время относительную оптимальность социально-экономической сферы в стране.

Сегодня в России административно-командные методы организации экономики преимущественно изжиты. Но экономика нового, более прогрессивного типа не формируется. Реформы не дают желаемого результата, и это не случайно: они не имеют под собой сколько-нибудь существенных оснований, обеспечивающих стабильность и устойчивость социально-экономического существования населения. Денежные выплаты, на которые сегодня делается основная ставка при решении проблем повышения производительности на уровне предприятия, и государственная политика, упразднившая систему социально-идеологического стимулирования бюджетных организаций в пользу налоговых льгот для некоторой части некоммерческих государственных организаций, действуют скорее как дестимулирующие факторы.

Существует ли конструктивный путь решения проблемы в условиях, когда падение производства достигло критического уровня и получаемые государством доходы едва могут удовлетворить физиологические потребности большинства трудоспособного населения? Согласно иерархии потребностей по Маслоу, разработанной в русле американской системы культурных ценностей и в неявном виде служащей основанием для социально-экономической политики, проводимой современным российским правительством, физиологические потребности являются приоритетными и без их полного удовлетворения более сложные потребности попросту не возникают. Однако результаты этнопсихологических исследований последних десятилетий показывают, что, например, для населения развивающихся и юго-западных европейских стран ведущими являются социальные потребности¹.

К сожалению, систематических исследований трудовой мотивации ни на международном, ни на российском уровне не проводилось. Вместе с тем имеются данные по России, косвенно свидетельствующие о том, что потребности в самовыражении наиболее значимы, например, для северных российских этносов. Так, по мнению 78,4% опрошенных в ходе социологического исследования в Ханты-Мансийском автономном округе, традиционные занятия, больше, чем какие-либо другие, дают людям возможность реализовать свои способности². При этом почти половина занятых в традиционных отраслях (48,6%) оценивают свое здоровье как хорошее (при среднем показателе для любых профессий 35,4%). Ниже у них и уровень самоубийств, а если и бывают такие случаи, то в основном в поселках, а не в тундре.

Возможность использовать свои способности и склонности в профессиональной сфере, таким образом, становится приоритетным фактором удовлетворенности жизнью и источником здоровья для работников, занятых в достаточно трудоемких, но плохооплачиваемых отраслях деятельности. Уровень заработной платы на Севере всегда был выше, чем в других регионах России, но определялся он прежде всего заработками занятых в нефтегазовом комплексе. Так, в 1989 г. среднемесячная заработная плата в Ханты-Мансийском автономном округе составляла 529 руб. (средняя зарплата по России в этот период — 260 руб.), однако в районах проживания коренных народностей Севера уровень зарплаты был существенно ниже, чем в целом по округу, и составлял 454 руб.³ При этом заработки самих представителей народов Севера очень неустойчивы и невелики. Но каждый шестой представитель коренных народов, по данным уже упоминавшегося опроса, хочет вернуться в места, где жили его

предки и где, по логике материального стимулирования, он с очевидностью будет иметь низкий уровень жизни.

Вряд ли вообще правомерно ориентироваться в российской государственной политике на потребности, характерные для народов Западной Европы и США. Вознаграждение материально-экономического характера вряд ли может занять ведущее место в системе приоритетов основного контингента российских работников в том случае, если их физиологические потребности удовлетворены. Этнопсихологические особенности и русских, и представителей иных российских национальностей таковы, что в профессиональной деятельности их привлекают прежде всего возможности социально-психологического плана, и это очевидно даже при поверхностном анализе образа жизни коренного населения Сибири. Исторически население Сибири формировалось за счет разнонациональных и культурно разнонаправленных миграционных потоков. Из них в Сибири оседали преимущественно те, кого психофизиологи относят к так называемым правополушарным типам (по данным В. В. Аршавского, более рационально мыслящие левополушарные типы предпочитают возвращаться в более благоустроенную и упорядоченную в социально-экономическом плане европейскую часть страны).

Человек начал осваивать Сибирь еще в каменном веке. В суровом по природно-климатическим особенностям регионе добровольно поселились целые народы, проигнорировавшие более благоприятные по климатическим характеристикам и слабо заселенные в те времена территории. В эпоху становления Российской империи здесь обживались вольнолюбивые и деятельные уроженцы центральной части России и ее многочисленных окраин. Сюда же веками стекались пионеры-переселенцы, мечтавшие на относительно вольных государевых землях добиться экономической самостоятельности и независимости. Сюда же веками ссылали инициативных и деятельных нарушителей правопорядка. В результате в Сибири сложились весьма своеобразные культурные традиции, основанные на относительной непочтительности к властям, но поощрявшие самостоятельность, стремление к независимости, деловую хватку, сообразительность и ловкость в любой деятельности. Степень социальной активности и ее направленность при этом варьировали в зависимости от принадлежности к определенному этносу или иной социальной общности, но традиционным стал такой подход к оценке человека и его воспитанию, при котором способность к независимому и относительно автономному от общества существованию признается ведущей в структуре личности. Не случайно именно Сибирь — родина "чудиков" В. Шукшина, сатирических

персонажей М. Задорнова и М. Евдокимова, основной отличительной и узнаваемой чертой которых является почти демонстративное, нарочитое, но очень органичное и последовательное отстаивание социально приемлемых, но весьма индивидуализированных стандартов обыденного поведения. В отношении к труду ценится прежде всего смекалка, “умение кошку есть так, чтобы она не царапалась”, находчивость, своевременность действий — все, что в комплексе можно было бы охарактеризовать как способность оптимизировать во времени и социальном пространстве личную инициативу. Можно было бы сказать, что сибирский менталитет консолидировал в себе наиболее типичные черты русского национального характера, но усилил в нем потребность в независимости и “активной созерцательности”.

Вряд ли сегодняшняя социально-экономическая ситуация изменила что-то в этнопсихологических стереотипах коренного населения Сибири. Но если государство страны Советов целенаправленно и довольно результативно использовало трудовой потенциал, и прежде всего инициативу и энтузиазм сибиряков на многочисленных “стройках века”, то сегодняшнее правительство извлекать из этого государственную пользу и стимулировать трудовую активность реального, а не абстрактного российского населения еще не научилось. Если мы хотим уйти от административно-командных методов в экономике, как это было заявлено правительственными реформаторами, следует учитывать, что трудовая мотивация определяется достаточно широким спектром факторов, в том числе этнопсихологическими особенностями населения и сложившимися в регионах традициями, которые должны быть учтены в процессе государственного управления при решении задач преодоления социально-экономического кризиса.

Примечания

¹ См.: *Geert Hofstede. Motivation, Leadership and Organization: Do American Theories Apply Abroad? // Organizational Dynamics. — Summer 1980 г. — P.212—240.*

² См.: *Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос в ситуации выбора будущего: по материалам социологического исследования образа жизни хантов, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. — Новосибирск, 1993. — С.105.*

³ См.: *Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989). — М., 1990. — С.37.*

Ю. М. Плюснин

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(сравнительный анализ сельских сообществ
на Русском Севере и в Горном Алтае)**

Политические и социально-экономические преобразования в России, трансформировавшие за последние годы самые глубины общественной жизни, больше всего, может быть, сказались на сельском населении страны: вновь, как и семьдесят, и пятьдесят лет назад, положение крестьянина стало тягостным¹. Крестьянин оставлен без внимания и поддержки, а та система социальной защиты, какой он располагал в лице колхозов и совхозов, — подчиненный, закрепощенный ими, но со временем и сам подчинивший их себе, приспособивший к своему духу и образу жизни, — эта система разрушена безжалостно и без внимания к реальным нуждам людей, разрушена силами не только самого государства, но и руками самих же крестьян. То, что мы видим теперь в жизни российской деревни, независимо, представляет ли она окраины или центр страны, составляет низшую точку социального кризиса². Как бы ни были тягостны эти наблюдения, они должны быть зафиксированы с расчетом на будущее, поскольку такое состояние — временное и преходящее, а лучшие времена, которые, несомненно, наступят, придут быстрее или медленнее в зависимости от процессов, зарождающихся и формирующихся в недрах сельской общины уже сейчас.

Данная статья посвящена сравнительному исследованию социально-психологических механизмов жизнеобеспечения сельских сообществ в Сибири и на Русском Севере, сформировавшихся в результате глубокого и продолжительного кризиса экономики России. Это механизмы выживания. В каждой местности в зависимости от складывающихся политических, социальных и экономических обстоятельств могут формироваться специфические психологические механизмы выживания; они при этом могут носить временный и эфемерный характер, будучи механизмами приспособления к локальным внешним условиям. Кроме того, в ситуации очень значительной нестабильности приспособление может носить парадоксальный характер, являясь на конкретном небольшом временном интервале адаптивным, но в перспективном отношении выступая как неадаптивный механизм.

Исследования проводились в октябре 1994 г. в северных районах Горного Алтая (14 населенных пунктов Майминского, Чойского и Турочакского районов) и в сентябре 1995 г. и в июле-августе 1996 г. на поморском Русском Севере (23 населенных пункта, из которых 10 непосредственно обследованы — на северном, западном и южном побережье Белого моря, административно подчиненных Карелии, Мурманской и Архангельской областям).

Основные выборки образованы лицами, от которых получена информация о проблемах сельской жизни с помощью структурированного интервью и “Анкеты эксперта села”. Выборки формировались случайным образом, однако с коррекцией по половозрастным когортам и социально-профессиональным группам. Общая численность опрошенных с помощью “Анкеты эксперта села” и в интервью в селах Горного Алтая составила 252 человека (111 мужчин и 141 женщина) в среднем возрасте 40 лет (19 — 74). Выборка в поморских селах Русского Севера составила 193 человека (89 мужчин и 104 женщины) в возрасте 43 года (18 — 93).

Интервьюируемым предлагалось осветить проблемы своего села и района, собственные проблемы и проблемы своей семьи, вспомнить прежнюю жизнь и оценить перспективы ближайшего и отдаленного будущего. По возможности (в зависимости от осведомленности, открытости, готовности к взаимодействию и личных характеристик человека) затрагивались все основные вопросы: идеологические и политические, правовые и экономические, социально-демографические и культурные, национальные и исторические, связанные с воспитанием и образованием.

Для изучения различных аспектов организации сельской жизни применялся “Паспорт села”, данные в который заносились из похозяйственных книг и/или со слов компетентных лиц (глав сельских администраций, секретарей, инспекторов, бригадиров, представителей интеллигенции).

Выбранные для исследования районы оказались, против ожиданий, полярными по ряду социальных и экономических признаков. Это дало возможность провести анализ, в котором сравнивались контрастные психологические механизмы выживания.

Наиболее важной особенностью, повлекшей за собой и многие другие различия, явилось то, что на Алтае колхозы и совхозы были ликвидированы в 1992 г. и каждое село осталось без тех элементов инфраструктуры, которые традиционно поддерживались колхозами (в конечном счете это все без исключения основные элементы). Фермерские хозяйства и акционерные предприятия, призванные, по замыслу, заменить колхозы и совхозы³,

с самого начала продемонстрировали свою полную нежизнеспособность, и отдельные семьи внезапно и сразу оказались брошенными на произвол судьбы, оставлены выживать в одиночку, хотя еще вчера они имели надежную защиту со стороны как колхоза, так и государства.

Экономическая ситуация в поморских селах Русского Севера носит прямо противоположный характер. Здесь сохранились все рыболовецкие колхозы, на плечах которых продолжает держаться инфраструктура села в той мере, в какой колхозы способны ее поддерживать.

Для северных колхозов была характерна многопрофильность хозяйственной деятельности, и они в большинстве своем продолжают ее сохранять. Практически каждый колхоз работает не менее чем по десяти хозяйственным направлениям, что, несомненно, дает достаточно широкие возможности для приспособления в трудных экономических условиях. Наиболее важной и доходной статьей является лов рыбы в Атлантике, который ведет каждый колхоз. Кроме этого ведется рыбный промысел на беломорской акватории, а также местный лов на прибрежных тонях. Морской пушной промысел ведется по припайному льду поблизости от села, а до недавнего времени забой бельков осуществлялся и в гортле Белого моря. Помимо этой, основной для северных хозяйств, деятельности достаточно широко осуществлялись заготовка водорослей, лесозаготовки и лесоразработки, заготовка дикоросов, развивалось звероводство и велся охотничий промысел. Животноводство и полеводство как в самом колхозе, так и в жизнеобеспечении отдельных семей всегда были только вспомогательными видами деятельности.

Напротив, алтайские хозяйства отличались достаточно узкой специализацией в области молочно-мясного животноводства; в лесной зоне Горного Алтая не развиты ни овцеводство, ни растениеводство и полеводство. Дополнительными видами деятельности, которые носят по преимуществу частный характер, являются охотничий промысел, заготовка дикоросов, коневодство и свиноводство. Устойчивость хозяйств к разрушению в условиях экономического кризиса оказывается при такой узкопрофильности незначительной, что и проявилось в очень короткие сроки.

Материальная жизнь людей, поскольку она была подчинена организационным хозяйственным формам в виде колхозов и совхозов, быстро отреагировала как на их разрушение (в случае сел Горного Алтая), так и на структурные изменения (в случае поморских сел). Изменения в структуре материальной жизни в селлах Горного Алтая и Русского Севера имеют ярко выраженные

различия. В первом случае это формирование механизмов жизнеобеспечения сельского сообщества, основывающихся на принципе *самодостаточности и автономности*, во втором же — *редукция и подчинение* внешним экономическим субъектам всей структуры жизнеобеспечения села и каждой отдельной семьи, формирование комплекса связей *зависимости*.

В чем конкретно это выражается? Разрушение централизованных социально-экономических связей, развал всего колхозно-совхозного хозяйственного механизма, резкий рост безработицы и неплатежи, охватившие не только активное население, но и пенсионеров, привели к тому, что те немногие кооперативные и фермерские крестьянские хозяйства, которые сформировались на первом этапе реорганизации сельской экономики, очень быстро стали банкротами. Большинство же крестьян не откликнулись на “веле́ние времени” и не пошли по этому пути. Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства, психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. На Русском Севере такое приспособление наблюдается повсеместно. В стратегическом отношении оно неадаптивно, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям.

Среди элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один — атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика (от 400 тыс. руб. в Карелии и Архангельской области до 1 млн руб. в Мурманской области), но стабильна. Более того, колхозники удовлетворяются этим уровнем: очень немногие идут в качестве рыбаков на колхозные суда, хотя зарплата здесь на порядок выше, чем на берегу (в среднем около 4 млн руб.). Колхоз вынужден вербовать команды на суда в Эстонии и на Украине, в то время как свои работники пребывают без дела в селе. Животноводство, сенокос и полевые работы давно приобрели значение “социальных работ” (даже в глазах самих колхозников), поскольку не только не приносят дохода, но и убыточны. Поэтому в селах нет молочного стада или оно крайне невелико, очень мало овец и коз, совсем нет свиней. Сенокосы зарастают и не используются. Даже выращивание картофеля сократилось повсеместно очень сильно. Жители про-

**Население и структура частного хозяйства
в сельской местности Сибири и Русского Севера***

Показатель	Горный Алтай	Русский Север
Численность обследованного населения, чел.	3124	2412
Средняя численность жителей в селе, чел.	284+46 N=11	268+132 N=9
Число обследованных семей	1070	912
Средняя численность семьи, чел.	2,92	2,64
Площадь сельхозугодий в частном пользовании, приходящаяся на одну семью, га	3,47 N=644**	Нет свед.***
В том числе: пахотной земли (приусадебный участок)	0,22 N=475	0,04 N=792
огород	Нет свед.	0,02
земля под картофель	Нет свед.	0,02
сенокосов	1,98 N=499	Нет свед.***
пастбищ	1,27 N=499	Нет свед.***
Среднее число голов КРС (коровы, телки) у одной семьи	1,84 N=1070	0,09 N=350
Среднее число лошадей у одной семьи	0,54 N=707	0,02 N=912
Среднее число голов свиней у одной семьи	0,66 N=1070	0,06 N=912
Среднее число голов овец и коз у одной семьи	0,49 N=1070	0,54 N=850
Среднее число штук домашней птицы у одной семьи	3,83 N=1070	0,17 N=912

* Данные по 14 селам северных районов Горного Алтая получены в октябре 1994 г., по 10 поморским селам Русского Севера — в июле-августе 1996 г.

** N — суммарная численность домохозяйств, по которой рассчитывался данный показатель.

*** Общая площадь сельхозугодий в частном пользовании на Русском Севере не может быть определена, поскольку жители могут свободно пользоваться сенокосами и пастбищами колхоза, но в действительности почти не используют их.

являют большую или меньшую активность только в заготовке водорослей, частной рыбной ловле, охоте, сборе дикоросов.

Достаточное развитие структуры присваивающего хозяйства на Русском Севере (хотя оно все-таки не удовлетворяет базовых потребностей населения) сопровождается атрофией частного подсобного хозяйства. Это очень хорошо видно из приводимой здесь таблицы, где представлены сравнительные данные по структуре и уровню развития крестьянского хозяйства на Русском Севере и в Горном Алтае. Жизнь преимущественно за счет моря приводит к недоразвитию многих элементов подсобного хозяйства, хотя экономические и природные условия для этого есть. Поморы продолжают сохранять основные черты частной хозяйственной жизни, которые были им присущи еще 150 и более лет назад⁴. Как можно видеть, в среднем на одного человека на Русском Севере приходится всего около одной-двух соток пахотной земли, тогда как минимально необходимая площадь при условии полного самообеспечения составляет около 1 десятины (10 соток) даже в средней полосе; суммарное количество голов домашнего скота не достигает и 0,3 на одного человека, хотя необходимый уровень — не менее одной головы на человека.

Мало занимаясь выращиванием картофеля, поморы почти совсем не занимаются огородничеством: более или менее значительно выращивание овощей было распространено в предвоенный и военный период в связи с появлением на Севере большого числа ссыльных из южных областей страны, которые селились отдельными деревнями, в отличие от поморов, как правило, на некотором удалении от моря. Например, на Онежском и Летнем берегах в Архангельской области, в районе Летней Золотицы, Пушлахты, Лямпы, Пурнемы выращивание капусты, моркови, лука и других овощей получило распространение вследствие появления деревень со ссыльным татарским населением из Средней и Южной России. Теперь, к сожалению, эти деревни уже не существуют, а сами поморы вновь стали все меньше заниматься огородничеством.

То количество скота, которое, как мы видим из таблицы, имеется в поморских хозяйствах, конечно, никоим образом не может обеспечить существование семьи. В селе, где проживает в среднем 100 семей, всего только одна-две семьи держат коров; практически никто не выращивает свиней — на 912 обследованных семей приходится всего пять свиней. Необходимый минимум мясных и рыбных продуктов обеспечивается прежде всего за счет морского промысла и, по-видимому, охоты (по крайней мере, охота, по словам респондентов, доставляет до трети, а скорее всего, и большую долю всего потребляемого мяса). На-

блюдаемая ситуация весьма соответствует той, что была зафиксирована в середине XIX — начале XX в.⁵

Полная атрофия натурального хозяйства и сохранение у поморов ориентации на такие виды промыслов, которые традиционно требуют коллективной деятельности, не в последнюю очередь заставили их повсеместно сохранить колхозы. Необходимость в этом продиктована также и тем важным обстоятельством, что социально-психологические механизмы жизнеобеспечения поморских сообществ традиционно формировались как механизмы коллективной жизнедеятельности и в советское время они поддерживались организационно и идеологически.

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения в современных условиях глубочайшего кризиса привело к формированию любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишен работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как своеобразная *рента* от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду имущества — судов.

Значение нынешнего заработка колхозников в качестве ренты подтверждается тем фактом, что люди в массе своей не желают использовать другие возможности для поддержания и повышения благосостояния семьи, а нередко вообще не хотят работать. Сформировалась *психология рантие*, которая на уровне обыденного сознания достаточно быстро закрепились, нашла идеологическое обоснование и в нынешних условиях как механизм ситуативно-ценный начинает успешно вытеснять прежние социально-психологические механизмы жизнеобеспечения. Однако ясно, что в стратегическом отношении это неадаптивное и даже губительное для сообщества поведение, это поведение, ориентированное на индивидуалистические и конкурентные отношения, которые не могут быть жизнеспособными в условиях северного села ни по социальным, ни по экологическим причинам.

О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться или ликвидируется его отделение, расположенное в каком-то селе, его сообщество вынуждено переходить к совершенно иным моделям жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Горного Алтая. Такая ситуация разворачивалась на наших глазах в с. Оленице Мурманской области, где колхоз "Бе-

ломорский рыбак" ликвидировал свое отделение, жители остались без работы и без всякого пособия по безработице и были вынуждены перейти на натуральное хозяйство, занявшись выращиванием скота, покосом сена, картофелеводством. Этот процесс прошел достаточно быстро — для перехода понадобилось менее полугода.

Основу материальной жизни сел Горного Алтая составляет *автономная система жизнеобеспечения* на уровне каждой отдельной семьи, но не всего сообщества. Это очень ярко демонстрируют данные по структуре частного подсобного хозяйства в алтайских селах.

В таблице представлены данные по площади сельскохозяйственных угодий, находящихся в частном пользовании, и поголовью скота, приходящегося на среднюю семью. Приведенные численные значения крайне любопытны в том отношении, что они соответствуют аналогичным данным, которые мы обнаруживаем в летописях и исторических записях, касающихся организации крестьянского хозяйства северных районов Европейской России в XII — XIX вв.⁶ или Центральной Франции и Южной Германии в XVI — XVII вв.⁷ Именно такие базовые характеристики материальной жизни (в пересчете не на семью, а на одного человека): одна десятая пахотной земли, 1 — 1,5 га сенокосов и пастбищ, 1/2 коровы и 1/3 лошади — и являются, по-видимому, тем необходимым минимумом, который позволяет прокормить одну человеческую единицу в умеренной зоне.

Следовательно, то, что мы видим сейчас в северных селах Горного Алтая, есть возврат к *самодостаточной и автономной материальной жизни*, жизни вне времени и вне цивилизации. Автономность семей внутри села ограничивается исключительно сферой материальной жизни (нельзя сказать — экономики). Она вовсе не распространяется на социальную жизнь, — напротив, она как бы способствует консолидации сельского сообщества.

Автономность моделей жизнеобеспечения на уровне отдельных семей формирует определенную направленность социально-психологических механизмов. На Алтае это проявилось очень определенно и резко в создании *системы местного сельского самоуправления*. Это повлекло за собой достаточно определенные практические шаги и сформировало психологическое единство людей, которые в большей степени, чем раньше, стали рассматривать себя как одно социальное целое, от жизнеспособности которого зависит и жизнеспособность каждого отдельного человека. В ряде мест при возникновении конфликтных ситуаций, затрагивающих экономические, социальные или этнокультурные интересы общины, она выступала как единое сплоченное целое.

Так случилось, например, в старинном селе Сайдыс Майминского района, на пастбища и охотничьи участки которого посягнул “новый русский” предприниматель, занявшийся пантоводством; сообщество снарядило конный отряд в 20 вооруженных молодых людей, которые отстояли границы своих угодий, хотя против них выступили отряды охранников и милиции.

В противоположность ситуации, сложившейся в Горном Алтае, на поморском Русском Севере нет условий для развития общинного самоуправления и формирования соответствующего менталитета (хотя, казалось бы, именно колхоз выступает основным субъектом самоуправления⁸). Ситуативные психологические механизмы жизнеобеспечения в сильнейшей степени препятствуют этому. Примечательно, что многие респонденты говорят о желательности и даже необходимости местного сельского самоуправления, тем более что эта потребность объективно подкрепляется отсутствием власти на местах и полной утратой в глазах колхозников авторитета власти областной и центральной. Однако при этом почти никто не представляет себе ни сути, ни формы местного самоуправления, людям совершенно не известны экономические, политические и социальные условия формирования сельского самоуправления, не говоря уже о том, чтобы были предприняты практические шаги по его созданию. Общинное самоуправление предполагает социальное единство, но этому сейчас серьезнейшим образом препятствует сложившийся социально-психологический механизм жизнеобеспечения, индивидуально-ориентированная психология рантье.

Таким образом, в нынешнее время “великих перемен” мы наблюдаем формирование разнообразных психологических механизмов выживания, одни из которых представляют собой как бы возврат к исходному “архаически-социальному” состоянию, другие — обращение к “цивилизованным” формам. Здесь были рассмотрены только два механизма жизнеобеспечения, но реально каждое сообщество формирует несколько таких механизмов. Общей чертой их всех является ситуативная адаптивность, которая в стратегическом отношении приобретает обратный смысл, и в этом плане такие механизмы следует рассматривать как парадоксальные, да они таковыми и выглядят.

Более важным представляется мне следующий момент. Период, в который мы живем, период социально-экономического и политического кризиса, “катастрофы” в понятиях теории динамических систем, позволил продемонстрировать (или даже подтвердить) верность одного фундаментального положения, можно сказать, *социального закона*, зафиксированного историками так называемого психологического направления⁹, а вслед за

ними и социальными философами. Положение это рассматривают как контрверзу классической социальной теории Маркса, как наиболее важный *argumentum crucis*: общество потенциально содержит в себе все многообразие формационных признаков, и в известные исторические моменты, в критических ситуациях, во времена переломов эти признаки могут проявиться независимо от того, соответствуют ли они общему направлению социального развития.

В нашем случае мы наблюдаем в рамках одного и того же общества, даже в пределах одного локального сообщества, как в результате кризиса формируются модели жизнеобеспечения, в одном случае соответствующие *внеэкономической* материальной жизни самого "примитивного", архаического уровня, а в другом — модели, присущие *капитализму*, финансовой экономике. И то, и другое может уживаться в пределах одного села, а переход между ними может занимать не отведенные формационной теорией столетия, а всего лишь месяцы. Как известно, в точке катастрофы, в точке бифуркации потенциально заключен сразу весь спектр состояний системы, к которым она может в дальнейшем перейти, а в самый этот момент она может находиться сразу в нескольких состояниях или хаотически переходить из одного в другое.

*

*

Данная статья основывается на результатах трех полевых исследований 1994 — 1996 гг., в которых автору оказали большую помощь другие ученые, за что он выражает им благодарность и признательность. В работе по селам Горного Алтая принимали участие кандидаты философских наук Н. В. Исакова и О. В. Нечипоренко. В полевых исследованиях на Русском Севере участвовали В. М. Плюсин, М. Вильк и В. Е. Дмитриев.

Материалы социологического исследования 1996 г. получены благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-18019).

Примечания

¹См.: Ракитский Б. Положение населения России: надломленность при "прыжке в рынок" // *Вопр. экономики*. — 1993. — № 4. — С. 49—56; *Исторические уроки деформации крестьянской жизни в СССР*. — М., 1991. — Вып. 4; *История крестьянства Сибири: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960—1980 гг.* — Новосибирск, 1991; *Староверов В. И. Раскрестьянивание: Историко-социологический очерк процесса* // *Крестьянство в изменяющихся условиях перестройки советского общества*. — М., 1991. — С. 10—77.

² См.: Социальные проблемы адаптации аграрного сектора к рынку // Общество и экономика. — 1993. — № 3. — С. 21—31; Плюснин Ю.М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги: Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай (по материалам социологического исследования осенью 1994 г.). — Новосибирск, 1995.

³ См.: Калугина З. И. Социальные границы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Регион: экономика и социология. — Новосибирск, 1991. — Вып. 3. — С. 35—42; Широкалова Г. С. Фермерское движение: что же это такое? // ЭКО. — Новосибирск, 1993. — № 3. — С. 110—126.

⁴ См., например: Максимов С. В. Год на Севере. — СПб., 1901. — Ч. 1 — 2.; Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. — Л., 1983.

⁵ См., например: Максимов С. В. Год на Севере; Савельев Л., Потапов Л. Как живут народы Северного края. — М.; Л., 1928.

⁶ См.: Громыко М. М. Мир русской деревни. — М., 1991.; Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. — М., 1957. — Сб. III.

⁷ См.: Бродель Ф. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. — М., 1992. — Т. 3. — С. 284—288.

⁸ См.: Кузнецова О.В. Производственная демократия в системе сельского самоуправления (на примере колхозов Поволжья). — Автореф. дис. ... канд. филос. наук — Саратов, 1992.

⁹ См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993.

С. В. Соболева

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ФОРМИРОВАНИЯ МАЛЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП (на примере Сибири)¹

В последнее время часто говорится о депопуляции многих национальных меньшинств, проживающих на территории Сибири и Крайнего Севера. По оценкам демографов и историков, численность населения коренных народов Западной и Восточной Сибири за 1984—1991 гг. сократилась на 11%, в частности численность бурят — на 10,6%, хакасов — на 11,2, шорцев — на 11,8%.

Чем можно объяснить отрицательный естественный прирост населения? Есть ли у национальных меньшинств шансы избежать депопуляции и вымирания? Или сокращение численности населения связано с ассимиляционными процессами? Ответы на эти жизненно важные вопросы связаны с решением целого ряда сложных теоретических и прикладных задач в рамках исследования проблем воспроизводства и формирования малых этнических образований. В ходе такого исследования нами рассматриваются, в частности, демографические аспекты воспроизводства и устойчивости этнонациональных популяций, даются

оценки их демографического и трудового потенциала. При этом под устойчивостью популяции понимается ее относительная стабильность по сравнению с другими компонентами социальной жизни.

В нашем понимании *устойчивость национального образования* в целом определяется:

- 1) устойчивостью в демографическом поведении;
- 2) устойчивостью в семейном поведении;
- 3) устойчивостью пребывания (проживания) на данной территории;
- 4) устойчивостью в этническом аспекте — низким уровнем ассимиляции или сохранением этнической эндогамии (преимущественное заключение однонациональных браков).

На устойчивость национального образования влияет множество факторов. Разработанная нами система индикаторов устойчивости, состоящая из пяти блоков, отражает наиболее значимые из них:

- эколого-культурные характеристики;
- этнические особенности семейного поведения;
- демографические характеристики;
- социально-экономические характеристики;
- характеристики этнических процессов.

Отдельным социально-демографическим аспектам устойчивости малочисленных народов, и особенно малочисленных народов Севера, посвящено достаточно много исследований как за рубежом, так и в нашей стране. Однако вне поля зрения оказались малочисленные национальные группы, для которых Сибирь не является территорией исконного этнического проживания и которые расселялись в Сибири в процессе ее освоения или в соответствии с проводимой в прошлом государственной национальной политикой. В своем исследовании мы акцентируем внимание именно на этих национальных группах, одни из которых не имеют своих национальных автономий, а другие имеют, но проживают вне их.

Информационную основу исследования составили списки семей, сформированные на основе книг похозяйственного учета (по данным на начало июля 1995 г.) 12 сельсоветов Крапивинского района Кемеровской области. В этом районе дисперсно расселены такие малые национальные группы как, немцы, чуваша, удмурты, мордва, шорцы. Другим очень важным источником информации послужили статистические (демографические, социально-экономические) данные.

Инструментарий обследования представлен анкетами “Вы и ваша семья”, “Традиционная национальная культура в жизни

вашей семьи" и "Анкетой работающего члена семьи" Особенность анкеты "Вы и ваша семья" состоит в том, что она раскрывает характер формирования и развития семьи на протяжении нескольких поколений. В качестве ядра семьи (центральной брачной пары) выбирается та брачная пара семьи, вокруг которой можно собрать максимум информации о родителях по линии мужа и жены, о детях (возможно, взрослых, которые имеют в настоящее время свои собственные семьи), как совместных, так и от других браков. Анкета "Традиционная национальная культура в жизни вашей семьи" ставит целью узнать о существовании принципов межпоколенной передачи традиционной культуры в малых этнических группах, выяснить, что сохранилось и что ушло из жизни современного поколения. Вопросы анкеты посвящены традиционным занятиям, обрядовым народным праздникам, традиционному жилищу, национальной одежде и кухне, национальному этикету, национальному характеру, устному народному творчеству и другим составляющим культуры. "Анкета работающего члена семьи" раскрывает особенности формирования личностного потенциала работника, его ценностно-нормативные установки, определяющие трудовое поведение в современной социально-экономической ситуации.

Объектом исследования явились этнически однородные и этнически смешанные семьи национальных меньшинств, проживающих на территории Крапивинского района Кемеровской области. Для большинства из них эта территория не является территорией исконного этнического заселения, они появились здесь в процессе ее освоения и расселены преимущественно в сельской местности.

Выборка проведенного летом 1995 г. обследования была фокусированной. Из списка выбирались все этнически однородные семьи. Из этнически смешанных семей обследовались те, в которых один из супругов является представителем выделенных национальных групп. При этом среди немецких семей была опрошена каждая пятая семья, среди чувашских — каждая третья, среди семей мордвы — каждая вторая. Всего было опрошено 149 семей, из них 78 этнически однородных и 71 этнически смешанная.

Как показали данные обследования, основная часть населения рассматриваемых этнических групп представлена работниками сельскохозяйственных предприятий. У удмуртов эта доля составляет у мужчин 90%, у немцев, чувашей и мордвы — от 82 до 87%. Женщины этих национальностей заняты как на сельскохозяйственных предприятиях, так и в сфере обслуживания.

Анализ данных проведенного социально-демографического обследования позволяет сделать следующие выводы²

1. Система расселения этнической общности оказывает существенное влияние на устойчивость этноса. В частности, компактное проживание этнически однородных семей в отличие от дисперсного способствует большей устойчивости национального образования за счет низкого уровня ассимиляционных процессов. Компактное или дисперсное проживание влияет также на передачу национальности от родителей к детям в этнически смешанных семьях. Если в условиях дисперсного расселения один из родителей имеет такую же национальность, как большинство окружающего населения, то ребенок наследует именно эту национальность, а не национальность другого родителя.

2. Большинство супругов в этнически смешанных браках всех рассмотренных национальностей являются детьми от этнически однородных браков. То есть этнически смешанные семьи детей являются проявлением ассимиляции семей их родителей, которые приехали на данную территорию в 40—50-е годы. Родители детей, состоящих в этнически однородных браках, также состояли в этнически однородных браках. Тенденция к этнически смешанным бракам проявилась в основном из-за дисперсного проживания этносов на данной территории. В будущем ассимиляционные процессы будут усиливаться.

3. Этнически однородные семьи отличаются меньшей территориальной мобильностью. Сибирь для них не является исторической родиной, но закрепление переселенных народов на данной территории долгое время поддерживалось государством.

4. В этнически однородных семьях всех рассматриваемых национальных групп модальный тип семьи — супружеская пара с детьми (у немцев таких этнически однородных семей 81%, у чувашей — 71, у удмуртов — 60, у мордовы — 100%). При этом среднее число детей в семьях чувашей и немцев равно трем, в семьях мордвы — четырем, удмуртов — пяти. В этнически смешанных семьях этих национальных групп среднее число детей равно двум, т.е. наблюдается переход к меньшей детности в семьях, смешанных с русскими. Вступая в межнациональные браки с лицами славянских национальностей, представители этнических меньшинств перенимают их репродуктивные установки и демографическое поведение.

5. В этнически однородных семьях супруги старше 30 лет равномерно представлены по возрастным группам, а в этнически смешанных семьях супруги принадлежат в основном к возрастной группе 31—45 лет. В межнациональные браки, как правило, вступают люди более взрослого возраста, при этом супруги чаще

имеют разницу в возрасте, чем являются ровесниками. Средний возраст вступления в брак в этнически смешанных семьях у мужчин и женщин различается примерно на пять лет, а в этнически однородных — на два года. Продолжительность брака в этнически однородных семьях выше, чем в смешанных. По сравнению с этнически смешанными в этнически однородных семьях фиксируется меньшее количество разводов.

6. Вероисповедание в современных семьях не оказывает существенного влияния на ассимиляционные процессы.

7. В этнически однородных семьях всех рассмотренных национальных групп говорят в основном на своем родном языке, но знают и русский как язык коммуникации в обществе. В межнациональных семьях говорят преимущественно на русском языке. Схожесть в языке и культуре способствует увеличению числа этнически смешанных браков, и, с другой стороны, в этнически смешанных семьях супруги имеют схожесть в языке и культуре.

8. Уровень образования в данных этнических группах, особенно у мужчин, заметно ниже, чем у русского населения этой же территории. У немцев, удмуртов и мордвы мужчины имеют в основном начальное образование (31, 60 и 40% соответственно), мужчины-чуваши — среднее (38%). Женщины-чувашки имеют преимущественно неполное среднее образование (26%), но у них значительны также группы с начальным (24%), средним (21%) и средне-специальным образованием (21%). Более высокий уровень образования имеют члены этнически смешанных семей. Они более мобильны и получают образование за пределами своего места проживания, как правило в городах области.

9. Результаты анализа показателей средней продолжительности жизни относятся к поколению родившихся в начале XX в., при этом мы рассматриваем относительно многочисленные национальные группы немцев и чувашей. Необходимо отметить, что это поколение родителей обследуемых состояло, как правило, в этнически однородных браках, поэтому провести сравнительный анализ продолжительности жизни супругов в этнически однородных и этнически смешанных семьях представляется затруднительным. Средняя продолжительность жизни мужчин и женщин у немцев составляла соответственно 57,3 и 71,3 года, у чувашей — 61,4 и 70,8 года. Для русских мужчин и женщин этого же поколения, проживающих в селах Кемеровской области, она была равна соответственно 56,1 и 69,1 года, т.е. находилась на более низком уровне, чем в национальных группах. У мужчин-чувашей средняя продолжительность жизни выше, чем у мужчин-немцев. Это связано с тем, что немцы в большей степени подвергались политическим репрессиям, гонениям, многие умерли в

результате болезней. При этом много мужчин старшего поколения погибли в результате войны и голода. Смертность по этим причинам выше у мужчин-немцев.

10. Семьи немцев и чувашей отличает низкая средняя продолжительность репродуктивно-активного периода как у мужчин, так и у женщин. Она составляет около шести лет. Это очень низкий показатель, т.е. к 30 годам женщины этих этнических групп заканчивают рожать детей, в то время как у русских репродуктивно-активный период составляет 10—12 лет, а конец репродуктивного периода приходится на возраст 34—36 лет.

11. Возрастной состав малых этнических образований характеризуется более низкой, чем у русского населения, долей детей и более высокой долей населения пенсионного возраста. Так, у немцев доля детей до 15 лет составляет 14%, у чувашей — 10, у удмуртов — 9, тогда как у русских, проживающих на этой же территории, она равна 21%. Мордовское население представлено только возрастными группами старше 30 лет, а доля населения пенсионного возраста составляет для мужчин 36,8%, и для женщин — 75%. Для всех рассматриваемых национальных групп в возрастной структуре населения низка доля молодого населения репродуктивного возраста. Все это указывает на очень низкие потенциальные возможности воспроизводства данных этнических групп, не имеющих шансов даже для простого воспроизводства.

Демографические и национальные процессы, происходят на фоне других социальных процессов, переплетены с ними, и поэтому как в целях научного осмысления, так и в социальной практике всегда необходимо определять, какую национально-этническую нагрузку несет то или иное социально-экономическое, культурное или политическое явление.

В реализуемом в настоящее время проекте “Демографические индикаторы социального развития при переходе к рыночной экономике (на примере регионов Сибири)” большое место уделяется рассмотрению вопросов, связанных с сохранением национальных традиций и занятостью населения этнических групп с учетом их предпочтений и ориентаций на определенные отрасли, виды труда и формы собственности. Знание этих моментов позволяет выявить различия в стратегиях приспособления этнических групп к новым условиям хозяйствования, степень их консервативности или гибкости поведения в сфере труда, что, в свою очередь, дает возможность прогнозировать развитие села, создавать соответствующую предпочтениям населения структуру рабочих мест и поддерживать инновационные группы.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта “Демографические индикаторы социального развития при переходе к рыночной экономике (на примере регионов Сибири)” при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

² Расчеты с использованием статистического пакета обработки социологической информации и анализ данных проведены совместно с О. В. Ганжур.

Д. В. Демин, В. П. Казначеев

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ КАК АНТРОПОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

Расчленение СССР, превращение единого тоталитарного государства в конгломерат экономически беспомощных, политически нестабильных образований, своеобразный статус границ между некогда братскими республиками Союза, между составными частями бывшего социалистического лагеря делают актуальным обсуждение одной из древнейших политологических и этнологических проблем человеческой цивилизации — проблемы межгосударственных, межтерриториальных границ.

Граница как таковая — одно из самых древних изобретений природы наряду со способностью к биологическому самопроизводству (не будь сформирован механизм продолжения рода, жизнь на планете исчезла бы, не успев возникнуть), с пищевым рефлексом (собирательство, охота, использование огня), со способностью отторжения чужеродной органики (иммунитет), с температурным гомеостазом (использование жилища и одежды), с тяготением древних цивилизаций к речным магистралям и акваториям, со стремлением к социальному комфорту и стабильности (функционирование религий и светского государства).

К этому же ряду относятся и межэтнические, межплеменные, межгосударственные границы, истоки которых уходят в глубочайшую древность, когда в борьбе за ресурсы (тепло, пищу, строительный материал и др.) живые существа тем или иным образом формировали (маркировали) свою территорию и даже создавали отряды самообороны, не позволявшие чужакам пересекать невидимую черту или приближаться к ней.

Все это делает проблему границ одной из наиболее деликатных, наиболее фундаментальных проблем биологии, эволюции и экологии человека.

Между тем нельзя не заметить, что наиболее серьезные и драматические сюжеты связаны с зонами взаимодействия народов

в географических пространствах планеты, что в конечном счете сформировало институт суверенитета, закреплённый механизмами собственности, власти, экономического, духовного, классового, идеологического, военного подчинения. Результаты этих процессов фиксировались в географических картах. Социальная история с доисторических времен до наших дней, по существу, отражается на политических картах с обозначенной на ней сеткой границ.

Расположение, легитимность и стабильность границ в существенной степени зависят от военной мощности соответствующих государственных образований. Такие образования могли подчинять, вбирать в себя моно- и полинациональные общности, что осуществлялось путем интервенции, экспансии или добровольного присоединения. Расположение и стабильность границ определялись той долей государственных ресурсов (техники, вооружения, живой силы и др.), которые могли быть выделены на их поддержание. Известный тезис: “кто не хочет кормить свою армию, тот рано или поздно вынужден будет кормить чужую”, — имеет непосредственный экономический эквивалент: “никому не дано тратить на поддержание государственных границ больше определенной части имеющихся национальных ресурсов”. Поддержание границы непрерывно поглощает экономический и популяционный потенциал страны или государственного образования, что вынуждает нацию постоянно изыскивать резервы, вычерпывая их из своих экономических, экологических, демографических, технологических, интеллектуальных “корзин”, содержимое которых трансформируется в “защитную капсулу” — политическую границу данного государства.

Поверхность планеты, ее сухопутные и водные пространства, неоднократно перераспределявшиеся в ходе истории истории, напоминают сегодня территорию зверинца с вольерами, дорожками, клетками, разделительными оврагами или заграждениями из колючей проволоки. В этом отношении первый, второй или третий мир не особенно отличаются друг от друга. Собственно, сегодня границы находятся в фокусе всех политических, экономических и географических пертурбаций. Практически все страны тратят существенную долю национального дохода на единственную цель — поддержание неприкосновенности границ. Как только эти траты достигают критического уровня, ресурсы государственного образования оказываются подорванными и оно немедленно становится легкой добычей для других моно- или полиэтнических структур. Часто речь идет не о недостаточности ресурсов для отражения экспансии, а о неспособности мобили-

зовать необходимые ресурсы в нужном месте и в нужное время. Так или иначе, страна исчезает, поглощенная другим политическим или экономическим образованием-конкурентом.

Отметим, что в более широком понимании защита границ наблюдается при любых процессах передела собственности, например при приватизации или акционировании недвижимости, земли, технологий и др. В роли границ здесь выступают правовые нормативы или их суррогаты. Результат аналогичен вышеописанному: "территория" переходит из рук в руки, побеждает структура или индивидуальный собственник, сумевший мобилизовать максимум ресурсов для защиты своих "границ" (сферы интересов) и способный к экспансии на чужую территорию.

Такова историческая практика. Поддержание границ — всегда очень дорогое удовольствие. Подобно средневековому рыцарю, взгромоздившему на себя стальные латы и изнемогающему под их тяжестью, национально-государственные образования вынуждены тратить все большую часть ресурсов на создание и ношение таких "лат", легко становясь жертвой более мобильного противника.

Не стоило бы обращаться к столь далекому прошлому, если бы не следующий факт новейшей истории: современные межгосударственные границы чаще всего искусственны, алогичны, не соответствуют естественно-природным рубежам, ландшафтным зонам, водоразделам, ареалам распространения растительных и животных организмов, структуре литографических, гидрологических образований. Государственные границы многократно пересекаются глобальными атмосферными переносами, миграционными потоками биологических масс и человеческих контингентов, становясь все более атавистическим элементом цивилизации. Большинство так называемых глобальных проблем — от таяния льдов Антарктиды до нарушения озонового слоя — имеют межгосударственный характер и в силу своей природы принципиально неразрешимы в рамках суверенных автономных государств.

К этим естественным трансграничным природным переносам ныне присоединяются социальные (перенос знаний, технологий, правовых норм, ценностей, конфессий), демографические (массовые миграции в цивилизованных и нецивилизованных формах, межнациональные, межгосударственные браки), экономические (переток капитала, рабочей силы), транспортные (авиация, флот, автотрассы и др.), эпидемиологические (трансграничный перенос инфекций), криминалистические (контрабанда, движение наркотиков, международные преступные группировки, терроризм), конфессиональные (взаимопроникновение мировых религий) и

др. Налицо противоречие между естественно-природными границами, ареалами экономического, идеологического, культурного влияния, экологически родственными регионами, с одной стороны, и государственными образованиями с их политико-географическими границами, поддержание которых обходится человечеству недешево, — с другой. Как разрешится указанное противоречие, покажет ближайшее будущее. Все большая прозрачность одних границ сопровождается все большим ожесточением и напряженностью на других.

Итак, к концу XX в. политическая география планеты глубоко противоречива: границы, сложившиеся в результате исторического процесса и обозначаемые на политических картах мира как некие неизменные образования, все в большей степени неадекватны невидимым рубежам, определяемым природно-экологическими и социальными процессами.

Выделим еще один важный аспект проблемы. В сжатой форме его отражает реплика Мао Цзэдуна: “Там, где китайцы, там Китай” Этнические, профессиональные, сословные образования, составляющие их индивидуумы как бы носят свою территорию на подошвах: там, где христиане, там христианский мир; там, где носители профессиональных знаний, ремесел, культуры, языка, там государство этих профессионалов, этой культуры, этого языка.

Таким образом, конфигурация наций, их культур, экономических, демографических, социальных традиций, технологий, собственности, капитала пришла в противоречие с обозначенными на карте политическими границами.

Еще раз обратимся к прошлому. Движение России на юг (на Кавказ и в Среднюю Азию) и на восток (в Сибирь, на Дальний Восток, Камчатку, Аляску) не было механическим перемещением границ империи. Это был скорее этноэкономический процесс расширения ареала христианства и его духовных ценностей, что и определило тонкие взаимодействия между властными структурами России и местной элитой, представителями местного самоуправления. Перемещение государственных рубежей составляло, по-видимому, лишь одну, и не самую важную, грань этого естественно-исторического процесса.

Походы Александра Македонского, в результате которых к Греции были присоединены территории Египта, Средней Азии, Индии, также не имели выраженного политического характера: покоренные народы воспринимали завоевателя как наместника божества, как объект поклонения, что мало напоминало оккупацию. Практика принудительных переселений (депортаций) взрослого мужского населения по пути следования армии имела

конкретную прагматическую цель — создание зоны межнациональных браков, метисизацию населения, что в перспективе не могло не ослаблять сопротивление со стороны молодых поколений, рожденных в смешанных браках. Таким образом, военное наступление сопровождалось рядом превентивных мер невоенного, популяционно-демографического, репродуктивного характера. Завоеватель понимал, что перемещение границ — не главное в его геополитических интересах и реализовывал практическую программу, которую сегодня мы назвали бы стратегической социальной технологией.

Обращаясь к еще более глубокой древности, стоит задуматься о причинах феноменальной устойчивости государственности Древнего Египта — великой страны фараонов. Территория была закреплена не столько военно-полицейскими формированиями, сколько религиозной идеологией, где властелин-фараон был формой, в которую была отлита власть жреческой олигархии.

Какие же практические выводы следуют из сказанного? Их, по меньшей мере, пять.

Во-первых, доктрина безопасности государства не должна включать защиту политических границ в качестве единственного и главного компонента. Должна быть рационально рассчитана и адекватно определена степень прозрачности государственных границ с учетом природно-экологических, гидрологических, демографических и других составляющих трансграничного переноса, в совокупности гарантирующих национальную безопасность.

Во-вторых, необходим дифференцированный подход к статусу границ между странами — членами СНГ, бывшими республиками СССР, странами Восточной Европы с учетом базовых закономерностей взаимодействия природной, экономической, социальной, популяционно-демографической сред (пространств) сопредельных государств.

В-третьих, должен быть учтен факт интеграции стран Европейского сообщества с одновременным наращиванием барьеров между Сообществом и другими регионами. Это процесс, отражающий современный сценарий перераспределения сфер влияния.

В-четвертых, доктрина охраны границ противоречит естественно-природным закономерностям: большинство проблем, включая внутригосударственные, не может быть решено с помощью изолированных средств суверенных государств, в том числе и наиболее могущественных, ибо механизмы международного (глобального) взаимодействия далеко не всегда достаточны для решения задач, стоящих перед цивилизацией.

В-пятых, проблема административных границ между субъектами Российской Федерации будет еще одной “головной болью” для сегодняшних и завтрашних политиков. Проведенные часто в самых несообразных местах, без учета природно-экологических условий, этнической истории, экономической инфраструктуры, эти границы, нередко обретающие статус политических рубежей (если не де-юре, то де-факто), не могут быть пересмотрены на основе только правовой доктрины, без соответствующих познаний в области природоведения, биогеоценологии, популяционной демографии и других дисциплин, осведомленность в которых явно не обременяет наших законодателей.

Отметим, что распад СССР и соответствующие системные последствия самым очевидным образом противоречат общемировым, глобальным тенденциям: если в современном мире протяженность границ сокращается, усиливаются трансграничные перемещения и переносы самой различной природы, упрощаются и становятся экономичней таможенные правила, то наша отечественная практика прямо противоположна, — на поддержание границ (в широком понимании) мы затрачиваем все большую часть своих скудеющих ресурсов. Такая тенденция противоречит базовым закономерностям развития природы, в том числе сферы обитания человека, закономерностям динамики биосферы, популяционно-этнической истории. Прозрачность границ есть одно из необходимых условий (но, разумеется, недостаточное) разрешения конфликтов. Зоны повышенного социального, экологического, техногенного, правового, эпидемиологического, военнополитического риска — так называемые “горячие точки” планеты не исчезнут в ночь на 1 января 2000 г., XXI век унаследует их в полном объеме.

Указанные противоречия принципиально неразрешимы в условиях полнейшей бюрократической безответственности и элементарного невежества, ежедневно являемых властями. Безответственность центра проецируется на регионы (края, области, национальные автономии) уже в совершенно нецивилизованном варианте. Культ границы, стремление к герметичности, транспортные тарифы, высокая стоимость коммуникаций расчлениют обширную страну, что неминуемо ведет к дезинтеграционным процессам в базовых сферах — сферах культуры, биологического и социального воспроизводства.

Таким образом, Российская Федерация в целом и ее восточные субъекты в особенности моделируют сегодня наиболее порочный, наименее перспективный путь развития, являя для остального мира экспериментальный образец, которому ни в

коем случае не нужно следовать. На России история отрабатывает сценарий развития в виде бездонной воронки, куда неизбежно устремится любое сообщество планеты, если оно последует путем, который выбрали для себя "русские"

Естественно, речь сегодня не идет об уничтожении, отмене административных, межгосударственных, экономических границ (независимо от того, совпадают ли они с так называемыми зонами влияния, или зонами государственных интересов). Однако диалектика прозрачности границ, их объединяющей, интегрирующей функции в сфере экологии, культуры, современных технологий, популяционно-демографических процессов такова, что указанные проблемы должны, на наш взгляд, стать центральными в общественном обсуждении перспектив России в широком контексте антропоэволюционной динамики следующего столетия.

В. Г. Костюк

О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИБИРИ

При всем многообразии разделяемых современными исследователями мировоззренческих позиций по вопросу о природе и судьбах этносов (от Бога они или от Природы, вечны они или преходящи и т.п.) мы исходим из фактов их эмпирической данности, взаимозависимости, изменчивости, органической целостности, общности системообразующих признаков. Этносы осуществляют свою жизнедеятельность на определенной территории, приспосабливаясь к ее природно-климатическим, ресурсным, геополитическим и иным условиям и вырабатывая специфические традиции хозяйствования, этнической культуры в целом. Общность языка, осознание принадлежности к данному этносу, общность религиозных верований для любых народов являются важнейшими интегрирующими факторами. В то же время существует человечество как единая, сложная, внутренне противоречивая цивилизация, в которой постоянно протекали и протекают процессы дифференциации и интеграции этносов и цивилизаций.

Именно системный подход к этносоциальным процессам как глобального, так и локального масштаба позволяет избежать односторонности и в теоретических дискуссиях о сущности эт-

носов, об иерархии образующих их факторов, и в эмпирических исследованиях этносоциальных процессов. При этом практическая реализация данного подхода означает методологическое требование иметь представление об этносе (группах этносов, человечестве) как о целостной системе определенного масштаба и при исследовании его как целого, и при исследовании его отдельных подсистем — народонаселения, хозяйства, языка и т.д.

Нам представляется, что системность включает в себя диалектику в качестве принципа развития через противоречия — как при материалистическом, так и при идеалистическом взгляде на этносоциальные процессы. При мировоззренческой установке неприятия развития применительно к этносу бессмысленно, конечно, говорить и о диалектике, и о системности. Но без системности также бессмысленно считать исследование научным, ибо наука есть систематизированное знание.

Сегодня в условиях реальной дифференциации наук, в том числе социальных, при различиях в содержании понятий, используемых разными науками даже применительно к одним и тем же объектам, с учетом специализации исследователей реализация системного подхода к этносоциальным исследованиям предполагает комплексность как свою составную часть и соответственно согласование и адаптацию понятийного аппарата и методик различных наук в этих исследованиях. Игнорирование этого методологического требования ведет не только к взаимному непониманию в научном общении, но и к различным, иногда диаметрально противоположным выводам из одних и тех же или схожих данных, полученных в ходе исследований.

Сказанное выше справедливо, на наш взгляд, применительно и к этносоциальным, и к этносоциологическим исследованиям. Для ясности уточним кратко, что соотношение между этносоциальным и этносоциологическим мы понимаем как аналог (применительно к этносу) соотношения социального и социологического в известных дискуссиях о предмете социологии, придерживаясь понимания социологического как социального, взятого в аспекте динамики социальных структур и социальных процессов (как субъект - объектных отношений).

Этнология как становящаяся комплексная наука о народах-этнусах включает в себя археологию, этнодемографию, этносоциологию, этнолингвистику, этноисторию, этноэкологию, этноэкономику и т.д. Этносоциальные исследования — это в широком смысле комплексные этнологические исследования. В то же время частные исследования (этнодемографические, этнолин-

гвистические и др.) также относятся к разряду этносоциальных, но в узком смысле. Этносоциология как определенная, рассмотренная сквозь призму социальных структур и процессов модель этнологии в своем наиболее полном виде имеет составляющие (аспекты) частных этнологических наук (этноэкономики, этнолингвистики и др.), но как преобразованные, модулированные элементы. В этой связи и при этносоциологических комплексных исследованиях (при включении в них проблематики и предметов этноэкономики, этнодемографии, этнолингвистики и др.) существуют методологические и методические проблемы согласования взглядов ("картин мира" и методик исследования) представителей частных наук, участвующих в исследовании.

Комплексные этносоциологические (и этносоциальные) исследования не отменяют, конечно, частные этнолингвистические, этнодемографические и иные исследования, которые, собственно говоря, в основном и проводятся в данный период накопления частных знаний и становления этнологии как комплексной науки. Но уже накопленные знания частных наук, с одной стороны, и крайне ограниченные финансовые и материальные возможности научной деятельности в современной России (и, в частности, в Сибири) — с другой, требуют объединения усилий и ресурсов специалистов разных отраслей этносоциального знания в проведении комплексных исследований по согласованным методикам. При этом, как показывает многолетний опыт (например, работы Комплексной комиссии по исследованию народов Севера), достигается более существенный научный и практический эффект при более низких материально-финансовых и временных затратах.

К сожалению, в последние годы усилилась дезинтеграция не только социальной жизни, но и социальных наук в Сибири, и позитивный опыт комплексных исследований если и не забыт еще, то используется крайне слабо.

Эффективность исследований повышается не только за счет комплексности исследования на одном объекте (этнотипе, субэтносе), но и при проведении одновременных сравнительных исследований (частных, а еще лучше — комплексных) на нескольких объектах по единой методике, а также повторных (частных, комплексных, сравнительных) исследований. Сравнительные исследования позволяют учесть диалектику общего и особенного, а повторные — выявить тенденции процессов и перейти к режиму управляемого этносоциального мониторинга.

Сравнение результатов этносоциальных исследований сегодня можно осуществить чаще всего лишь по публикациям и на-

ставших ныне крайне редкими научных форумах — семинарах, конференциях. При этом такое сравнение не всегда можно сделать корректно, поскольку сказываются различия в методиках, сроках, репрезентативности исследований, зачастую — в содержании показателей. Вполне понятно, что в нынешних условиях дезорганизации социального управления в России и снижения интереса государственных органов всех уровней к практической составляющей социальных исследований их координация, повышение научной и социальной эффективности путем проведения комплексных, сравнительных, повторных, мониторинговых исследований могут быть реализованы лишь самими социально ответственными исследователями при поддержке определенных научных структур (типа Российского гуманитарного научного фонда) и некоторых органов государственного управления.

Даже сравнительное исследование, проводимое в рамках частных наук на нескольких объектах (например, этнодемографическое обследование) по единой или сходной методике, существенно расширяет наши знания об изучаемом явлении, так как позволяет выявить его общие и специфические черты, факторы специфичности, а также сформулировать гипотезы дальнейших исследований. Сравнительные же комплексные этносоциальные или этносоциологические исследования дают возможность получить еще более богатую и систематизированную информацию об объектах (этнотах, группах этносов).

Выбор объектов для проведения сравнительных исследований диктуется научными, практическими или чисто прагматическими соображениями. В данных условиях дезинтеграции и безденежья в науке они рациональны даже при согласии совместно работать по единой программе на двух объектах двух исследователей из одного или разных регионов (например, исследование этнодемографических процессов у алтайцев и хакасов). Выбор этносов — объектов исследования может быть случаен лишь с точки зрения наличия исследователей по данным этносам и по данному предмету (демографии), но целесообразен в современных условиях, так как острее, чем когда-либо, встали проблемы выживания аборигенов Сибири в условиях проводимых в России реформ. Возможен, при свободе проведения исследований, отбор объектов сравнительного исследования по значащим, а не случайным признакам — экономическим, этнологическим, лингвистическим, геополитическим и т.п. Одним из оснований отбора может быть степень социальной остроты явления (например, депопуляция, резкое снижение уровня занятости и т.п.).

В настоящее время весьма целесообразны, по нашему мнению, частные и комплексные сравнительные исследования по острым социальным проблемам жизни этносов Сибири. На основе материалов данного регионального семинара, результатов этносоциологических исследований Института философии и права СО РАН, анализа научных публикаций и публикаций в периодической печати можно выделить ряд наиболее острых социальных проблем, стоящих сегодня перед этносами Сибири.

Это

— *ухудшение структуры занятости населения, рост безработицы;*

— *рост смертности, депопуляция;*

— *снижение физического и духовного качества населения;*

— *внутриэтническая и межэтническая дезинтеграция;*

— *трансформация геополитических ориентаций национальных элит в условиях ослабления России;*

— *необходимость оптимального согласования интересов этносов в структурах власти и самоуправления.*

В рамках этих проблем можно выделить более частные: разрушение традиционных отраслей хозяйства в условиях проводимых социально-экономических реформ, снижение у молодежи интереса к общему и специальному образованию, ценностная дезориентация в духовной жизни и т.п.

Практически по всем отмеченным проблемам у исследователей имеются теоретические и методические наработки той или иной глубины. При создании программы и методики сравнительного исследования внимание должно быть сосредоточено на следующих моментах:

1) выбор предмета исследования (например, определенной социальной проблемы или комплекса проблем);

2) представление предмета исследования в системе показателей и индикаторов его элементов;

3) разработка или отбор методик получения информации о показателях и индикаторах;

4) выбор объектов исследования на основе определенных значимых принципов.

Технологии решения указанных задач достаточно проработаны и освещены в литературе, хотя и требуют адаптации к конкретным условиям исследований. Следует отметить, что сравнительные этносоциальные исследования возможно, а зачастую и целесообразно проводить по смешанному принципу: часть методик единообразна для сравниваемых объектов, а часть — ори-

гинальна для каждого или одного из них. Это позволяет учесть специфику и объекта, и предмета исследования, и интересов самих исследователей. Например, демографа, участвующего в комплексном исследовании, могут интересовать дополнительно некоторые свои вопросы, лингвиста — свои и т.д. По этим специфическим вопросам они могут разработать дополнительные методики и реализовать их на части объекта (например, в своем регионе обследования). Такой “веер” методик позволит также выявить новые аспекты исследуемой проблемы и сформировать новые гипотезы.

Наиболее полная система основных показателей, используемых в комплексном этносоциальном исследовании, проводимом сегодня в Сибири, должна, на наш взгляд, содержать следующие:

1) *демографические*: естественный прирост населения; средняя продолжительность жизни; степень моноэтничности (доля населения от моноэтнических браков); степень инвалидности населения;

2) *экономические*: доля безработных (незанятых) среди населения трудоспособного возраста; реальный уровень жизни (среднедушевой доход на члена семьи в месяц; доля заработной платы в среднедушевом доходе; физиологический прожиточный минимум и др.); доля предпринимателей среди населения; доля занятых в государственном и кооперативном секторах народного хозяйства;

3) *социальные*: отраслевая и социально-профессиональная структура занятости населения; характер социально-профессиональной мобильности; состояние и динамика образовательных структур населения; число правонарушений на 1000 чел. населения в год; число суицидов на 1000 чел. населения в год; степень дифференциации по доходам между социальными группами;

4) *духовные*: доля владеющих в определенной мере языком своей национальности; доля придерживающихся традиционных верований; доля имеющих отрицательные установки в межэтнических отношениях; доля оптимистов в отношении будущего своего этноса;

5) *политические*: доля ориентированных на национальную государственность; доли ориентированных на политические системы капиталистического и социалистического типа.

По этим 20 основным показателям, рассмотренным в динамике, можно составить достаточно полное представление о состоянии и тенденциях этносоциальных процессов.

Теоретико-методологическая и методическая база, необходимая для разработки программы сравнительных комплексных этносоциальных исследований в Сибири имеется. Социологи Института философии и права СО РАН проводят исследования по проблемам демографии народов Сибири, занятости и безработицы, социально-профессиональной мобильности, ценностных ориентаций населения в сферах труда, духовной жизни, политики. Судя по докладам участников данного семинара, оригинальные методики исследования ряда этносоциальных процессов разработаны также сотрудниками других научных учреждений и вузов Сибири. Задача заключается в формировании добровольных творческих групп по разработке согласованных методик и блоков единой программы. Координацию этой работы согласен взять на себя сектор этносоциологии Института философии и права СО РАН.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СИБИРИ

В. Н. Тугужекова

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХАКАСИИ

Кризис в области межнациональных отношений привел к тому, что Российская Федерация стала сегодня зоной этнического бедствия. Очень медленно идет процесс формирования национальной доктрины России, особенно это касается взаимоотношений и координации действий центра и регионов. Но как бы ни складывалась ситуация в стране, в том или ином ее регионе, необходимо сохранить гражданский мир и согласие, и главной задачей является предотвращение гражданской войны. В Сибирском регионе удалось сохранить мир и согласие, но они зависят от того, будет ли в дальнейшем стабилизирована социально-экономическая и политическая ситуация в стране.

При формировании национальной политики в Республике Хакасия учитываются ее региональные и национальные особенности. Хакасия расположена в Южно-Сибирском регионе, она соседствует с Республикой Алтай и Республикой Тыва. Народы этих республик объединяет общая история, сходные природно-географические, демографические, социально-экономические факторы, общность духовной культуры и языка. Тесная связь между Горным Алтаем, Тывой и Хакасией существовала веками, сохраняется она и сегодня. Но надо учитывать, что Хакасия — это один из древних очагов Саяно-Алтайской цивилизации, расцвет которой пришелся на средневековые (VI—XII вв.), уникальное место, которое сегодня по праву считается “археологической Меккой” Сибири. Отсюда вытекает необходимость спасения и сохранения археологических памятников, ландшафта местности, культурных традиций. Исчезновение всего этого приведет к утрате этнической самобытности хакасского этноса.

Хакасия — это многонациональная республика. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в ней проживали представители 108 национальностей, из них 79,5% населения составляли русские, 11,1 — хакасы, 2,3 — украинцы, 2 — немцы, 0,6% — чуваша и т.д. В Хакасии приемлема концепция многокультурности. Разрабатываемые нами программы, направленные

на возрождение и развитие народов республики, в частности программы по культуре, образованию, учитывают эти особенности. Так, в принятой Верховным Советом Республики Хакасия Государственной программе сохранения и развития языков народов Республики Хакасия на 1994—2000 годы объектами сохранения и развития стали языки хакасский, русский, немецкий, татарский, чувашский.

Анализируя советский период в истории хакасского этноса, следует отметить, что роль Октябрьской революции в его жизни была неоднозначной. Абсолютное большинство хакасского населения в дореволюционное время было занято в единоличном хозяйстве, 93,7% не использовали наемный труд, баи составляли 2,5% населения. Поэтому в большинстве своем местное население не приняло идеи сплошной коллективизации, так как не было готово к ней. С другой стороны, нельзя не отметить тот экономический и социальный прогресс, который пережила Хакасия в послеоктябрьский период. Была создана промышленность, ликвидирована неграмотность, сформирована национальная интеллигенция.

В Хакасии были построены такие гиганты индустрии, как Саяно-Шушенская ГЭС, объединение “Абаканвагонмаш”, алюминевый завод, камвольно-суконный комбинат и др. В 70-е годы, будучи автономной областью, Хакасия по объемам производства обогнала все автономные области, шесть автономных республик, 10 административных областей России. По объему национального дохода на душу населения (это был приоритетный показатель) Хакасия превзошла девять союзных республик.

Освоение природных богатств, развитие производительных сил привели к быстрому росту населения за счет огромного миграционного потока. Если с 1926 по 1989 г. население СССР увеличилось в 1,9 раза, то население Хакасии за то же время выросло в 6,1 раза. Хакасы как этнос не были защищены от побочных последствий индустриализации. Если в 1924 г. они составляли 75% населения республики, то в настоящее время — немногим более 10%. Хакасский язык и культура перестали быть средством адаптации к жизни.

Все народы Хакасии с надеждой встретили процессы реформирования. Повысилось их национальное самосознание. В августе 1990 г. прошел первый съезд хакасского народа, а всего их проведено шесть. В последние годы наметились позитивные изменения в изучении хакасского языка.

При формировании национальной политики в Республике Хакасия учитываются этнические особенности коренного этноса,

его традиции и история. Но к чести народов Хакасии даже на этапе митинговой демократии здесь не было национальной розни и вражды. Нет в республике национальных столкновений и явного обособления по национальному признаку. Даже в среде радикально настроенной интеллигенции не были заметны центробежные тенденции. Сегодня в республике функционируют немецкий, татарский, чувашский, украинский, польский, хакасский национально-культурные центры.

Изменения в общественно-политической жизни страны повлияли на развитие национального движения в Хакасии. В республике создана и действует общественно-политическая ассоциация "Тун", которая имеет свои устав и программу. Стали проводиться различные обрядовые и ритуальные праздники, творческие конкурсы, а также другие мероприятия, направленные на возрождение национальных духовных и культурных ценностей, традиций, обычаев, на сохранение родного языка. Заметно изменилось самосознание народов: все мероприятия получают широкую поддержку снизу и проводятся при участии всех социальных слоев.

Залогом возрождения хакасского этноса является не только национальная консолидация, но прежде всего сотрудничество народов, проживающих в Республике Хакасия, установление рационального равновесия между национальным и интегрирующим началами, ибо перевес в ту или иную сторону приводит к негативным последствиям.

Однако в последние несколько лет в республике стала заметно нарастать межэтническая напряженность, и причиной тому общероссийская ситуация.

Распад СССР, обострение межнациональных отношений в странах ближнего зарубежья вызвали усиленную миграцию населения. Только в 1993 г. в Хакасию прибыло 24066 переселенцев и беженцев, при этом приезжие оседают в основном в городах. Кроме того, в Хакасию были передислоцированы воинские части из Молдавии.

Люди, пострадавшие в странах ближнего зарубежья, переносят межнациональную напряженность в Хакасию. Они разделяют идеологию национального радикализма, провозглашают антихакасские лозунги. Националистические настроения беженцев и переселенцев представляют угрозу национальной стабильности в республике.

По нашему мнению, на общее состояние межэтнических отношений в Хакасии оказывает непосредственное влияние характер федеративных отношений. Наметила тенденция к жесткой централизации. По сути, под прикрытием федеративной

идеологии формируется унитарное государство. Реально это выражается в ограничении компетенции республик, что превращает их суверенитет в пустую формальность.

В Республике Хакасия такую тенденцию реализует депутатская группа, которая опирается преимущественно на русское население, проживающее здесь с недавнего времени. Эти политические силы выступают за упразднение государственного суверенитета Хакасии, за создание на ее территории губернии. Такое развитие событий может привести к расколу населения по этническому признаку, к межнациональной напряженности и политической нестабильности. Конечно, можно проблему "загнать вглубь", тем более что подобный опыт в стране есть, но неразрешенная задача вновь встанет позднее, причем в более уродливой форме, и это негативно скажется на будущей судьбе страны.

Россия состоялась как независимое государство, но в ней должно состояться равноправие всех наций. Это будет зависеть от того, сумеет ли Россия создать цивилизованное федеративное государство.

Особенностью Республики Хакасия является то, что здесь нет тенденций, характерных для некоторых других республик, таких как стремление к самоизоляции и тем более к государственной независимости. Это объясняется, в частности, определенными историческими традициями. Хакасская интеллигенция и молодежь воспитаны на русской культуре, для большинства хакасов русский язык — второй родной язык, а для некоторых — единственный, так как в городах, как правило, не было национальных школ.

С ростом национального самосознания растет и интерес к родному языку, культуре, традициям, и когда хакасы видят недоброжелательное к себе отношение со стороны большого живущего рядом народа, возникает чувство национальной обиды.

Национальные отношения — это не только политические и экономические, но также психологические, социальные, культурные, духовные отношения. В такой сложной в этническом отношении стране, как Россия, нужна мудрая государственная национальная политика. Но, к сожалению, решение многих проблем пущено на самотек. Складывается впечатление, что федеральные власти поставили себе цель показать, какой не должна быть национальная политика.

Стремление жить в цивилизованном обществе требует цивилизованного мышления, а это предполагает, что народы России должны осознать социальную роль русской нации, русской

культуры в Российской Федерации, а представители русской нации словом и делом должны способствовать сохранению языка, культуры, самобытности всех народов России. Условием выживания русской нации является ее постоянная энергетическая подпитка культурой других народов, а содействие и влияние русской культуры — условием развития всех этносов в составе России.

Серьезным препятствием на пути становления демократического федерализма является сложившаяся бюрократическая система в центре и на местах. В любом цивилизованном обществе, когда наступает кризисное состояние, ищут его причину и пути его преодоления. Но в России принято значительную часть энергии тратить на выяснение того, кто виноват? В верхних эшелонах власти происходят бесконечные разборки “удельных князей”, реальное же дело не продвигается.

При отсутствии опыта демократического развития в структурах управления снова возвращаются к прежним схемам, так как выполнять спущенные сверху распоряжения всегда легче, чем создавать и внедрять новую демократическую технологию управления.

Строя федерацию, важно учитывать интересы всех этносов, социальных групп, политических и экономических структур. Отношения между центром и республиками затрагивают комплекс различных интересов: интересы всего населения республики, аборигенного этноса, инонациональных групп и русской нации.

Чтобы реализовать интересы всех этих групп, необходимо глубоко проработать понятийно-категориальный аппарат, позволяющий адекватно отразить различные уровни и формы взаимодействия этносов.

Возьмем вопросы права. Гражданские права у нас у всех одинаковы, и это справедливо. Но какое место должны занимать в жизни общества коллективные права этносов, связанные с развитием национальной культуры, языка, сохранением самого этноса? Должно ли государство охранять эти права, если для большого этноса они очевидны, а этнос малочисленный постоянно наталкивается на непонимание его интересов? Проработок по этим вопросам нет.

Государство берет под свою опеку малочисленные народы (численностью до 50 тыс. чел.). Но, на наш взгляд, суть не в численности этноса: она может и не достигать 50 тыс., но если для этого этноса родной язык, культура, самобытность — средство адаптации к жизни, то он вечен. Если же народ утрачивает свои традиции, хозяйственную культуру, мыслит и говорит на

другом языке, то, имея численность и в несколько сотен тысяч человек, он обречен на гибель.

Нам могут возразить, что этническая ассимиляция — естественный процесс, что всегда в истории одни народы исчезали, другие появлялись. Это так, но в нашей истории данный процесс вопреки желанию, самоощущению народов искусственно ускоряется.

В Республике Хакасия раньше мало интересовались этнодемографической статистикой. В 1990 г. группа медиков из новокузнецкого Института комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН впервые провела исследование состояния здоровья аборигенного населения девяти хакасских сел Аскизского района. Ученые сделали вывод, что нарушение традиционного образа жизни влияет не только на здоровье населения, но и на генетическую основу этноса.

Идет процесс старения хакасского населения. Доля лиц старше 60 лет неуклонно возрастает. В 1989 г. средняя продолжительность жизни у населения Хакасии составила 69 лет, при этом средняя продолжительность жизни хакасов — 64 года (у мужчин — 58 лет). Растет число самоубийств среди хакасской молодежи, огромные масштабы приобрела алкоголизация народа.

Мнение некоторых политиков относительно того, что в период капитализации в России должна возобладать тенденция к самовывживанию этносов, что судьба каждого народа должна находиться в его собственных руках, частично оправданно, но в чем-то такая установка граничит с национальным геноцидом. Только создание благоприятных возможностей для свободного развития всех народов и этнических групп, для удовлетворения специфических интересов граждан, связанных с их принадлежностью к тому или иному народу, при обеспечении национального равноправия и равных прав граждан приведет к положительному результату.

Согласование национальной идеи с идеей целостности Российского государства на основе естественного многообразия этнокультур, приоритетности общечеловеческих прав, свобод и обязанностей заключает в себе путь к демократическому федерализму.

Л. В. Анжиганова

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ХАКАСОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Для сохранения и возрождения этноса особенно важное значение имеет состояние этнического мировоззрения, которое можно определить как форму общественного сознания, позволяющую народу идентифицировать себя как целостность во времени и пространстве. Этническое мировоззрение включает в себя следующие элементы:

1) модель мира, которая может быть представлена на уровнях обыденного и теоретического сознания;

2) иерархию потребностей, интересов и ценностей, которые определяются конкретно-историческими обстоятельствами и в наиболее концентрированном виде выражаются в национальной идее;

3) специфические этнопсихологические установки, стереотипы мышления как наиболее укорененные, консервативные пласты мировоззрения этноса, ориентированные на внутри- и межэтническое общение;

4) механизмы, поддерживающие целостность народа, — традиции, обычаи, хозяйственно-экономические, политические, духовно-культурные связи и отношения внутри этноса.

Реальное существование и поведение этноса во времени и пространстве выступают в качестве критерия зрелости тех или иных мировоззренческих установок.

Необходимо разграничить понятия “этническое мировоззрение” и “мировоззрение этноса”. Выкристаллизовавшаяся система внутренней интеграции и внешней дифференциации этносов формулируется в мировоззренческих терминах и превращается в некое относительно устойчивое ядро культуры. Оно проявляется в архетипах “коллективного бессознательного” (К.-Г. Юнг), способствует отбору соответствующих культурных феноменов из внешней среды в ходе развития и взаимообмена с другими подобными образованиями. Именно этническое мировоззрение создает уникальный образ данного этноса. Понятие “мировоззрение этноса” отражает всю картину мировоззренческих тяготений народа, составляющих его структур на данном конкретном историческом отрезке времени. На мировоззрение этноса могут оказывать влияние как долгосрочные, так и краткосрочные исторические явления и события.

Этническое мировоззрение более стабильно, консервативно, мировоззрение этноса в большей степени подвержено иннова-

ционными процессам. Этническое мировоззрение является ядром мировоззрения этноса. Единство стабильного и мобильного начал делает его жизнеспособным социальным образованием; а их конкретное соотношение определяет особенности развития этноса в различных обстоятельствах.

В основе этнического мировоззрения лежит традиционное мировоззрение, с которым оно во многом совпадает. Но есть и различия. В этническом мировоззрении в большей мере представлены историко-временной аспект, стереотипы внутринационального и межнационального общения как результат длительных исторических контактов. Традиционное мировоззрение — это исторически исходная форма мировоззрения этноса, в рамках которой жизненно важные проблемы народа рассматриваются с позиции взаимоотношения Природы и Человека — в силу особенностей образа жизни, обуславливающего данную форму мировоззрения.

К особенностям традиционного общества можно отнести

- решающую зависимость этноса от среды обитания;
- адаптацию народа к условиям проживания как форму взаимодействия этноса и среды обитания;
- традиции как доминирующую форму взаимоотношений внутри этноса;
- статичность и цикличность этнического времени;
- инвариантность, стабильность мировоззрения этноса (влияния извне ассимилируются при относительном сходстве или не приживаются);
- невысокий горизонт потребностей человека;
- малый удельный вес инновационных процессов и явлений;
- абсолютизацию и консервацию культурных ценностей своего народа;
- приоритет коллективных интересов перед личными и т.д.

Высокая адаптивность традиционного общества имела два основных следствия: тормозились инновационные процессы, но сохранялась возможность выживания этноса.

Большинство народов прошли стадию традиционного развития, осмысливая мир и себя в нем посредством сходных базовых мировоззренческих позиций. Достаточно указать на существование общечеловеческого архетипа центра мира — мировой горы или мирового дерева. Однако специфические природные и исторические условия существования породили своеобразие мировоззренческих позиций этносов. Эти своеобразные позиции сохраняются и на стадии индустриального развития, подчас уходя в подсознание народа, иногда функционируя в модифицированной форме.

Концентрированной формой существования этнического мировоззрения могут стать как письменные источники (Ветхий Завет, Авеста и т.п.), так и вся культура в широком смысле слова: обычаи, традиции, язык, хозяйственно-бытовой уклад, семейно-родственная обрядность, материальная культура, фольклор и др. Во всем этом заложена в скрытом виде информация, которая является “атомом” мировоззрения. В отличие от научной информации мировоззренческая всегда эмоционально-образно окрашена и отражает в первую очередь интересы именно данного этноса. Поэтому она чаще всего представлена в идеологизированной и мифологизированной формах независимо от стадии развития этноса. Этноты мифологизируют свое положение, по-разному оценивая свое прошлое, настоящее, будущее. Причем оценки одного и того же явления, исторического события могут быть со смещенными акцентами.

Точкой отсчета в изменении исторической интерпретации служит интерес этноса, который колеблется в границах “выживание — возрождение — расширение этнического пространства — вечное существование во времени”. Молодые, формирующиеся народы, полные сил и амбиций, стремятся к расширению своего этнического пространства, тогда как этноты, находящиеся на стадии “надлома”, мечтают только о выживании и возможном возрождении. Но каждый этнос надеется стать “вечным народом”.

Таким образом, базовые интересы всех этносов основаны на одной потребности — потребности жить, осуществляя обмен с окружающей средой, биосферой, производить потомство, что является гарантией сохранения и защиты этноса. Именно эта потребность роднит этнос с Природой, обуславливая его биосоциальный характер.

Что касается системы и иерархии ценностей, то они также являются конкретно-историческими и могут меняться в зависимости от условий существования народа (природно-климатических, исторических, геополитических и др.). Рассмотрим процесс этого изменения применительно к такому сибирскому этносу, как хакасы.

Традиционные ценности хакасов связывают этнос с Природой и определяются как природосообразные. Во времена Древнехакасского государства (VI—VIII вв.) обоснование нового положения этноса требовало новой идеологии и новых ценностей. Таковыми были Хан-Тигир как верховное божество, божественное государство, Каган как сын Неба и т.п. С падением государственности вследствие монгольского завоевания и утраты самостоятельного развития после присоединения к России глав-

ными ценностями стали ценности выживания, а не развития: дети как гарантия продолжения жизни рода, род как форма связи в этносе, верность традициям предков и т.п.

С включением хакасов в социалистический эксперимент ценности стали меняться. Попытки прорыва в современную цивилизацию западного типа, стремление сделать свой народ равным среди равных имели как положительные, так и отрицательные последствия, которые к концу XX в. привели хакасов к точке бифуркации, точке выбора. Главным национальным вопросом стал вечный вопрос: “быть или не быть”, окончательно ассимилироваться или возродиться? Ответ может быть только положительным, так как этническое сознание хакасов никогда не признавало небытия ни в каком виде, ни на каком уровне.

Можно выделить основные идеи традиционного мировоззрения, которые были принципами существования хакасов в мире.

1. *Целостность и единство мира.* Законы функционирования Верхнего, Среднего, Нижнего миров тождественны. Миры общаются между собой как в ходе влияния их друг на друга, так и в деятельности шаманов — посредников между мирами. Но главное — человек является, по сути, жителем трех миров. После смерти в Среднем мире он спускается в Нижний мир, проживает в нем положенный срок, а затем, очистившись, поднимается в Верхний мир. Там в виде зародыша он ждет в сакральном Молочном озере возвращения в лучший, Солнечный, мир.

2. *Целостность миру придает всеобъемлющая Жизнь, которая абсолютна, вечна, бесконечна, разнообразна.* Через все традиционное мировоззрение проходит идея высшей ценности жизни. Вся система существования в Природе, система семейно-брачных и межличностных отношений определяются “категорическим императивом” — запретом на нарушение гармонии, упорядоченности жизни. Смерть в традиционном мировоззрении есть лишь переход из одной формы жизни в другую.

3. *Жизнь — это бесконечная смена состояний:* времен года, суток, жизни и смерти, хаоса и порядка и т.д. Природная ритмичность дополняется жизненными ритмами общества и самого человека. Таким образом, традиционный человек не тешил себя надеждой на иное существование в потустороннем мире, он умел радоваться жизни в этом, Солнечном, мире, проявляя стойкость в дни лихолетья, поскольку знал, что дни эти не вечны.

4. Классически-христианского представления о грехе, искупленном чужой Великой Жертвой, в традиционном мировоззрении не было. Было стойкое убеждение, что *всем миром, в том числе и великими богами, правит вечный объективный закон справедливости.* Дурная мысль, нарушение запретов (природных и

общественных), преступления неизбежно и часто незамедлительно обернутся болезнями, неудачами, несчастьями. Но самым страшным наказанием для человека является не его собственная расплата, а то, что вина ляжет на его детей, на род в целом. Никакого личного спасения посредством молитв и жертв не предусматривается. Человек несет ответственность за будущее рода и этноса.

5. Род для хакасов представлял особую ценность, что определялось следующими обстоятельствами. Во-первых, род нес всю информацию о локальном сообществе. Родство по крови — самое естественное, природное, древнее, объективное, незыблемое. Во-вторых, вся система внутриродовых отношений была направлена на развитие Жизни, что определяло жесткость ее реализации. Это касалось взаимопомощи во всех наиболее значимых ситуациях — свадьбах, похоронах, рождениях детей. В-третьих, упорядоченные межродовые связи способствовали сохранению генетического здоровья этноса. Род для хакасов был тождествен семье, только в более широком понимании. *Дети, семья, род, народ, Родина — вот тот мир, в котором человеку радостно, комфортно, куда он всегда стремится возвратиться. Жизнеспособность, вечность этого мира — условие вечного существования самого человека.*

6. То, что у человека всегда есть возможность вернуться в этот лучший из миров, рождает позитивно-оптимистическое мироощущение, основанное на здравом смысле.

7. Позитивное мировосприятие ведет и к позитивной деятельности. В традиционном обществе *каждый человек — творец*. Он создает окружающий мир во всех доступных ему формах, он универсален. Материальные ценности — плод личных усилий конкретного человека. Художественное творчество вплетено в материальное производство, быт, повседневные взаимоотношения.

8. Народная педагогика в традиционном обществе была смыслообразующей, так как человек поэтапно, постепенно готовился к жизни, в которой главными ценностями были хорошая, крепкая семья и здоровье, честные, умные дети.

Таким образом, универсальность освоения человеком мира ориентировала его на обретение полноты бытия.

Что касается современного состояния хакасского этноса, то как уже отмечалось, его можно охарактеризовать как нахождение в точке бифуркации. С одной стороны, наблюдаются неблагоприятная демографическая ситуация (падение рождаемости, увеличение смертности, особенно среди молодежи в результате пьянства, самоубийств, преступности); кризисное социально-экономическое положение сельского хозяйства рес-

публики (в котором занято около 70% хакасов); недостаточная определенность политической жизни республики; частичная утрата национальной культуры и языка. Результатом воздействия этих обстоятельств на сознание хакасов является высокий уровень неудовлетворенности, тревожности по поводу нынешнего положения этноса и достаточно низкий уровень ожиданий, связанных с его улучшением. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного в 1994 г. преподавателями кафедры культурологии Хакасского госуниверситета им. Н. Ф. Катанова (при участии автора) совместно с Центром социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН.

С другой стороны, за последнее десятилетие произошли некоторые позитивные сдвиги, связанные в первую очередь с ростом национального самосознания, которое подвигает наиболее активную часть хакасского населения на деятельность по возрождению национальной культуры. Хотелось бы надеяться, что данная позитивная тенденция станет определяющей и благоприятно повлияет на развитие хакасского этноса.

Я. А. Пустогачев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ЭТНОСОВ АЛТАЯ И ПУТИ ИХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Национальное возрождение охватывает все важнейшие сферы социально-экономического и культурного бытия этносов. Национальное возрождение должно рассматриваться как неотъемлемая составная часть более общего процесса формирования гражданского общества, в ходе которого преодолевается отчуждение личности от национальной культуры, языка, традиций, истории, религии.

В настоящее время ширится движение за национальное возрождение малочисленных народов и этнических групп, создаются ассоциации народов — это происходит как в целом в мировом сообществе, так и, в частности, в Российской Федерации. 1993-й год ЮНЕСКО был объявлен годом малочисленных народов, чтобы направить усилия мирового сообщества на сохранение языков, культур и самобытности всех малочисленных народов, ибо каждая национальная культура — это достояние всего человечества.

Определение путей возрождения и развития северных этнических групп в республике Алтай на принципиально новой основе — сложнейшая задача. Съезд этих народов, состоявшийся 26 марта 1994 г., установил главные направления дальнейшего экономического, социального и духовного развития населения национальных сел Майминского, Чойского и Турочакского районов, выработал конкретные предложения — программу для Государственного собрания (Эл Курултай) и Правительства Республики Алтай.

Осознание ценности культуры северных этнических групп: тубаларов, кумандинцев, челканцев — пришло чересчур поздно, когда уже были утрачены многие традиции, обычаи, деформированы язык и сама культура. Теперь придется заново восстанавливать то, что возможно восстановить, и передавать это молодому поколению.

У северных народов Республики Алтай низок уровень естественного прироста населения, невелика продолжительность жизни. Эти народы нуждаются в специальной правовой и социальной защите.

Тубалары, кумандинцы, челканцы — небольшие тюркоязычные народы, с древнейших времен проживающие в бассейнах рек Бия, Иши и Майма. Русскими историческими документами первой половины XVIII в. они зафиксированы в восьми волостях Кузнецкого уезда в составе Русского государства. Земля, ее недра, воды являлись родовой собственностью коренных народов, что неоднократно было юридически подтверждено законами Российской империи: “Владенными грамотами” XVII в., Уставом об инородцах 1822 г. и др. Всероссийская перепись населения 1897 г., переписи населения 1926 и 1989 гг. хорошо показывают демографическую ситуацию (см. таблицу).

Как видно из таблицы, наблюдается как абсолютное, так и относительное уменьшение численности северных алтайцев, особенно тубаларов в Чойском районе. Главная причина депопуляции тубаларов — это изменение их традиционного образа жизни, вытеснение из экономики традиционных форм природопользования, видов занятий и промыслов вследствие хищнического уничтожения кедровой тайги, что подорвало основы их хозяйственной, культурной и духовной жизни.

Охотничий и кедровый промыслы издавна имели для жителей черневой тайги большое значение. Согласно статистическим данным, в 1932 г. в Лебединском аймаке насчитывалось более 520 охотников, т.е. подавляющее большинство взрослого населения было занято охотой. Доходы от охотопромысла

Т а б л и ц а

Динамика численности населения северных
районов Горного Алтая

Район	1897 г.			1926 г.			1989 г.		
	Всего насе- ления, чел.	В том числе алтай- цев, чел.	% алтай- цев	Всего насе- ления, чел.	В том числе алтай- цев, чел.	% алтай- цев	Всего насе- ления, чел.	В том числе алтай- цев, чел.	% алтай- цев
Турочак- ский	2012	1569	78	6819	3769	55	13594	2767	20
Чойский	3808	2314	61	13271	1939	15	9042	655	7
Маймин- ский	2651	1810	68	10462	6555	60	22533	1444	6

(заготовки пушнины) в структуре доходов в 1932 г. составляли 52,5%, от сбора кедрового ореха — 43%. Таким образом, практически весь доход значительной части хозяйств складывался из доходов от добычи пушнины и заготовки кедрового ореха. Подобное соотношение сохранялось и в послевоенные годы.

В настоящее время насчитывается 14 сел компактного проживания названных выше народов: в Турочакском районе — села Майск, Суранаш, Курмач-Байгол, Новотроицк, Кебезень, Тулой, Тондошка, Санькино, Шунарак, в Чойском — села Салганда, Туньжа, в Майминском — села Сайдыс, Урлу-Аспак, Александровка.

В рассматриваемых трех северных районах к 1982 г. исчезло 60 неперспективных сел из 89 по Республике Алтай¹. Резкое сокращение количества населенных пунктов связано с укрупнением колхозов и ликвидацией малых неперспективных сел, населенных преимущественно коренными жителями. В июне 1956 г. на базе 11 колхозов Чойского района был создан Чойский мясомолочный совхоз, в Турочакском районе в 1967 г. на базе 15 колхозов было создано два совхоза — “Турочакский” и “Дмитриевский”. Однако многие проблемы с укрупнением сел решены не были. Так, в селах компактного проживания челканцев Суранаш, Курмач-Байгол, Майск, Талон, Новотроицк до настоящего времени нет электричества, радио, телефона, не говоря уже о бытовом обслуживании населения. К этим селам даже не подведены автомобильные дороги.

Одной из ведущих отраслей народного хозяйства северных районов долгие годы была лесная промышленность, на ее долю

приходилось более 67% валовой продукции. Заготовка древесины началась в 20—30-е годы, а в 1936—1940 гг. она достигла 350 тыс. куб. м². К 1970 г. из области вывозили древесины в 9,6, пиломатериалов в 9,4 раза больше, чем в дореволюционное время. На долю леспромпхозов области приходилось до 40% общего объема лесозаготовок по Алтайскому краю³. Более 50 лет вырубаются кедровая тайга на территории Чойского и Турочакского районов. В лесной же и деревообрабатывающей промышленности продолжается спад. По сравнению с 1991 г. производство деловой древесины сократилось на 106,6 тыс. куб. м (на 39%)⁴.

Кризисное состояние промышленности Республики Алтай, как и России в целом, связано с тяжелым финансовым положением предприятий, ростом цен на сырье, материалы и энергоносители, повлекшим за собой повышение себестоимости произведенной продукции и, как следствие, повышение ее оптовых цен. Спад в лесной промышленности в северных районах республики стимулировал миграцию сельского населения в г. Горно-Алтайск и в Кузбасс во вновь образовавшиеся леспромпхозы: Горно-Алтайский опытный лесокombинат, Байгольский лесокombинат, Турочакский леспромпхоз и в Чойском районе — Каракокшинский леспромпхоз.

Влившись в ряды рабочих лесного хозяйства, коренные жители работали вальщиками, прицепщиками и т.п., т.е. были заняты в основном на работах низкой квалификации. Руководители предприятий мало беспокоились о подготовке квалифицированных кадров из числа коренных жителей. Только единицы смогли получить специальное образование. Большинство из переехавших в город, также не освоили рабочих профессий и оказались на подсобных работах.

В настоящее время оставшиеся в сельской местности занимаются земледелием, скотоводством. В последние годы большим экономическим подспорьем для них стал сбор папоротника-орляка, идущего на экспорт.

Традиционными промыслами у народов, проживающих в северных регионах Республики Алтай, были добыча и обработка золота, серебра, меди, но сегодня эти промыслы фактически забыты. Усиленная разработка месторождений золота на Алтае велась в последней четверти XIX в. золотодобывающими компаниями Мальцева, Сергеева и других золотопромышленников. В 1936 г. на золотых приисках было занято более 3 тыс. чел., из них 30—40% составляли представители коренного населения. Основные работы велись в верховьях рек Лебедь, Чуйка и Бийка. С целью дальнейшего увеличения добычи золота и редких

металлов в крае в декабре 1942 г. по решению Совета народных комиссаров СССР был создан трест "Ойротзолоторедмет" За годы войны горно-рудная промышленность Алтая значительно выросла, дала стране цветных и редких металлов на многие миллионы рублей. Достаточно сказать, что только с 1940 по 1943 г. капиталовложения в горную промышленность края увеличились в 27 раз⁵. И сегодня продолжается добыча золота на руднике "Веселый", в селах Майск и Талоне, но это не привело ни к расцвету этих сел, ни к повышению благосостояния их жителей.

Разработка недр может стать одним из главных направлений развития экономики Чойского и Турочакского районов, при этом плату за использование богатств недр следует направлять на развитие других отраслей хозяйства, а также социальной сферы. Для добычи золота целесообразно организовать старательские артели из местных жителей.

В 1993 г. продолжались земельная реформа и реорганизация колхозов и совхозов. В результате сельское хозяйство Республики Алтай оказалось в кризисном состоянии. Сократились посевные площади под зерновыми культурами, резко снизились объемы производства молока. В 1993 г. по сравнению с 1992 г. молока было надоедено меньше на 6661 тыс. л, или на 22%, поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 15,5 тыс. голов, или на 16%.

В начале 90-х годов в республике активно создавались фермерские (крестьянские) хозяйства. К 1993 г. больше всего их было в Турочакском и Чойском районах — соответственно 122 и 120⁶. Однако в крестьянских хозяйствах, специализирующихся на мясомолочном скотоводстве, дела обстоят очень плохо. Ценовая политика, проводимая правительствами РФ и Республики Алтай, сделала эту отрасль невыгодной. В результате происходит полное обнищание сельского населения этих районов. Для развития крестьянских хозяйств необходимы финансовая поддержка, льготное кредитование со стороны Правительства РФ, конкретная помощь Ассоциации крестьянских хозяйств. Нынешний кредит, ставка по которому достигает 213%, ведет к разорению крестьянских хозяйств. Во многих крестьянских хозяйствах нет средств, чтобы рассчитываться за электроэнергию, топливо. Чтобы рассчитаться с долгами, приходится забивать скот на мясо и продавать. Это в конечном итоге подорвет животноводство и негативно скажется на занятости и доходах населения.

В такой ситуации каждому фермеру, вероятно, следует организовать подсобные промыслы. Целесообразно развивать мараловодство, создавать охотничьи бригады, расширять сбор лекарственных трав и т.д. Благоприятные природные условия,

разнообразие медоносной флоры в Майминском, Чойском и Турочакском районах позволяют заниматься пчеловодством. В 1985 г. во всех категориях хозяйств насчитывалось более 10 тыс. пчелиных семей. Пчеловодство — традиционное занятие челканцев, тубаларов, кумандинцев. Между тем в 1955 г. в хозяйствах Турочакского района было более 5 тыс. пчелосемей, в 1965 г. их количество сократилось до 618, а в настоящее время оно еще меньше. В последние годы пчеловодство стало активно развиваться в Чойском районе. Фермеры и пасечники получают высокие сборы меда, и он пользуется спросом. В 1993 г. сдано 14170 кг меда⁷. Пчеловодство выгодно и перспективно.

Вхождение Республики Алтай в рыночную экономику продолжается. Все активнее развивается негосударственный сектор экономики, идет процесс приватизации, однако в большинстве случаев этот процесс не коснулся коренных жителей трех северных районов.

Нестабильность экономической ситуации в республике отрицательно сказалась на состоянии рынка труда. В 1993 г. в органы государственной службы занятости обратились 3773 неработающих граждан, из них 73% составили женщины. Наибольшее число безработных было зарегистрировано в Турочакском районе (17%) и в Горно-Алтайске (12%). Самая низкая заработная плата — в сельском хозяйстве. На фермах рабочие не получают зарплату от трех до шести месяцев, при этом она составляет лишь половину от средней по республике и в 3,8 раза ниже, чем в органах кредитования⁸.

Вызывает озабоченность состояние культуры, традиций. Традиции и обряды поддерживаются очень слабо. Из фольклора хорошо сохранились песни, сказки, пословицы, но гораздо хуже обстоит дело с богатейшим героическим эпосом, — сегодня нет ни одного кайчи-сказителя. В то же время сохранились религиозные верования, из жизни народов практически никогда не уходили камы (шаманы). Из материальной культуры сохранилось очень немногое — предметы быта и кухонная утварь для приготовления национальной пищи. Национальной же одежды практически не осталось. Непросто обстоит дело с родным языком. Старшее поколение во всех этнических группах родным языком владеет хорошо, из среднего поколения тубаларов и кумандинцев родным языком владеет примерно половина, а младшее — не владеет. У челканцев благодаря компактному расселению родным языком хорошо владеют не только старшее, но также среднее и младшее поколения. Все же для всех этнических групп проблема сохранения родного языка остается очень острой. Там, где есть необходимая база (школа, детский сад, кадры), надо продолжать изучение родного языка. Следует

совершенствовать алтайский язык, включая все диалекты, в том числе северные. Пока же нет национальных школ с обучением на родном языке, нет никаких национальных изданий. Сфера применения родного языка сокращается до употребления его в быту.

Назревшие проблемы, касающиеся северных этносов, требуют решения. Со многими из этих проблем Ассоциация неоднократно обращалась в бывший Верховный Совет и Правительство Республики Алтай, но обращения оставлены без внимания. Созданная Верховным Советом Комиссия по делам северных этносов не решила ни одного вопроса. В августе 1993 г. была составлена справка о социально-экономическом положении северных этнических групп, которая также была оставлена без внимания. Еще в июне 1992 г. в с. Курмач-Байгол был проведен съезд челканцев, рассмотревший проблемы социально-экономического положения и пути возрождения этого этноса. Материалы съезда были направлены в Верховный Совет и Правительство Республики Алтай, но за два года ими не было предпринято никаких действий.

Возрождение, сохранение и развитие малочисленных народов требуют разработки и принятия системы законов об их правовом статусе. Необходимо также скорректировать кадровую политику в республике. В настоящее время коренные жители не представлены в аппарате глав администраций районов, за исключением Турочакского, из 23 местных глав администраций лишь двое из их числа, а в администрациях Чойского и Майминского районов их нет вообще. В аппарате Правительства и Государственном Собрании (Эл Курултай), в силовых структурах также нет представителей северных этносов.

Сегодня перед челканцами, тубаларами и кумандинцами встал вопрос выживания. Сохранение жизнеспособности народа в новых экономических условиях требует экстренных мер, направленных на социально-экономическую защиту, на защиту их культуры.

В части *политических прав* малочисленные северные этнические группы должны иметь право на самоопределение, т.е. свободное определение путей своего социально-экономического, политического и культурного развития и на самоуправление и свободный выбор образа жизни. Необходимо, чтобы малочисленные народы имели своих представителей в Правительстве Республики Алтай и Государственном Собрании (Эл Курултай), а также в местных администрациях.

Что касается *социально-экономических прав*, то здесь необходимо создать должные условия для экономического, социального и культурного развития северных этносов. Целесообразно включить в Государственную целевую программу возрождения, сохра-

нения и социально-экономического развития малочисленных народов Российской Федерации разделы, касающиеся коренных малочисленных народов Республики Алтай (тубаларов, челканцев, кумандинцев).

Следует законодательно закрепить права малочисленных народов на собственность на землю, ее недра, воды, растительный и животный мир в местах традиционного расселения для осуществления традиционной и другой хозяйственной деятельности, при этом наделить коренных жителей исключительным правом на родовые охотничьи и промысловые угодья.

Необходимо способствовать возрождению неперспективных сел с созданием современной инфраструктуры за счет федерального бюджета (автомобильные дороги, линии электропередач, телефонная связь и радиотелевизионное вещание).

Требуется также помощь в развитии традиционных форм хозяйственной и промысловой деятельности через современные фермерские хозяйства. Кроме того, следует всемерно способствовать развитию земледелия, скотоводства, пчеловодства как одного из видов традиционных занятий северных алтайцев, а также промыслов — охоты, добычи кедрового ореха, заготовки технического и лекарственного сырья. Необходимо оказать содействие в строительстве перерабатывающих предприятий на базе местного сырья: кож, овчины, мяса, молока, лекарственных и съедобных растений (папоротника, черемши, грибов). Целесообразно разрешить челканцам, кумандинцам, тубаларам в местах их исконного проживания разработку месторождений цветных металлов (золота) артельным путем.

В области культуры важнейшая задача — возрождение, сохранение и развитие обычаев и традиций северных алтайцев, для чего необходимо изучать их фольклорное и этнографическое наследие. Целесообразно в одном из сел компактного проживания тубаларов и челканцев, организовать краеведческий музей, собрать и реставрировать предметы традиционной материальной культуры. Следует также создать профессиональные челканский, тубаларский и кумандинский ансамбли и, кроме того, организовать на радио и телевидении передачи о северных этносах, выделить для этой же цели специальные полосы в газетах “Звезда Алтая” и “Алтайдын Чолмоны”. Необходимо обратить особое внимание на обучение родному языку. Надо ввести обязательное обучение родному языку в начальных классах, для чего должно быть предусмотрено строительство малокомплектных школ комплексного характера: детский сад — начальная школа.

Решить все эти задачи без поддержки государства не удастся, поскольку большинство населения рассматриваемых этнических групп находится на грани бедности.

Примечания

¹ См.: Горно-Алтайской автономной области 60 лет. — Горно-Алтайск, 1982. — С. 3—5

² Архив Облплана, д.133, л.1

³ ПАГАО, ф.1, оп.8, д.130, л.41.

⁴ См.: Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1991 г. — Горно-Алтайск, 1992. — С.11—13.

⁵ ПАГАО.ф.1, оп.2, д.5, л.92.

⁶ См.: Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1993 г. — Горно-Алтайск, 1994. — С.52, 53.

⁷ Звезда Алтая. — 1994 г. — 15 марта.

⁸ См.: Основные показатели экономического и социального развития Республики Алтай за 1993 г. — С.251, 252.

Д. М. Карачаков

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 60—70-е ГОДЫ

Вопрос о вовлечении коренных народов Сибири в индустриальные отрасли народного хозяйства всегда был актуальным. В течение многих лет он активно обсуждался на конференциях, симпозиумах, в научной литературе. Однако в сибирской историографии мало работ, в которых анализировались бы соответствующие конкретные цифровые данные. В настоящей статье рассматривается динамика удельного веса представителей коренных народов Сибири, занятых в индустриальных отраслях народного хозяйства, по материалам Всесоюзных переписей населения 1959 и 1979 гг., предоставленным Госкомстатом Республики Хакасия.

В 1960—1970 гг. по сравнению с довоенными пятилетками социально-экономические условия в Сибири значительно изменились. Укрепилась материально-техническая база промышленного и строительного производства. Другой стала социально-классовая структура коренного населения. Повысился его общий образовательный уровень. Большинство коренных жителей свободно владели русским языком. Усилился процесс урбанизации. Эти и другие факторы в сочетании с широкомасштабным промышленным строительством обусловили значительный качественный рост индустриальных кадров из числа коренного населения сибирских автономных республик, областей и округов.

Так, к началу 1979 г. в промышленности Бурятской, Тувинской и Якутской автономных республик, Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей было занято 35 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих коренных национальностей, в строительстве — 30,5 тыс., на транспорте и в связи — 11,5 тыс. Значительно возросла абсолютная численность индустриальных кадров и среди малочисленных народов Севера: среди хантов насчитывалось — 1178 чел., манси — 764, ненцев — 2224, долган — 228 чел.

Важно отметить, что в 60—70-е годы в среде коренных сибирских народов активно формировалась техническая интеллигенция. В числе факторов, способствовавших этому, было открытие в национальных районах новых технических вузов, средних специальных учебных заведений и их филиалов. Кроме того, тысячи юношей и девушек — представителей коренных народов Сибири обучались в технических вузах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Красноярска, Томска, Омска и других городов.

Обратимся непосредственно к динамике удельного веса представителей коренных народов, занятых в индустриальных отраслях народного хозяйства (см. таблицу). В Бурятской АССР за двадцатилетний период (с 1959 по 1979 гг.) доля бурят в составе всего занятого населения повысилась с 18 до 19,5%. Заметно увеличилась их доля в составе занятых во всех индустриальных отраслях народного хозяйства: в промышленности — с 6,5 до 11,5%, в строительстве — с 6,5 до 8,2%, на транспорте и в связи — с 4,4 до 6,5%. Более высоким был удельный вес тувинцев в составе занятого населения республики, хотя за рассматриваемый период этот показатель несколько уменьшился (с 55,1 до 52,5%). Снизилась также доля тувинцев среди строителей (с 39 до 38,4%), а среди занятых в промышленности, на транспорте и в связи она, наоборот, повысилась (соответственно с 23,2 до 29,9% и с 5,4 до 15,6%).

Несколько иная ситуация складывалась в самой северной республике — Якутии. Из-за притока большого количества людей из других регионов доля якутов в составе занятого населения понизилась с 40,4 до 30,1%. Заметно уменьшился удельный вес якутов, занятых в строительстве. В то же время более чем в 2 раза повысилась их доля в составе занятых в промышленности.

Для 60—70-х годов характерно активное вовлечение в индустриальные отрасли народного хозяйства алтайцев и хакасов. Удельный вес алтайцев в составе всего занятого населения повысился в этот период с 24,3 до 27,1%, однако доля хакасов

**Динамика удельного веса представителей коренных народов Сибири,
занятых в отраслях народного хозяйства автономных республик,
областей и округов Сибири в 1959—1979 гг. ***

Националь- ность**	Удельный вес							
	Во всех отраслях		В промышлен- ности		В строительстве		На транспорте и в связи	
	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.
Буряты	18,0	19,5	6,5	11,5	6,5	8,2	4,4	6,5
Тувинцы	55,1	52,2	23,2	29,9	39,0	38,4	5,4	15,6
Якуты	40,4	30,1	12,8	27,7	18,8	11,7	9,1	10,5
Алтайцы	24,3	27,1	6,4	10,3	9,1	11,7	6,1	7,9
Хакасы	10,1	9,5	3,6	4,6	3,5	4,3	5,0	6,3
Эвенки	31,9	15,0	6,9	4,9	2,0	3,6	3,4	1,1
Ханты	8,9	0,9	10,8	0,8	1,7	0,2	2,0	0,3
Манси	4,2	0,7	3,2	0,6	1,1	0,1	1,3	0,2
Ненцы	7,2	6,2	7,8	0,2	1,0	0,4	0,6	0,2

* Таблица составлена по данным справочника "Национальности РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.)" (М., 1961. — С.157, 159, 167, 187, 201, 203, 209) и по материалам Госкомстата Республики Хакасия относительно распределения населения автономных республик, областей и округов отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства.

** Для каждой национальности приводятся показатели по территории соответствующей автономии: для бурят — по Бурятской АССР, для ненцев — по Ямало-Ненецкому автономному округу и т.д.

снизилась с 10,1 до 9,5%. Но несмотря на эти различия, тенденция в динамике удельного веса занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи как у алтайцев, так и у хакасов была одинаковой: во всех индустриальных отраслях доля представителей коренных народов в бывших автономных областях заметно повысилась. Сравнительный анализ показателей по этим регионам позволяет также выявить специфические особенности распределения алтайцев и хакасов по отраслям. Алтайцы в связи с меньшими объемами промышленного и строительного производства в их области имели значительно больший удельный вес в рассматриваемых отраслях. Однако абсолютная численность хакасов в каждой из индустриальных

отраслей была в несколько раз больше, чем численность алтайцев.

Несколько иной была динамика удельного веса представителей северных народов в составе рабочих, инженерно-технических работников и служащих в автономных округах. В связи с активным освоением северных территорий и притоком сюда большого числа людей удельный вес представителей коренных народов в составе работающих в индустриальных отраслях резко уменьшился.

В целом приведенные в статье данные свидетельствуют об интенсивном формировании индустриальных кадров из числа представителей коренных народов Сибири. Почти во всех республиках, областях и округах возросла их абсолютная численность. Десятки тысяч бурят, якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов, представителей малочисленных северных народов пополнили ряды рабочих, инженерно-технических работников и служащих в городах и рабочих поселках. Тот факт, что удельный вес местных кадров в составе всех занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи в большинстве регионов оставался сравнительно невысоким, объясняется большим притоком в регион некоренного населения из европейской части страны.

В. В. Мархинин

СЕВЕРНЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В ИСПЫТАНИИ “РАДИКАЛЬНЫМИ РЕФОРМАМИ”

Основное социальное противоречие курса “радикальных реформ” заключается в том, что социальной базой его сторонников выступает узкий, (а по мере проведения — все более сужающийся) социальный слой, повышающий свое благосостояние на почве резкого падения производства и уровня жизни большей части населения и в контрасте с ними. Негативные последствия этого курса, конечно, несколько по-разному проявляются в разных региональных условиях.

Так, в Ханты-Мансийском АО негативные социальные последствия “радикальных реформ” благодаря созданному ранее большому запасу прочности в функционировании нефте- и газодобывающей отраслей, определяющих производственно-экономический профиль округа; стратегической ресурсно-финансовой значимости данных отраслей для экономики страны, заставляющей так или иначе считаться с их нуждами; открыв-

шимися определенными возможностями для местных производителей нефти и газа напрямую выходить на мировой рынок и т.д. сказались с некоторой задержкой. Но к лету 1994 г. (на момент проведения нашего социологического опроса) округ в этом плане стал быстро "догонять" многие другие регионы страны.

С особой силой эти негативные социальные последствия "радикальных форм" в округе, как и в стране в целом, сказались на уровне и качестве жизни сельских жителей, в частности жителей обследованных нами национально-смешанных поселений. Причем данная закономерность заметно проявилась даже в различиях между национально-смешанными поселениями двух обследованных районов. Так, в поселениях Нижневартовского района, где непосредственно расположены мощные предприятия нефтегазодобывающего комплекса, а следовательно, имеются большие возможности для поддержания промышленным комплексом социальной инфраструктуры и уровня жизни сельских поселений, негативные социально-экономические последствия "радикальных реформ" сказались несколько менее остро, чем в сельских поселениях Кондинского района, где таких условий и возможностей нет.

Эти негативные последствия обусловили соответствующие оценки хода реформ, во многом определили круг наиболее острых проблем образа жизни, проявились в падении уровня жизни, в социальном расслоении населения национально-смешанных поселений. По отмеченным позициям наблюдаются и указанные различия между поселениями двух обследованных районов.

Однозначно отрицательные оценки курса реформ более чем в три раза преобладают над положительными (соответственно 12 и 40 % ответов). Около половины опрошенных затруднились с ответом или не захотели оценить ход реформ, связывая это зачастую со своим отрицательным отношением к политике вообще, что тоже нельзя счесть проявлением позитивного отношения к курсу реформ. Положительные оценки давшие их респонденты объясняют тем, что потребность в изменениях назрела; что стало больше свободы в экономическом поведении, расширился ассортимент товаров на рынке; что повысилось их личное благосостояние. В объяснениях отрицательных оценок чаще звучат не только личные, но и социальные мотивы: падение уровня жизни большинства населения; отсутствие уверенности в завтрашнем дне; реставрация капитализма с его разделением людей на бедных и богатых; разрушение СССР и др. Русские чаще, чем представители народов Севера, дают как положи-

тельные, так и отрицательные оценки. Коренное национальное население чаще затрудняется оценить ход реформ, что говорит о несколько меньшей его вовлеченности в социально-экономическую ситуацию, создаваемую непосредственно реформами.

Уровень жизни снизился за последние годы более чем у половины населения: 52,9% опрошенных считают, что их благосостояние ухудшилось, 23,2 — что их благосостояние не изменилось, а 17,7% — что оно улучшилось. Еще более показательна разница между частью населения, чье благосостояние, по мнению самих людей, заметно ухудшилось (таких 31,3%), и частью населения, чье благосостояние заметно улучшилось (3,8%). Представление о реальных количественно-качественных показателях уровня жизни дает тот факт, что доходов на проживание, т.е. на приобретение необходимых для жизни товаров, хватает только трети населения, а двум третям не хватает, т.е. хватает только на питание (43,3%), либо не хватает даже на питание (19,2%). По нашим расчетам, здесь за последние годы шестикратно возросло число людей, едва сводящих концы с концами, живущих, если оценивать даже по самым “гибким” стандартам, за чертой бедности. Значительная разница между долями бедствующих и долями благоденствующих создает ощутимый потенциал социальной напряженности. Что касается различий в уровне жизни коренного национального населения и русских, то в целом коренное национальное население оказалось несколько менее зависимым от отрицательных последствий реформ, что объясняется несколько меньшей значимостью для него денежных доходов, несколько большей возможностью компенсировать падение доходов за счет занятий промыслами. Уровень жизни заметнее снизился в поселениях Кондинского района, соответственно здесь и потенциал социальной напряженности выше, чем в Нижневартовском районе.

Разница в уровнях доходов служит показателем социального расслоения, порождаемого непосредственно реформами. В целом корреляция между динамикой снижения/повышения уровня жизни и отрицательной/положительной оценкой реформ вполне прослеживается. Однако до сих пор едва ли можно сказать, что среди населения поселков сформировалась социальная база сторонников курса “радикальных реформ”. Вообще нет институционально сформировавшегося влиятельного социального слоя, который служил бы опорой для данного курса реформ. Существующий слой предпринимателей (в основном занимающихся посредничеством) чрезвычайно мал (он составляет доли процента), и к тому же эти лица не дают однозначно положительной оценки курсу реформ. Разделение по уровню доходов

и по оценке реформ распределяется причудливым образом по ранее сложившимся социально-профессиональным группам. Наиболее заметна корреляция между возросшим уровнем доходов и положительной оценкой реформ в группе руководителей и местной сельской интеллигенции (учителя, работники культуры, врачи и др.), но это прослеживается у меньшей части представителей данных групп. На противоположном же полюсе, который представлен работниками промыслового хозяйства и других сельскохозяйственных отраслей, и в частности непосредственно рыбаками-охотниками, зависимость между падением уровня жизни и отрицательной оценкой хода реформ вполне однозначна и характерна для большей части представителей этих социально-профессиональных групп.

В силу такого характера социального расслоения, при котором нет четко выраженных противоположных позиций, потенциал социальной напряженности концентрируется на довольно абстрактной для людей линии различий: "наверху" — "внизу" (в смысле: центр-регионы). Но в случае действия особенно провоцирующих факторов социальная напряженность может перемещаться (и отчасти перемещается) в плоскость обозначающихся местных социальных различий по линиям: рядовые граждане — администрация, рабочие — руководители, работники производственной сферы — работники госбюджетных организаций. Особенно сильными факторами, провоцирующими опасный накал социального напряжения по линиям местных социальных различий, были длительные задержки выплаты зарплаты и резко нарастающая безработица или угроза безработицы. По всем этим позициям опять-таки менее благополучна ситуация в Кондинском районе.

Чрезвычайно важно для понимания мотивов отношения к курсу "радикальных реформ" и для выявления путей их корректировки в интересах большинства населения *отношение людей к формам собственности* и организации производственной деятельности. Население в большей мере ориентируется на коллективные формы собственности и организации производства: либо на государственную (работать в колхозах, совхозах и на так называемых госпредприятиях предпочитают 21,3% опрошенных), либо на акционерную (акционерные общества предпочли 10%), либо на кооперативную, артельную (12,4%). Заметная доля населения ориентирована на индивидуальную трудовую деятельность — 14,3%. Торгово-коммерческую деятельность сочли для себя привлекательной 8,4% опрошенных, а стать частными собственниками предприятия были бы не против 5,1%, но при этом только 1,4% респондентов готовы работать на

частном предприятии по найму. В плане ориентаций на формы собственности и организации производства заметных различий между районами и между коренным национальным и русским населением нет. Таким образом, в целом соотношение ориентаций таково, что бесспорно свидетельствует в пользу развития в национально-смешанных поселениях многоукладной экономики. Но нельзя также игнорировать устойчивое преобладание ориентаций на работу на предприятиях общественных форм собственности. Существенно, в частности, что наиболее ориентированными на работу на предприятиях с общественной формой собственности являются работники сельскохозяйственных и промысловых отраслей, и прежде всего охотники и рыбаки-охотники, т.е. работники отраслей, определяющих специфический облик хозяйственного комплекса национально-смешанных поселений.

Ключевым среди вопросов об отношении к формам собственности в национально-смешанных поселениях, расположенных в местах традиционных промыслов народов Севера и русского старожильского населения, является вопрос *о форме собственности на промысловые угодья и о порядке их распределения*. В общей сложности более половины опрошенных (53,9%) высказались против права частной собственности на угодья, 23,7% — за частную собственность на них (т.е. с правом купли-продажи), остальные затруднились ответить на вопрос. Показательно, что самый большой “вклад” в число голосов за право частной собственности на угодья внесла социально-профессиональная группа разнорабочих, которые, с одной стороны, испытывают весьма бедственное материальное положение, а с другой стороны, в силу наибольшей люмпенизированной склонны верить самым простым “радикальным” рецептам, вроде тезиса о безусловной благотворности частной собственности на землю где бы то ни было как якобы позволяющей выйти из жизненных трудностей. Среди социально-профессиональных групп наиболее резкое неприятие идея частной собственности на угодья вызывает опять-таки у непосредственных тружеников промысловых отраслей — у охотников и рыбаков (у них голоса в поддержку и против этой идеи составили соответственно 11,8 и 82,5 %. Мы полагаем, что введения частной собственности на угодья ни в коем случае нельзя допустить, ибо последствием его неизбежно явится утрата местным населением вообще каких-либо прав на промысловые территории и будет подорвана сама основа традиционного промыслового хозяйства.

В поселках Нижневартовского района приверженность общественной форме собственности на промысловые угодья

выражается по большей части в виде склонности к ее совмещению с индивидуальным пожизненным наследуемым владением угодьями, т.е. с принятым в округе институтом *родовых угодий*, который уже получил в районе довольно широкое распространение. В поселках Кондинского района он, напротив, до сих пор не столь распространен и, как оказалось, здесь очень значительная часть населения выступает вообще против этого института, считая, что не только собственность, но и владение угодьями должны быть общественными. В национальном разрезе существенных различий по вопросу собственности на промысловые угодья нет; лишь несколько выше доля русских, сравнительно с представителями народов Севера, среди разделяющих мнение о необходимости частной собственности на угодья, а среди коренного населения несколько выше доля сторонников института родовых угодий.

Иначе обстоит дело с мнением коренного национального и русского населения относительно распределения родовых угодий. В Кондинском районе как среди представителей народов Севера, так и среди русских одинаково чрезвычайно малы доли обладателей родовых угодий. В Нижневартовском же районе среди представителей народов Севера 33,2% из числа опрошенных имеют родовые угодья, а среди русских — лишь 3,5%. Конечно, известное предпочтение в этом отношении народам Севера оправданно и вытекает из необходимости защиты интересов их как этносов и уникальных культур, воспроизводство которых невозможно в отрыве от традиционных промыслов. Все же представляется, что как в действующем Положении о статусе *старожильческого* населения, закрепляющем "третьеочередность" русского населения в получении права на родовые угодья, так и особенно в практике распределения угодий в Нижневартовском районе допущен перекос, и в результате ущемлены законные интересы этой категории населения. Согласно данным проведенного опроса и нашим расчетам, около 15 % русского населения национально-смешанных поселений района является старожильческим, причем значительная его часть имеет здесь очень глубокие корни. Невозможно представить современное технологическое состояние традиционных промыслов без вклада старожилов в их развитие. К настоящему времени большая часть русского старожильческого населения в своем образе жизни существенно связана с промыслами и непосредственно занята в них. Но в то время как представители народностей Севера, получившие родовые угодья, составляют около трети от всего коренного национального населения, среди русских старожилов таковых только около одной пятой. Данное обстоя-

тельство на фоне усиливающейся в условиях падения уровня жизни конкуренции за обладание возможностями заниматься промысловой эксплуатацией территорий создает почву для межэтнической напряженности.

Современное *состояние этнических общностей* в северных регионах воспринимается этнофорами (т.е. носителями данной этнической принадлежности) как кризисное. Несколько более половины опрошенных представителей малочисленных народов Севера считают, что будущее их этносов находится под угрозой. Более пятой части русских думает, что будущее русского этноса тоже малоперспективно. Мнения респондентов из числа русских очень симптоматичны, ибо в отличие от проблем существования северных этносов проблемы динамики воспроизводства русского этноса как такового до недавнего времени вообще не были предметом публичных обсуждений, да и в настоящее время они лишь изредка попадают в центр общественного внимания, тем более в средствах массовой информации, во многом формирующих массовые мнения.

Среди *факторов, представляющих опасность для будущего их этносов*, и народы Севера, и русские в обоих районах в качестве наиболее опасного называют рост пьянства и алкоголизма. Вслед за названным фактором представители народов Севера особо опасными для будущего своих этносов считают снижение уровня знания национального языка, прогрессирующую утрату культурных традиций, разрушение природной среды, а русские для своего этноса — утрату трудолюбия, разрушение природной среды и ослабление традиционных черт национальной культуры. После этих факторов опасными для этнического существования их народов представители коренного национального населения называют рост смертности, а русские — снижение рождаемости.

Наблюдаемый ныне рост пьянства и алкоголизма, на наш взгляд, является интегральным выражением одновременно и социокультурного и социально-экономического кризиса, охватившего жизнь этносов и поселенческих межэтнических сообществ. Это и отразилось в несколько по-разному акцентированных мнениях коренного национального населения, с одной стороны, и русского — с другой, но в общем-то представляющих в основном сочетания одних и тех же по своему содержанию опасений.

Вместе с тем, хотя в этнокультурном плане тенденция к ослаблению национально-культурной идентичности, опасная для судеб народов, бесспорно имеет место, здесь наблюдаются и обнадеживающие тенденции, позволяющие этносам противостоять кризису их образа жизни, вызываемому негативными

социально-экономическими процессами, а также и обусловленной ими дисгармонией в сфере межэтнических отношений. Мы имеем в виду, в частности и прежде всего, тенденцию роста предпосылок для возрождения этнических культур, выразившуюся в *возрождении религиозной формы сознания* и обретении ею достойного места в жизни этнических общностей.

Нашим исследованием зафиксирован рост уровня религиозности населения в плане роста приверженности *традиционным верованиям народов Севера* у представителей этих народов (сейчас приверженцев этих верований оказалось 17,1% среди опрошенных), а также роста приверженности *русских* своей *традиционной религии* — *православию* (34,6%). В этой связи можно отметить ряд существенных позитивных моментов. Во-первых, речь ведь идет о возрождении традиционной для народов веры, что необходимо для возрождения в целом культурных традиций народов, упорочения их этнического самосознания. Во-вторых, сложилась психологическая атмосфера взаимного уважения верующими и неверующими мировоззренческих установок друг друга, что совершенно необходимо для нормального воспроизводства всей полноты мировоззренческого содержания этнического самосознания и для устойчивого поддержания внутриэтнического единства и согласия. В-третьих, имеет место взаимное признание представителями разных этносов традиционных мировоззрений друг друга. И более того, в-четвертых, как видно из анализа этой проблемы, существует исторически сложившееся взаимное проникновение мировоззренческих традиций, а значит, и этнических культур. Так, хотя это и не столь значительная часть русских, но все же есть среди них и такие, кто, будучи православным, вместе с тем придерживается и верований народностей Севера либо даже является просто их приверженцем (всего среди русских таковых 3,9%). С другой стороны, заметная доля представителей народов Севера либо сочетают традиционные верования своих народов с православием (таких 9,5%), либо являются православными (таких 14,8%). Все это свидетельствует о высокой степени совместимости этнических культур и об исторически сложившейся сродненности культур народов Севера с русской и, более широко, с российской, евразийской культурой.

Несмотря на действие ряда негативных социально-экономических и социокультурных факторов, усиливающих социальную напряженность, которая, в свою очередь, воздействует на межэтнические отношения, в целом *в сфере межэтнических отношений сохраняется высокая степень стабильности*. Подавляющая часть опрошенных жителей национально-смешанных поселений не относят состояние межэтнических отношений к разряду

острых проблем жизни в данных поселениях. Но сказанное не означает, что напряженности в межэтнических отношениях вообще не существует. Хотя 62,2% опрошенных считают, что межэтнические отношения стабильны настолько, что напряженности в них нет совсем, все-таки 19,9% ощущают эту напряженность. Так как ответ на такой вопрос является главным образом не столько отстраненным мнением о внешней обстановке, сколько выражением непосредственных внутренних ощущений людей, мнения около одной пятой части населения о наличии напряженности в межэтнических отношениях несомненно свидетельствуют, что *определенная межэтническая напряженность существует*. В национальном разрезе различий в мнениях на этот счет нет. Что же касается различий по районам, то значительно *выше степень межэтнической напряженности в Нижневартовском районе*: здесь ее ощущают вдвое больше людей, чем в Кондинском районе (соответственно 27,2 и 13,3% опрошенных).

Взаимные этнические предубеждения имеются, но не оказывают существенного негативного влияния на межэтнические отношения. Напротив, в целом именно этнокультурные факторы, особенно совместимость и сродненность этнических культур двух основных этнических сообществ национально-смешанных поселений — народностей Севера и русских — являются фундаментом стабильности межэтнических отношений, в то время как негативные проявления социально-экономических тенденций выступают главными “возмущающими” факторами в данной сфере.

Уровень этнической напряженности в общем определяется уровнем социальной напряженности, но при этом зависимость здесь не прямая: степень межэтнической напряженности, конечно же, ниже, поскольку проявления социальной напряженности в сфере межэтнических отношений гасятся традициями межэтнического единства. Однако эта зависимость и не однозначна: какой-то фактор из всей совокупности факторов социальной напряженности в определенных условиях может оказать решающее влияние на межэтнические отношения. В нашем случае таким фактором уже оказалось решение проблемы родовых угодий. Около трети респондентов опасаются, что обострение межэтнических отношений в близком будущем может быть вызвано разногласиями между представителями разных национальностей по вопросу о родовых угодьях.

Опасения, что межэтнические отношения могут в ближайшем будущем обостриться из-за разногласий между национальностями относительно родовых угодий, примерно в равной степени

разделяют как представители разных этносов, так и жители обоих районов. Но в то время как в Кондинском районе такие опасения являются в основном чисто предсказательными, в Нижневартовском районе, напротив, эти разногласия в определенной мере уже стали реальностью. При этом ни одна из сторон в национально-смешанных поселениях Нижневартовского района не может чувствовать удовлетворения. Родовые угодья получили далеко не все желающие из числа народов Севера, русские же и старожилы иных некоренных национальностей еще меньше. В такой атмосфере не могут ощущать себя вполне комфортно и те, кто уже получил родовые угодья. Только всем этим и можно объяснить, почему именно в национально-смешанных поселениях Нижневартовского района степень напряженности в межэтнических отношениях заметно выше, чем в поселениях Кондинского района, хотя в последнем более высока степень социальной напряженности.

В той мере, в какой выход из нынешнего социально-экономического кризиса и, соответственно, снятие социальной напряженности и устранение факторов межэтнической напряженности зависят вообще от политики, проводимой на региональном уровне, к настоящему времени на передний план выдвигается задача поиска, формирования и отлаживания наиболее соответствующих местным условиям моделей *системы местного самоуправления*. Представляется, что в национально-смешанных поселениях за *базовую модель* системы местного самоуправления следовало бы принимать *не национально-территориальную, а общинно-поселенческую модель*, поскольку именно последняя может обеспечить прочность межэтнического сообщества, духовной основой которого является исторически сложившееся взаимопроникновение традиционных культур народов Севера и русского этноса.

Общинно-поселенческому типу местного самоуправления в качестве его хозяйственно-экономической основы более всего соответствует *общинно-поселенческий принцип традиционного промыслового природопользования*. К нему тяготеют в том числе и там, где, как в Нижневартовском районе, довольно широкое распространение получил институт родовых угодий. В зависимости от преобладающих предпочтений населения общинное природопользование может быть совмещено с институтом родовых угодий либо так, что исходным элементом общины явится родовое угодье (выход из общины предполагается вместе с индивидуальным родовым угодьем), либо так, что первичной будет община (выход из общины не влечет изъятия из общинных угодий индивидуальных промысловых участков). При этом в целях усиления стабильности межэтнических отношений тре-

буется закрепить первоочередное право на получение родовых угодий не только за представителями коренных малочисленных народов, как это принято сейчас, но и за русскими (и иных некоренных национальностей) старожилами, постоянно проживающими на территориях традиционного природопользования и занимающимися традиционными промыслами. Там, где (как это, возможно, имеет место в некоторых национально-смешанных поселениях Кондинского района) большинство населения не принимает вообще институт родовых угодий, общинное природопользование должно сохранять целиком общественный характер.

Примечание

* Исследование проводилось сотрудниками сектора этнокультурных исследований Института философии и права СО РАН под руководством и при непосредственном участии автора. В ходе экспедиции на местах был собран разнообразный эмпирический материал, в том числе материал массового социологического опроса (август-сентябрь 1994 г.). Опрос проводился в восьми национально-смешанных поселениях Нижневартовского и Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа. Проблемы образа жизни населения рассматривались под углом зрения их значимости для сферы межэтнических отношений русского населения, с одной стороны, и коренного национального населения (хантов, манси, ненцев) — с другой. Общий массив социологической выборки — 760 чел. Выборка репрезентативна по признакам этнической принадлежности, пола, возраста, профессии, образования жителей обследованных поселков. В сентябре 1996 г. опрос по сходной программе был проведен также в Сургутском районе того же округа. Хотя материалы опроса находятся еще в обработке, уже сейчас ясно, что результаты последнего опроса подтверждают основные выводы данной статьи.

Ю. В. Попков

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И ОПЫТ КАНАДЫ

Малочисленные народы Севера образуют специфические этносоциальные организмы, базирующиеся на присваивающем хозяйстве и своеобразном типе производящего (оленоводство) и связанных с ними системе землепользования и жизнеобеспечения, особенностях традиционной культуры и мировоззрения. Вместе с тем северные этносы представляют собой открытые системы и со времени начала контактов с другими, более “продвинутыми” в

экономическом отношении, народами их развитие находится под влиянием не только внутри-, но и межэтнических взаимодействий¹. Последние нередко оказываются определяющими с точки зрения их влияния на тенденции и динамику внутреннего развития этноса. Вся система жизнедеятельности малочисленных северных народов подвергалась серьезной трансформации в моменты кардинальной реорганизации того, доминирующего, общества, в которое они оказывались включенными. Так было в советский период, так происходит и в настоящее время. Причем современные изменения по характеру своего воздействия на образ жизни народов Севера вполне правомерно оценить как революционные, приводящие к качественным преобразованиям, несмотря на то, что официально речь идет о реформах и, следовательно, подразумеваются эволюционные изменения.

Характер современных преобразований у народов Севера в целом определяется общей экономической и политической ситуацией в стране. Но кроме этого большое значение имеет и содержание государственной национальной политики в отношении данной группы народов. Идейные предпосылки для ее нынешнего состояния были заложены в конце 1980-х годов. Тогда на различного рода конференциях, совещаниях, "круглых столах", в научных журналах и центральных средствах массовой информации впервые открыто и откровенно заговорили о многочисленных проблемах современного развития малочисленных народов Севера, затрагивающих различные сферы жизни — экономику, природопользование, культуру и т.д.² Был поставлен вопрос о необходимости расширения реальных прав аборигенов как об одном из условий преодоления кризисной ситуации. Определенный итог дискуссиям по проблемам современного положения северных этносов был подведен на Съезде малочисленных народов Севера, состоявшемся в марте 1990 г.³

Волна требований в защиту интересов малочисленных этносов Российского Севера совпала с изменением норм международного права в отношении коренных народов. Так, принятая в 1989 г. Международной организацией труда Конвенция "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах" фиксирует необходимость ликвидации присущей существовавшим ранее международным правовым нормам ориентации на ассимиляцию данных народов в доминирующем обществе и провозглашает их право на осуществление контроля за собственными институтами, на сохранение и развитие традиционного природопользования, образа жизни и в целом этнической самобытности.

Провозглашенные в конвенции положения были взяты на вооружение представителями народов Российского Севера, главным образом учеными, писателями, работниками управленческих структур, которые энергично включились в борьбу за свои коллективные права. Возникли различные формы политической организации малочисленных этносов на региональном, федеральном и международном уровне (ассоциации, депутатские ассамблеи, Международная лига и др.). Под влиянием возросшей политической активности самих народов Севера, а также общественности, выступающей в защиту их интересов, центральные и местные органы власти вынуждены были пойти на определенную корректировку федерального и регионального законодательства в отношении малочисленных народов. Суть этой корректировки состоит в расширении предоставляемых данной группы народов прав и гарантий, направленных на сохранение элементов традиционного уклада жизни.

Казалось бы, отмеченные изменения, так или иначе касающиеся правового статуса малочисленных народов Севера, должны определять прогрессивный и благоприятный характер трансформации образа жизни аборигенов. Однако анализ реальной ситуации не дает оснований для оптимистических выводов. Осуществляющиеся в стране преобразования, направленные в конечном итоге на внедрение рыночных отношений, в существенной мере затронули жизнь северных этносов и имеют для них в целом негативные результаты. Более того, современная жизнь этих народов наполнена множеством противоречий-парадоксов, существование которых еще недавно трудно было даже предположить. И если в конце 80-х годов положение народов Севера многими оценивалось как кризисное, то современную ситуацию вполне правомерно сравнить с состоянием катастрофы.

Рассмотрим основные из этих парадоксов.

1. Государство провозглашает себя в качестве главного юридического лица, имеющего власть и несущего ответственность за защиту интересов и прав коренных народов. Только с 1991 г. по проблемам коренных народов принято более 30 законодательных актов, множество распоряжений министерств и ведомств. В то же время наблюдается катастрофическое ослабление участия государства в финансировании и регулировании реальных процессов жизнедеятельности северных этносов. Так, в 1991 г. Правительство России приняло рассчитанную на пять лет государственную программу "дальнейшего развития" экономики и культуры малочисленных народов Севера, которая не была выполнена даже в минимальном объеме. Если в 1991 г. на ее реализацию государство выделило 30% средств от реальной по-

требности, то в 1992 г. — 17, в 1993—1994 гг. — 4, а в 1995 г. — всего 2%⁴. Налицо геометрическая регрессия объемов финансирования, а следовательно, и государственного регулирования процессов жизнедеятельности северных этносов.

Резкое сокращение государственного финансирования привело к деградации социальной инфраструктуры северных поселений. Практически разрушены сферы услуг, бытового обслуживания, государственной и кооперативной торговли. В нищенском состоянии оказались жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование. Прекращены государственные дотации традиционным отраслям хозяйства, что привело к их глубочайшему кризису.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Произошли обвальное падение уровня жизни, деградация условий труда и быта населения. Ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий уже в 1992—1993 гг. привело к резкому росту заболеваемости среди аборигенов. В 1993 г. главврач одной из районных больниц на Чукотке рассказывал о том, что недостаток медикаментов не позволяет оказывать необходимую врачебную помощь всем пациентам. Стариков, как правило, приходится “лечить” без лекарств, экономя их для более молодых людей. Но и это не спасает положения. В отдельных районах смертность детей аборигенов в возрасте до одного года в 5—7 раз превышает общие для страны показатели. В целом по народам Севера только за 1990—1993 гг. смертность возросла на 42%, при этом рождаемость снизилась на 34%. Десятикратно сократился естественный прирост коренного населения.

В настоящее время чрезвычайно актуальным стал вопрос не только о будущем северных этносов, которые, по оценке самих государственных органов, поставлены на грань исчезновения, но и о физическом выживании отдельных людей.

2. В этих условиях в сентябре 1996 г. Правительство Российской Федерации принимает рассчитанную до начала следующего тысячелетия федеральную целевую программу “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года”, в которой в качестве определяющего провозглашается принцип самоорганизации данных народов. В проекте же программы вообще значился принцип самообеспечения. И хотя в ходе обсуждения проекта он был скорректирован, сам этот факт представляется весьма показательным, так как характеризует современную государственную политику в отношении народов Севера (впрочем, далеко не только в отношении них). Если говорить о сути этой политики на простом языке, то она означает не что иное, как стремление — во многих

отношениях уже реализованное — бросить эти народы на произвол судьбы в тундре и тайге (“самоорганизовываться” и “самообеспечиваться”), предварительно “раздев догола”, а еще раньше — приучив жить в нормальных, относительно цивилизованных условиях.

3. Осуществляемое на Севере, как и в стране в целом, внедрение рыночных отношений с доминированием частной собственности на средства производства противоречит ценностям и установкам аборигенного населения. Большая его часть предпочитает работать на предприятиях общественной — государственной и коллективной — формы собственности (об этом свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе проведенные сотрудниками Института философии и права СО РАН). Однако при агрессивной политике деколлективизации общественная форма собственности не имеет условий для существования. Видимо, осознавая это, государство законодательно закрепило право аборигенов на образование различного рода родовых общин, фермерских и семейных хозяйств. У аборигенов к данным формам хозяйства существует определенный интерес. Частично этот интерес обусловлен исторически, но в большей степени он в настоящий период вызван необходимостью обеспечения физического выживания людей, поскольку вся система жизнеобеспечения в поселках разрушена.

Каков реальный статус родовых общин и семейных хозяйств? Многие из них изначально существовали лишь “на бумаге”. Абсолютное большинство остальных обанкротились из-за экономической неэффективности, нежизнеспособности. В лучшем случае для аборигенов они выполняют функцию натурального хозяйства. Натурализация традиционного хозяйства превращается в доминирующую тенденцию социально-экономического развития народов Севера, и это яркое свидетельство реализации на практике государственной политики, направленной на формирование системы жизнедеятельности, базирующейся на принципе самообеспечения.

В целом мы имеем дело с интересным парадоксом: развитие рыночных отношений привело к ликвидации *высокотоварных* в недавнем прошлом традиционных отраслей и формированию на их месте *натурального* хозяйства. Переход народов от товарного производства к натуральному, пожалуй, редкий факт в исторической практике. Возвращение значительной части аборигенного населения в тундру и тайгу — это своеобразная репатриация малочисленных народов Севера.

4. Разгосударствление собственности в сфере материального производства, начатое под благовидным предлогом отделения экономики от социальной сферы в целях усиления заботы об

удовлетворении разнообразных потребностей людей, обернулось прямо противоположными результатами. Оно привело не только к глубочайшему кризису традиционного хозяйства (как отмечается в упомянутой Программе, с 1991 по 1996 гг. поголовье домашних оленей уменьшилось на 600 тыс. голов, т.е. более чем на четверть, вдвое сократилась добыча рыбы, пушнины и морского зверя, прекращены заготовки грибов, ягод, орехов, лекарственных растений и водорослей). Была разрушена далеко не совершенная, но все-таки достаточно надежная система социальной защиты населения в виде совхозов и колхозов, которые давали людям работу, денежный доход и обеспечивали функционирование социальной инфраструктуры. Люди оказались теперь один на один с трудноразрешимыми проблемами, которые многократно увеличились по сравнению с недавним прошлым.

5. Ликвидация совхозов и колхозов, разрушение социальной инфраструктуры оказали сильное негативное влияние на занятость населения. Существенно сократилось число рабочих мест, и соответственно понизился уровень занятости. Если за 10 лет (с 1981 по 1991 г.) численность занятых среди народов Севера увеличилась в среднем на 23%, то только за один 1992 г. она уменьшилась на 10%. Уровень безработицы уже тогда подскочил до 25—30%⁵. Сейчас же у отдельных народов он повысился до 60—70%. Образование на базе совхозов и колхозов мелких хозяйств со слабодифференцируемыми между работниками трудовыми функциями привело к деградации социально-профессиональной структуры, ее упрощению. Прогрессирующими темпами начал снижаться образовательный потенциал населения: натуральное хозяйство не нуждается в квалифицированных специалистах. Невостребованными стали не только русские специалисты, но и свои собственные, аборигенные. Более того, именно они оказались в самом тяжелом положении, поскольку живущие в тайге и тундре еще как-то могут себя “прокормить”, а вот оставшиеся в разрушенных поселках практически лишены такой возможности.

6. Как уже отмечалось, под влиянием изменения норм международного права и усиления политической активности самих аборигенов Российского Севера государство пошло на расширение их коллективных прав (утверждение родовых общин, зон традиционного природопользования и т.д.). Однако при этом не определены взаимоотношения, во-первых, коллективных и личных прав у самих аборигенов (как быть, например, с индивидуальным правом на сбор дикоросов или охоту в условиях, когда территория вокруг села разбита на родовые угодья и оказавшиеся “хозяевами” угодий члены родовых общин, вплоть до угроз применения оружия, как это было в Эвенкии, не соби-

раются пускать на них “инородцев”) и, во-вторых, коллективных прав аборигенов и индивидуальных прав неаборигенов (может ли реализовать свое индивидуальное право заняться бизнесом, связанным с разработкой ресурсов или туризмом, представитель неаборигенного населения, проживающий в зоне традиционного природопользования?).

7. Современное законодательство узаконивает неравенство в правах не только представителей коренных и некоренных народов, но и самих аборигенов. Например, в Эвенкии многие эвенки не имеют права на родовые угодья, так как являются выходцами из Бурятии и Иркутской области. В конечном счете права отдельных представителей народов Севера поставлены в зависимость от их происхождения (места рождения) и от профессии (рода занятий). Коллективными правами и соответствующими привилегиями наделяются лишь занятые традиционными формами трудовой деятельности. В целом законодательство сфокусировано на “традиционности”, а это в наших условиях создает предпосылки для возврата к экономике примитивного выживания.

8. Наконец, один из самых главных и наиболее сильных по своему негативному влиянию на народы Севера парадоксов. Государство провозглашает поддержку устремлениям малочисленных этносов на их возрождение, и в то же время Президент подписывает Указ о свободе торговли, имеющий обязательную силу для любого региона и населенного пункта страны. На Севере, впрочем, как и в других местах, самым выгодным товаром для продавцов и самым доступным и пагубным для покупателей оказалось спиртное. Пьянство и раньше было для коренного населения бедой, сейчас же оно превратилось в стихийное бедствие, которое не только социально, но и физически уничтожает аборигенов.

Сравнение современного положения народов Севера с их положением в советский период по большинству параметров оказывается не в пользу нынешней ситуации. В целом налицо их этносоциальный регресс. Наиболее ярко он проявляется в социальной, экономической и бытовой сферах. Прогресс если и существует, то проявляется по преимуществу в продолжающейся утрате достижений предшествующего периода (прогресс регресса), главными из которых были управляемость, социальная защищенность и уверенность в завтрашнем дне.

В контексте затронутых проблем интересным представляется сравнение основных тенденций современного развития народов Российского Севера и зарубежного, например Канадского. При общем международном правовом поле, а также сходных устремлениях самих народов, нацеленных на защиту своей самобыт-

ности и ценностей традиционной культуры, отчетливо проявляются доходящие до противоположностей различия в нынешней трансформации системы жизнедеятельности народов Севера России и Севера Канады⁶.

Во-первых, вхождение России в рынок ознаменовалось снижением до предельного уровня участия государства в финансировании и регулировании процессов жизнедеятельности аборигенов. В отличие от этого в Канаде, стране классического капитализма, государство на протяжении последних десятилетий принимает самое активное участие в решении проблем жизни народов Севера. За это время были приняты многообразные конкретные программы (обеспеченные необходимыми финансовыми ресурсами) — по расширению участия аборигенов в добывающей промышленности, в переработке мяса диких животных и рыбы, по внедрению коммерческого рыболовства и трапперства, по развитию сувенирного и художественного промыслов, обслуживания туристов. Предоставлялись разного рода льготы для развития частного предпринимательства. Большие субсидии выделялись на программы по созданию рабочих мест и профессиональному обучению в области маркетинга, бухгалтерии, административной и управленческой деятельности.

Наиболее успешно осуществляются в Канаде государственные программы, направленные на решение проблем социального развития аборигенов. В рамках этих программ были созданы отвечающие современным потребностям объекты социальной инфраструктуры, осуществлены мощное жилищное строительство, строительство школ, поликлиник, гостиниц, аэродромов и др. Хорошо развиты программы социального обеспечения.

И хотя далеко не все программы были успешными, именно благодаря государственному финансированию достигнут достаточно высокий уровень жизни аборигенов Канадского Севера и обеспечиваются благоприятные условия их существования. Такая политика продолжается и в настоящее время, несмотря на то что за последние пять лет здесь получило мощное развитие самоуправление аборигенов.

Во-вторых, если в России политика разгосударствления собственности и тотальной деколлективизации традиционных отраслей определяет натурализацию хозяйства народов Севера и формирование экономики примитивного выживания в качестве доминирующей тенденции, то в Канаде реализуется политика направленная на развитие смешанной экономики, базирующейся на различных укладах и формах собственности, в том числе государственной. Традиционные занятия, до сих пор пользующиеся большой популярностью, как правило, сочетаются с

работой по найму, а в структуре доходов растет доля заработной платы.

В-третьих, в отличие от России в Канаде наблюдается прогрессивная динамика социально-профессиональной структуры занятого аборигенного населения. При этом основная часть существующих рабочих мест так или иначе финансируется государством. Общим моментом является высокий уровень безработицы среди аборигенов Канады (в отдельных поселках она достигает 50% и более), а теперь и России. Различие в данном случае состоит в том, что в Канаде, в условиях рыночных отношений, до сих пор не найден путь решения проблемы занятости аборигенного населения, Россия же пришла к такому состоянию, отказавшись от существовавшей в условиях Советской власти политики гарантированной занятости и тем самым утратив уникальный для мировой практики опыт решения этой проблемы применительно к коренным народам Севера.

В-четвертых, в Канаде комплекс предпринимаемых в последнее время правительством и организациями аборигенов мер по развитию системы образования способствует повышению образовательного уровня коренного населения. Если 20 лет назад той или иной формой обучения было охвачено примерно 30% населения, то сейчас — более 70%. Основной остается проблема стимулирования образовательной подготовки в условиях недостатка рабочих мест. Применительно к аборигенам Российского Севера доминирующей тенденцией современного периода является снижение образовательного потенциала.

Общий вывод, который можно сделать по результатам анализа современного положения малочисленных народов Российского Севера, состоит в том, что насаждение здесь рыночных отношений усиливает некапиталистический характер трансформации системы их жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Данное обстоятельство является, на наш взгляд, главным парадоксом.

Казалось бы, в самом факте некапиталистического развития нет трагедии, ведь большая часть мирового сообщества через признание концепции устойчивого развития осознала необходимость развития по пути, расходящемуся с капиталистическим. Все дело, однако, в том, что *некапитализм* применительно к народам Севера России означает возврат к примитивным формам хозяйства, а не к их развитому состоянию. Самобытность же, которую отстаивает международное право по проблемам коренных народов, за которую так ратовали представители самих российских аборигенов в конце 1980-х годов и которую они в известной степени получили к настоящему времени, оказывается во многих отношениях самобытностью патриархаль-

ного типа. Народы Севера превращаются в периферию Российского государства, так же как Россия — в периферию современного мирового развития.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Попков Ю. В.* Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. — Новосибирск, 1990.

² См.: *Рытхэу Ю.* Лозунги и амулеты // Комс. правда. — 1988. — 19 мая; *Шаров В.* Мала ли земля для малых народов? // Лит. газ. — 1988. — 17 авг.; *Пика А., Прохоров Б.* Большие проблемы малых народов // Коммунист. — 1988. — № 16; *На переломе* // Сов. культура. — 1989. — 11 февр.; *Санги В.* Чтобы крона не оголилась // Литературная газета. — 1989. — 15 февр.; *Таксами Ч.* Люди у кромки земли // Правда. — 1989. — 2 марта; и др.

³ См.: *Материалы съезда малочисленных народов Севера.* — М., 1990.

⁴ Здесь и далее используются данные из Федеральной целевой программы “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года” (Рос. газ. — 1996. — 1 окт.).

⁵ См.: *Клюков В. Ф., Корюхина А. В.* Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этногр. обозр. — 1994. — № 5. — С. 67—68.

⁶ Данные по Канаде, приводимые далее, получены автором в ходе исследования в Северо-Западных территориях в 1989, 1991 и 1992 гг.

В. С. Золототрубов

СЕВЕРНЫЕ МИГРАЦИИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В ряду процессов, порожденных политическими и социально-экономическими преобразованиями в СССР и собственно в России, выделяются миграционные процессы, имеющие “взрывной” характер. Обмен населением между бывшими республиками СССР приобрел огромные масштабы. Интенсифицировалась миграция и внутри России, в частности на ее Севере.

Формирование населения северных регионов было в значительной мере связано с их промышленным освоением. За 20 лет, предшествовавших “перестроечному” периоду, численность населения на Севере выросла в 1,5 раза¹. В таких северных автономных округах, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, где ведется активная добыча нефти и газа, численность неаборигенного населения в период между Всесоюзными переписями населения 1959 и 1989 гг. выросла соответственно в 11,9 и в 11,2 раза. Положительную роль в формировании населения миграционный прирост в целом по Северу играл в периоды пятилеток

1976—1980 гг. и 1981—1985 гг., хотя в последней его величина была на 200 тыс. чел. меньше, чем в предыдущей. В пятилетие 1986—1990 гг. миграционный прирост в целом по Северу сменился миграционным оттоком, размеры которого приблизились к 150 тыс. чел.² За 1990—1992 гг., по подсчетам специалистов, миграционные потери северных и приравненных к ним территорий составили в общей сложности 470 тыс. чел., из которых более 52% пришлось на 1992 г.³

Миграция уже в значительной мере “вымыла” с Севера миграционно-активные слои населения, и, по данным исследований, проведенных различными организациями, утрата Севером населения за счет его оттока до конца 90-х годов будет велика. По данным исследования, проведенного в 1993 г. Госкомстатом РФ, среди работающих в районах Крайнего Севера уровень потенциальной мобильности составлял 33,4%, причем значительная часть потенциальных мигрантов соби-
рались покинуть Север в ближайшие, начиная с 1993-го, годы⁴

Данные социологического исследования, осуществленного в 1992 г. в Эвенкийском АО Институтом философии и права СО РАН, достаточно близки к приведенным выше. Доля потенциальных мигрантов среди неаборигенного населения (т.е. лиц, не отнесенных к группе народов Севера) составила 38,8%. Исследование, проведенное центром демографии Института социально-политических исследований РАН в 1992 г. в Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах, на Камчатке и в Республике Коми, показало, что до 60% пришлого населения собираются покинуть Север. По оценкам центра демографии, миграционные потери Севера к концу 90-х годов достигнут 1,3—1,4 млн. чел. В последующем в связи с реализацией новой концепции освоения Севера на базе интенсивных методов хозяйствования произойдет сбалансирование миграции. Можно ожидать, что миграционный отток составит в первые 10—15 лет грядущего века около 1,5 млн чел. Населению Севера в предстоящие 20 лет угрожает уменьшение численности на 3—3,5 млн чел.⁵

Таков прогноз специалистов, который, как справедливо отмечается, выливается в опасность для Севера. Опасность эта, с нашей точки зрения, может связываться прежде всего с абсолютным уменьшением численности населения в Северном регионе, если учесть, что плотность населения на Севере всегда была весьма низкой. В частности, в северных автономных округах она составляла (на 1 января 1989 г.) минимум 0,03 чел./кв. км — в Эвенкийском и максимум 2,4 чел./кв. км — в Ханты-Мансийском⁶. В последние годы в результате миграции плотность

населения на Севере еще более снизилась. Так, Эвенкия только с 1990 по 1993 г. утратила 12,7% своего населения.

Уменьшение плотности населения определяет и сокращение масштабов и уровня освоения столь громадных территорий. Промышленное освоение северных территорий, несомненно, будет продолжаться, так как государство заинтересовано в добыче нефти, газа, цветных металлов и т.д. (по оценке специалистов, Север дает стране 50% валютных поступлений). Но усиление интенсивных методов хозяйствования, сопутствующее сокращение числа рабочих мест стимулируют и, вероятно, будут стимулировать отток населения с Севера. В основном это городское население, но ухудшение осваиваемости территории связано и с утратой сельского населения.

Конечно, и на Севере объективным фактором, определяющим отток населения, является развитие кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности, и прежде всего кризис рынка труда. Сократилось число работников на сельских промышленных объектах, в изыскательских организациях, на предприятиях сельского и промыслового хозяйства, на транспорте, в связи, в учреждениях социальной сферы. Авторы Федеральной целевой программы "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года" связывают общий кризис социально-экономического развития Севера с "ослаблением государственного регулирования"

Сельскохозяйственные, промысловые хозяйства в подавляющем большинстве издавна были дотационными. Их дотирование осуществлялось как через систему высоких закупочных цен на продукцию (мясо, шкуры, рыбу, дикоросы, пушнину), так и через списание задолженностей с этих хозяйств. В настоящее время дотирование практически прекращено.

В колхозах, совхозах, госпромхозах, коопзверопромхозах существовала стабильная структура рабочих мест. Должности руководителей, специалистов сельского и промыслового хозяйства, инженеров, механизаторов, т.е. работников сложных видов труда, занимали чаще всего представители неаборигенного населения (не из числа народов Севера). Аборигены же чаще всего были заняты в традиционных для них сферах: оленеводстве, охоте, рыболовстве, прикладных промыслах, а также и в нетрадиционных, но занимались они в основном простым трудом.

Такие традиционные для аборигенов отрасли, как охота и рыболовство, стали традиционными и для старожильческого неаборигенного населения. Последнее в этом плане явилось конкурентом для аборигенов, тем более что неаборигенное население

составляет, несмотря на его отток с Севера, большинство. Согласно данным выборочной переписи населения 1994 г., в северных автономных округах среди русских доля урожденных по месту жительства (на момент переписи) составляла минимум 202 чел. на 1000 опрошенных — в Ямало-Ненецком АО и максимум 634 чел. — в Ненецком АО⁸. Если учесть, что с момента рождения до 1994 г. многие сменили место жительства на территории округов, то доля “русских аборигенов” будет еще выше.

В ряде северных округов среди русских значительна доля сельского населения. Так в 1989 г. в Эвенкии она равнялась 67,2%, в Корякском АО — 54,4, в Ненецком АО — 29,4%. Отток русского населения из сельской местности Севера не решил проблем занятости аборигенов. Север покидали прежде всего специалисты. В селе это специалисты материальной и социальной сферы. Реорганизация первой, выразившаяся в трансформации совхозов, колхозов, госпромхозов, рыбозаводов в ряд мелких хозяйств, сопровождалась, естественно, высвобождением специалистов сельского и промыслового хозяйства. Они и покинули села, а многие — вообще Север. Труднее было русским старожилам северных сел и поселков, занятых на промыслах. Не имея денежных накоплений, а также жилья за пределами Севера, усвоив местный тип бытия, местные ценности, в целом северной образ жизни, это население вполне разделило трудности аборигенного населения, в большинстве своем оставшегося без работы и денежных доходов.

Положение многих русских охотников усугубило и перераспределение промысловых участков, выделение аборигенам родовых угодий. Сама идея была неплоха, но она могла бы быть реализована и в виде территориальной (для каждого поселка, села) промысловой общины с учетом прав как аборигенов, так и русских старожилов. Аборигены не в состоянии освоить всю северную территорию. И в 80-е годы на дальних охотничьих участках промысел не велся, сегодня же высокая стоимость авиатранспорта сделала их практически недоступными.

Вероятно, передел промысловых участков оказал определенное влияние на миграционное поведение русских. Так, согласно данным социологического исследования, проведенного в 1992 г. в Эвенкии, 10% респондентов, предполагавших уехать с Севера, одной из причин такого решения назвали ухудшение межнациональных отношений. Указанный мотив потенциальной миграции зафиксирован и в исследовании, осуществленном в Северном регионе в 1993 г. Госкомстатом РФ⁹

Переход к рыночной экономике в целом и реорганизация сельских предприятий в частности привели к безработице и

повсеместному снижению денежных доходов как у русского населения, так и у большинства народов Севера. По подсчетам специалистов, только в 1992 г. среди аборигенов общее число занятых сократилось на 10%, а к 1994 г. безработные у народов Севера составляли до 25—30% трудоспособного аборигенного населения. Многие из них не имели иных средств к существованию, кроме натуральных продуктов, полученных от сбора дикоросов, рыбной ловли, охоты, содержания небольших стад оленей¹⁰. Подобным же образом решает проблему выживания и оставшееся в селах и поселках Севера русское старожильческое население.

Реформирование сельских, промысловых хозяйств, “фермеризация” увеличили среди народов Севера долю кочевого населения. Только за 1992 г. численность кочующих выросла на 586 чел. и составила 16426 чел. (3625 бригад, звеньев, рабочих групп)¹¹.

К последствиям, вызванным реформами в северных поселках, можно относиться по-разному. Так, специалистам, было ясно, что кочевание в оленеводстве — объективная необходимость, эксперименты с изгородным содержанием оленей оказались неудачными. В то же время руководители передовых оленеводческих хозяйств Якутии и Магаданской области пытались облегчить быт оленеводов, создавая на маршрутах кочевий бригадные временные поселения. В этом просматривалась и забота о повышении товарности оленеводческой отрасли. Дробление же оленеводческих хозяйств на мелкие во многих случаях привело к снижению поголовья. Кроме того, оленеводы нередко вынуждены были перейти к натуральному хозяйству. В рыночные отношения народам Севера включиться весьма непросто и потому, что они воспитывались и долгое время работали в условиях патернализма со стороны государства.

Возрождение у народностей Севера кочевания следует оценивать и в социокультурном плане. Для северных поселков это сложившаяся межэтническая культурная среда. С точки зрения сохранения малых этнических групп кочевание, возможно, благо, а с точки зрения их развития — вряд ли.

Что касается выезда русского населения из северных сел за пределы региона, то это уже сказалось и на материальном производстве, и на социальной сфере, и на жизнедеятельности всего проживающего на Севере населения — и аборигенного, и неаборигенного. Уезжают и уже уехали врачи, учителя, другие специалисты. Специалистов же из числа представителей народов Севера недостаточно. Так, например, из представителей народов Севера, занятых в здравоохранении, около 90% составляет

младший и средний медперсонал и только 10% — врачи и руководители медицинских учреждений¹². Уже не хватает не только специалистов высокой квалификации, но и квалифицированных рабочих. Характерна в этом смысле заметка, опубликованная в газете “Эвенкийская жизнь”, в которой, в частности, рассказывается, как в период подготовки к зиме сварщика авиатранспортом возят из одного села в другое¹³.

В Федеральной целевой программе “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года” констатируется, что “миграция некоренного населения в больших масштабах приводит к ликвидации поселков и социальной инфраструктуры, которой пользовалась часть коренного населения”. Добавим: и не только коренного.

Примечания

¹ См.: Селин В. С. Региональное управление и трансформация системы гарантий на Севере // Регион: экономика и социология. — 1996. — № 1. — С. 75.

² См.: Макарова Л. В. Миграция населения на Российском Севере // социально-демографическое развитие Российского Севера. — М., 1993. — Вып. 9 — С. 122.

³ См.: Рыбаковский К. Л., Тарасова Н. В. Внутрirosсийская миграция населения: нынешняя ситуация и прогноз // Социол. исслед. — 1994. — № 1. — С. 31.

⁴ См.: Герасимова Т. В., Шилова Т. В. Потенциальная мобильность северных мигрантов // Социол. исслед. — 1994. — № 7. — С. 29.

⁵ См.: Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Внутрirosсийская миграция населения... — С. 34.

⁶ См.: Численность и состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990. — С. 11, 13.

⁷ Рос. газ. — 1996 г. — 1 окт.

⁸ См.: Продолжительность проживания населения России в месте постоянного жительства: по данным микропереписи населения 1994 г. — М., 1995. — С. 60—61.

⁹ См.: Герасимова Т. В., Шилова Т. В. Потенциальная мобильность северных мигрантов. — С. 30.

¹⁰ См.: Клоков В. Ф., Корюхина А. В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этногр. обозр. — 1994. — № 5. — С. 68.

¹¹ Там же. — С. 70.

¹² Там же. — С. 72.

¹³ Эвенкийск. жизнь. — 1994 г. — 28 нояб.

А. М. Аблажей

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Процессы, протекающие сегодня в экономической и этносоциальной сферах на территории Российского Севера, далеко не однозначны и требуют тщательного изучения. Ситуация усугубляется нарастанием деструктивных процессов, которые затрагивают не только экономику и социальную сферу, — они самым непосредственным образом влияют на природную и социальную экологию. Региону грозит кризис, первые признаки которого совпали по времени с резкой сменой парадигмы государственной политики по отношению к этой части российской территории. Федеральные власти склонны рассматривать Север России исключительно как источник экспортных поставок сырьевых ресурсов, тогда как, по мнению многих ученых, здесь набирают силу необратимые процессы разрушения природной среды, что приводит к столкновению интересов ТЭК и населения Севера.

Не является исключением и Эвенкия. Постоянно наблюдаемая тенденция — неуклонное ухудшение ситуации в округе. Налицо две главные проблемы, которые определяют протекание большинства социальных и экономических процессов. Первая состоит в том, что многие производства, а скорее, подавляющее их большинство стали нерентабельными из-за транспортных издержек, отсутствия потребностей в продукции у традиционных заказчиков, непродуманного включения северных отраслей в рыночный оборот. Так, например, предприятие “Шпат” испытывает серьезные трудности со сбытом, поскольку от закупок его продукции отказалось Министерство обороны. Очень большие трудности переживает геологоразведка, также по причине отсутствия заказчиков. То же справедливо в отношении практически всех отраслей. Как итог, в округе не осталось ни одного прибыльного производства.

Резко сократился грузопоток. Если за первое полугодие 1994 г. он составлял 66,5 тыс. т, то за аналогичный период 1995 г. — только 43,5 тыс. (или 65,4 %). При этом удельный вес ввозимого продовольствия и горюче-смазочных материалов в общей структуре получаемых грузов приближается к 100%¹. Все остальное завозится коммерческими структурами, что зачастую создает напряженную обстановку на потребительском рынке, а

также позволяет практически бесконтрольно ввозить спиртные напитки и торговать ими. Тенденции резкого снижения объема характерны также для перевозок пассажиров и почтовых отправок.

Наиболее сложное положение сложилось в традиционных для коренного населения отраслях, и главная причина этого в том, что "Север оказался совершенно неподготовлен к переходу на рыночную экономику, да она и неприемлема здесь: во всем мире арктические территории пользуются государственным протекционизмом"². Невыгодной стала даже охота, — по словам охотников, даже при добыче 20 соболей затраты себя не оправдывают. На грани гибели находится оленеводство: за три-четыре последних года поголовье сократилось с 50 до 13—15 тыс. голов и этот процесс продолжается. Средняя зарплата в совхозах в 1995 г. составляла около 400 тыс. руб., тогда как, к примеру, билет от Туры до Ессеев стоил 800 тыс. Это ведет к резкому ухудшению транспортного сообщения (при установленной норме: один рейс хотя бы раз в 10 дней — вертолеты летают в отдаленные поселки от силы раз в месяц), что, в свою очередь, влечет за собой резкое падение уровня медицинского обслуживания, обострение криминогенной ситуации (при невозможности вылететь на место происшествия милиция часто квалифицирует убийства как несчастные случаи).

Не выполнено ни одно из государственных решений по Северу, и в частности печальной памяти Постановление № 145. Приведем здесь только одну цифру: план введения объектов в эксплуатацию, предусмотренный этим постановлением, выполнен к 1995 г. на 11,5 %.

Относительно благополучно живут только работники ряда бюджетных организаций — МВД, коммунального хозяйства, аппарата управления. В наихудшей ситуации оказались работники учреждений культуры, образования, дошкольного воспитания. В большинстве мелких поселков школ вообще не осталось, так как все учителя уехали; отсутствует элементарное бытовое обслуживание, включая медицинское. По мнению окружающих властей, одна из главных причин этого — массовое возникновение фермерских хозяйств и родовых общин: с исчезновением совхозов оказалась фактически разрушенной социальная инфраструктура поселков.

Вторая из названных выше проблем заключается в следующем. На уровне федеральных властей сформировалось четкое представление о том, что наш Север перенаселен. Так, заместитель министра по делам национальностей А. М. Поздняков подсчитал, что на одинаковой по размерам территории у нас на

Севере живет в 22 раза больше постоянного населения, чем в зарубежных странах (11 млн чел. против 500 тыс.). Далее делается вывод о том, что “лишнего” населения на Российском Севере — от 2 до 4 млн чел.³ При этом забывают особенности формирования и развития северной экономики и тот факт, что Север является основным источником продукции, поступающей на экспорт. Сворачивание уже существующих производств и приостановка развития новых грозят в недалеком будущем немалым экономическим уроном. К тому же у государства нет средств на проведение крупномасштабной кампании по переселению “лишнего” населения в южные регионы страны.

Если рассматривать данную проблему применительно к Эвенкийскому АО, то за два года — с 1993 по 1995 гг. — население округа уменьшилось достаточно существенно: с 25056 до 21016 чел. По мнению большинства опрошенных экспертов, “все, кто мог, уже уехали”. Это подтверждает и статистика: резко уменьшилось количество заявок на контейнеры перед началом навигации (если в 1994 г. их было 160, то в 1995 г. — только 35). Причем надо учитывать, что округ покинула, что вполне закономерно, самая мобильная и экономически активная часть населения, наиболее подготовленная в профессиональном плане. Практически не возвращаются сюда окончившие обучение молодые специалисты, и это при том, что округ до сих пор пользуется существенными льготами при направлении абитуриентов в вузы страны.

Что касается представителей коренных малочисленных народов, то для процессов, протекающих в этой среде, характерны две, на первый взгляд взаимоисключающие, тенденции. Первая — это активная миграция из мелких поселков и стойбищ в крупные населенные пункты, где жизнь все-таки полегче и где есть возможность найти работу в бюджетных отраслях, что предполагает наличие хотя бы относительно стабильной заработной платы. Кроме всего прочего, округ покидают и представители интеллигенции — выходцы из аборигенного населения, что само по себе является тревожным фактом. В этой среде сформировалось четкое представление о том, что Север — экстремальная для человека среда обитания, а это являет собой парадоксальный мировоззренческий феномен. Вторая тенденция — это стремление “уйти в тайгу”, начать вести, по существу, натуральное хозяйство, надеясь только на милости природы и собственные силы.

Относительно численности коренных народов можно отметить тот факт, что на начало 1995 г. в округе было эвенков — 3996 чел., нганасан — 2, шорцев — 7, кетов — 171, якутов (на

январь 1994 г.) — 1736 чел. Таким образом, доля коренных малочисленных народов севера по отношению ко всему населению Эвенкии составляет около 30%.

Стоит также отметить, что произошедшее реформирование структур хозяйства (формирование фермерских, родовых и кочевых хозяйств) не принесло пока ожидаемого эффекта. Картина складывается следующая: на начало 1995 г. в округе было 13 совхозов, одно акционерное общество, одно товарищество, 98 крестьянско-фермерских хозяйств, 42 общинно-родовых хозяйства, 20 — оленеводческо-промысловых. Под них выделены огромные земельные угодья: под крестьянские хозяйства — 963851 га, под оленеводческие — 276837881 га, участки родовых общин — 448508697 га. Весьма небольшим, даже по масштабам Эвенкии, остается число кочевых хозяйств представителей коренных малочисленных народов, — их всего 33, при этом общее количество их членов — 86. Вместе с тем, по мнению специалистов, “производство товарной продукции не должно являться обязательным условием организации семейно-родового хозяйства. ...Основная цель организации этой формы хозяйствования — сохранение традиционной технологии и передача ее от поколения к поколению”⁴.

Важно отметить, что переживаемые населением социальные и экономические трудности могут породить напряженность в межнациональных отношениях, и связано это прежде всего с ростом конкуренции за ресурсы. В частности, большие споры вызвал проект Закона “Об охоте”, который предусматривал существенные льготы для представителей коренных малочисленных народов в ущерб интересам той части русского населения, для которой эти отрасли сегодня также являются основой существования. До сих пор не решен вопрос о том, кого считать коренными жителями. Впрочем, эта проблема остро стоит и в других северных округах, поскольку «не получили правовую основу в национальных регионах РФ принципы “первопоселения”, виды профессиональной деятельности, ориентированные на традиционное природопользование»⁵. В опубликованном в окружной газете интервью один из охотников-русских прямо говорит: “...На моем участке пытались уже три родовые общины открыть. ...Ну отдадим мы сейчас этому малому количеству коренного населения тайгу — развалится совхоз и государство останется ни с чем. Мы ничего против коренного населения не имеем. Но зачем нас, работяг, сталкивать лбами?”⁶. При всем этом русская часть коренного населения Эвенкии в отличие, например, от эвенков, не имеет политической или национально-культурной организации, которая защищала бы ее интересы.

Если ассоциация коренного населения “Арун” достаточно активна в защите прав эвенкийской части населения, имеет возможность оказывать экономическую помощь и лоббировать свои интересы в местных органах власти, то у русского населения подобной возможности, по существу, нет. Между тем обострение борьбы за ресурсы ставит вопрос о создании такой организации достаточно жестко. Заметим, кстати, что треть опрошенных в ходе исследования экспертов прогнозируют возникновение напряженности в национально-культурной сфере.

Достаточно интересная ситуация сложилась в мировоззренческой сфере. Возникший с начала 90-х годов идеологический вакуум стали активно заполнять различные зарубежные идеологи, в первую очередь представители протестантских церквей. Особой активностью отличаются баптисты, причем баптизм широко распространен среди как русского, так и аборигенного населения. В Туре, например, нет православного храма, но есть “Дом молитвы”, который никогда не пустует. По словам наших собеседников, подобная ситуация характерна для многих северных территорий.

Интересно посмотреть, как оценили положение дел в округе опрошенные нами эксперты, среди которых журналист, бывший глава окружного Совета; специалисты социально-экономического управления Администрации округа. Вопросы анкеты трактовались в данном случае расширительно, говорилось не только о проблемах конкретного поселка (Туры), но и о проблемах всего округа в целом.

Все без исключения эксперты отметили резкое падение производства во всех отраслях, в том числе в сельском хозяйстве, и в особенности в традиционных сферах занятий коренного населения. Респонденты охарактеризовали ситуацию как кризисную.

По-разному оценили опрошенные эксперты масштабы безработицы. Ее уровень составляет, по разным оценкам, от 0,98% (формальный уровень, приводимый в статистике) до 40% (с учетом скрытой безработицы).

Эксперты оказались единодушны в том, что главной проблемой для округа стало отсутствие финансирования в необходимых объемах. Все признают, что без помощи государственных органов сельское хозяйство (в особенности традиционные отрасли, такие как охота и оленеводство) не выживет. (Ситуацию отчасти спасает то, что округ добился независимого от края финансирования и деньги теперь идут сюда из Москвы напрямую, минуя краевые органы).

Психологическое состояние населения эксперты оценили как негативное, отметив отсутствие уверенности в завтрашнем дне.

Никто из опрошенных не планирует свое будущее более чем на полгода. Большинство, по всеобщему мнению, вообще живет только сегодняшним днем.

Все эксперты отмечают резкое ослабление связей — с родственниками, с другими регионами. Главная причина этого — дороговизна средств связи и транспорта.

Все эксперты заявили, что численность населения округа сокращается. При этом только один из них отметил, что численность уехавших компенсируется за счет лиц, приехавших в округ.

Что касается остро стоящего вопроса о земле, то большинство респондентов (все они — из числа русского населения) высказались за сохранение государственной собственности на нее. Некоторые эксперты из числа эвенкийского населения допускают существование пожизненного владения землей без права продажи.

Отдельные эксперты твердо уверены в том, что будущее округа можно обозначить в виде двух альтернатив: а) развитие отраслей ТЭК, что сулит обильные финансовые вливания; б) отказ от промышленного производства, развитие туризма, спортивной охоты, рыболовства и т.д. В то же время возможно параллельное существование этих сценариев, если учесть, что все крупные нефтегазовые месторождения расположены на юге округа, а отрасли туризма будут развиваться скорее на севере.

Подведем некоторые итоги.

1. Социально-экономическую ситуацию в округе, как и на Российском Севере вообще, можно охарактеризовать как крайне тяжелую. Здесь не осталось ни одной прибыльной отрасли. Идет сокращение существующих промышленных производств, уменьшаются масштабы геологоразведки, уезжают наиболее квалифицированные кадры, что в свете планируемого освоения нефтегазовых месторождений⁷ сулит немалый экономический урон и большие затраты на восполнение утраченного потенциала.

2. В развитии традиционных отраслей хозяйства, так же как и в социальной среде коренного населения, прослеживаются две, по сути взаимоисключающие, тенденции. С одной стороны, происходит резкое сокращение поголовья оленей — основы эвенкийского хозяйства и культуры, уменьшаются масштабы пушного промысла, что является следствием непродуманного включения этих отраслей в рыночные отношения. В такой ситуации значительная часть коренного населения (русские старожилы, эвенки, якуты) стремится переселиться в крупные поселки, получить работу в бюджетных отраслях и тем самым — хоть какие-то гарантии стабильного жизнеобеспечения. С другой стороны, для части коренного населения традиционные промыслы ста-

новятся основой жизнеобеспечения, что опять же вызывает отток населения из мелких поселков. К тому же развал совхозной системы приводит к разрушению социальной инфраструктуры мелких поселений. Все это влечет за собой резкое сокращение объема предоставляемой медицинской помощи и образовательных услуг.

3. В свете перспектив социально-экономического развития округа необходимо подвергнуть тщательной экспертизе сформировавшееся на федеральном уровне представление о “перенаселенности” Севера. Как указал один из экспертов, “с началом освоения нефти и газа этих людей (уехавших из округа из-за отсутствия работы. — А.А.) необходимо будет как-то собирать”. В этой связи важнейшей задачей является максимально полное включение в процесс индустриального освоения территорий интеллектуального и человеческого потенциала округа. Эта проблема, помимо сугубо экономических, имеет также весьма существенные социокультурные и экологические аспекты. В данном случае имеется в виду сохранение ресурсосберегающих технологий, сформировавшихся в ходе межкультурных контактов у коренного населения, включающего в себя представителей как малочисленных народов Севера, так и русское старожильческое население.

4. Следует тщательно изучить с точки зрения возможного применения зарубежный, в частности американский и канадский опыт промышленного освоения северных территорий. Это касается таких моментов, как правила поведения приезжей рабочей силы, взаимоотношения приезжих рабочих и специалистов с коренным населением; “двойное” применение созданной в ходе промышленного освоения социальной инфраструктуры (дорог, больниц, школ и т.д.), т.е. использование ее по окончании нефте- и газодобычи в интересах проживающего здесь населения; рекультивация земель, оказавшихся в зоне промышленного использования, и т.д.

5. Необходимо учитывать, что под коренным населением, применительно к ситуации в Эвенкии, следует понимать не только малочисленные народы Севера, но и тех русских, которые долгое время проживают на данной территории, во многом переняли традиции природопользования, укоренились здесь и с полным основанием могут рассчитывать на применение по отношению к себе тех же правовых норм, касающихся льгот и привилегий при распределении охотничьих участков, снаряжения, целевых отчислений от оплаты за пользование недрами и т.д., которыми пользуется аборигенное население.

Примечания

¹ Все приводимые в статье статистические данные взяты из официальных отчетов отдела статистики Администрации Эвенкийского АО.

² Эвенкийск. жизнь. — 1995. — № 21.

³ Рос. Федерация. — 1994. — № 22—24. — С.32.

⁴ Эвенкийск. жизнь. — 1993. — № 5.

⁵ Эвенкийск. жизнь. — 1993. — № 59.

⁶ Там же.

⁷ Решение о результатах тендера на право освоения семи нефтегазоносных участков было принято Правительством России в январе 1996 г. (см.: Известия. 1996. — 31 янв.).

Д. Д. Мангатаева

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ У ЭВЕНКОВ БУРЯТИИ

Северные районы Бурятии (Баунтовский, Северобайкальский, Муйский, Курумканский и Баргузинский), занимающие около 40% территории республики, являются ареалом расселения коренных народов, в том числе эвенков. В силу исторических (политических и социально-экономических) обстоятельств эвенки оказались вовлеченными в интеграционные процессы с другими народами, в первую очередь с русскими и бурятами. Последствия такой интеграции оказались достаточно противоречивыми и существенно повлияли на развитие данной этнической группы. Уже на первоначальном этапе освоения территории проживания эвенков другими народами, хотя в то время оно носило очаговый характер и отторгались незначительные площади традиционного природопользования, образ и уклад жизни аборигенов испытывали определенное влияние. Это выражалось, с одной стороны, в частичном вытеснении эвенкийского населения с территории традиционного расселения, с охотничьих угодий, оленьих пастбищ, а с другой — в привлечении части эвенков в неспецифические для них сферы труда (работа проводниками различных экспедиций, перевозка грузов и т.д.). Но несмотря на это, в данный период большинство населения было ориентировано на традиционный уклад жизни и связанные с ним виды хозяйства, в первую очередь охотопромысел, а также оленеводство и рыболовство, которые основывались на достаточно рациональном природопользовании и гармоничном взаимоотношении с окружающей средой. Столетиями совершенствовавшийся кочевой образ жизни составлял основу культуры

данного народа и обеспечивал устойчивую базу его жизнедеятельности.

Результатом прихода на северные территории Бурятии представителей других народов явилось развитие межкультурных взаимодействий, что имело для эвенков как положительные, так и отрицательные последствия. Положительные моменты проявлялись первоначально в развитии натурального обмена на основе продукции промыслов, главным образом пушнины, в использовании более совершенных орудий охоты и рыболовства, в употреблении новых продуктов питания, и в первую очередь хлеба.

Кардинальные изменения в жизнедеятельности коренных народов Севера произошли в начале века, особенно с созданием после Октябрьской революции Комитета по Северу, которым было много сделано для улучшения труда и быта эвенков. Эти начинания воспринимались коренным населением благожелательно, ибо в начале столетия произошла трагедия крупного масштаба: огромный падеж оленей повлек за собой высокую смертность населения; во многих стойбищах от голода погибло большинство людей, особенно детей.

По рассказам старожил, объединение в коллективные хозяйства — сначала в простейшие производственные объединения, затем в колхозы — воспринималось также положительно. Эвенков снабжали продуктами питания, они получили возможность беспрепятственно сдавать пушнину, мясо оленей в предприятия кооперации, им обеспечивались медицинская помощь, обучение грамоте. Создавались школы-интернаты, медицинские пункты, клубы и другие объекты социального обслуживания, что способствовало значительному изменению социальной ориентации коренного населения. Руководителями первых туземных Советов и колхозов были представители коренного народа, хорошо знавшие его нужды и проблемы.

Произошедшие впоследствии перемены в стране оказали во многом негативное влияние на развитие народов Севера. Реализуемая в отношении них политика зачастую строилась без учета их национальных традиций и образа жизни.

Кардинальной предпосылкой изменения ориентаций у эвенков явилось сселение бывших кочевых таежников в относительно крупные населенные пункты. Нарушились взаимосвязь и взаимообусловленность охотничьего хозяйства и оленеводства. Последнему стали придавать самостоятельное производственное значение, предав забвению роль оленьего транспорта как основы северотаежного охотничьего хозяйства. При этом обобществление и резкое укрупнение стад оленей привели к перегрузке паст-

бищ, к опустошению и вытаптыванию их вокруг населенных пунктов, в то время как отдаленные богатые пастбища оставались нетронутыми¹

В этих условиях произошли изменения в социальной ориентации эвенков, которые стали относиться к коллективному хозяйствованию и коллективному общежитию в значительной степени как к чуждому укладу жизни, быта и труда. Исстари для них были характерны проживание немногочисленными родами, общинами, а зачастую и семьями и совместная деятельность в их рамках. Нарушение исторически сложившегося уклада влечет за собой нарушение и национальных традиций, а это особенно трагично для малочисленных народностей, проживающих в экстремальных условиях Севера, где все системы относительно более ранимы и трудновосстанавливаемы².

Взаимодействие эвенков с другими народами, с другой цивилизацией, пропагандируемое исключительно как социальный прогресс, как усвоение новых для народов Севера ценностей во всех сферах жизнедеятельности, имело и негативные последствия. Это выразилось в утрате традиционных методов и приемов хозяйствования³, традиционной культуры, обычаев, а самое главное — языка. В школах дети воспитывались в чуждой им языковой среде и начали утрачивать родной язык, что способствовало утрате и национального самосознания.

Большой утратой является также отрыв от веками накапливаемых ценностей, связанных с традиционным хозяйством. В подготовке специалистов из представителей народов Севера отдается приоритет нематериальной сфере. Речь идет о врачах, педагогах, работниках культуры. Специалистов же материальной сферы в среде народов Севера насчитываются единицы. Применительно к северу Бурятии такой подготовкой целенаправленно не занимались. Лишь в 1995 г. появилась возможность открыть отделение по подготовке работников охотничье-промыслового и оленеводческого хозяйства на базе СГПТУ в п. Багдарин Баунтовского района.

При отсутствии традиционного воспитания молодежь сегодня оказалась неподготовленной к кочевому образу жизни и зачастую не испытывает потребности в таком традиционном виде деятельности, как оленеводство. У молодых людей имеется желание заниматься охотопромыслами из-за неплохого заработка и возможности проживать большую часть года в поселках. Об этом свидетельствуют наши социологические опросы молодежи, в ходе которых только около 12% респондентов изъявили желание заниматься оленеводством, большинство же, по данным этих опросов, ориентированы на охоту.

Тем не менее сезонный характер охотопромыслов в настоящее время не удовлетворяет эвенков. До реорганизации госпромов и совхозов в межсезонье охотники занимались лесозаготовками, строительством и другими видами труда. Таким образом обеспечивались круглогодичная занятость и необходимый для жизни денежный доход. Сейчас этого нет.

Женщины были заняты в сельском хозяйстве и в других сферах на малоквалифицированных работах (санитарки, уборщицы, доярки), а некоторые занимались обработкой меха, шитьем из него шапок, унтов, изготовлением сувениров в пошивочных мастерских. Эти мастерские сейчас повсеместно закрываются, работники годами не получают заработной платы. Реализация меховых изделий затруднена из-за их высокой цены и отсутствия денежных средств у населения. Трудности развития производства пушно-меховых изделий связаны с высоким уровнем налогообложения. Декларируемые в течение последних лет льготы традиционным отраслям не предоставляются. Между тем именно занятость большинства населения в различных отраслях обеспечивала гарантированный заработок, и, кроме того, люди чувствовали свою востребованность, участвуя в общественной и производственной жизни в местах своего компактного проживания.

Быстрая смена ценностных ориентаций обусловлена масштабной ассимиляцией эвенков другими народами. С начала века стали распространяться смешанные браки. Сегодня лишь чуть больше половины семей в поселениях являются однонациональными эвенкийскими семьями, остальные — смешанные. Ассимиляция приводит к утрате эвенками национальных традиций и обычаев, а также языка. Как показывают наши исследования, в национально-смешанных семьях полностью принимается язык второго члена семьи — бурятский или русский. В крупных же поселениях, районных центрах и тем более городах языком общения в семьях становится русский независимо от национальности супругов.

Таковы общие изменения социальной ориентации эвенков севера Бурятии, обусловленные воздействием объективных и субъективных факторов развития. Игнорирование того, что каждый этнос имеет свою внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения и посторонние воздействия — культурные заимствования, завоевания — влекут за собой принудительные изменения обычаев,⁴ привело к формированию современного стереотипа поведения и образа жизни коренных народов Севера. В государственной политике, связанной с освоением северных территорий, всегда декларировалась необ-

ходимость развития традиционных отраслей хозяйства, изучения языка и культуры коренных народов. Но приоритетными направлениями становились добывающая и лесная промышленность, строительство железных и автомобильных дорог (БАМ, АЯМ). Это вызывало приток из других регионов страны имевшего свои стереотипы и уклад жизни населения, превосходящего по численности местное население в десятки раз.

Усиленное антропогенное воздействие на среду обитания коренного народа усугубилось тем, что большая часть территории традиционного пользования стала собственностью различных ведомств. И в условиях перехода к рыночным отношениям, образования новых форм хозяйствования и собственности, реорганизации сельскохозяйственного производства эвенкийское население оказалось практически лишенным какой-либо материальной собственности и средств производства. Передав в годы коллективизации свою частную собственность, в том числе оленей, в колхозы, эвенки вправе были потребовать ее обратно при разделе собственности колхозов, и это практиковалось в южных животноводческих хозяйствах республики. Но в хозяйствах северных районов достаточного поголовья оленей уже не имелось. Только в Курумканском районе и частично в Баунтовском эвенки сумели получить свои доли собственности в виде нескольких (трех-пяти) голов крупного и мелкого скота на семью, при этом в ходе социологического опроса многие респонденты отметили, что в процессе распределения паев был нарушен принцип справедливости.

Тем не менее сегодня, в условиях социально-экономических преобразований и изменений в национальной политике, в целях сохранения этнической самобытности коренное население пытается переориентироваться и ищет возможности заниматься традиционными видами трудовой деятельности на основе пользования природными ресурсами. Такие возможности появились после принятия ряда постановлений Правительства и указов Президента РФ, в частности "О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера и закрепления природопользования" от 22 апреля 1992 г., Государственной программы развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991—1995 годах и др., а также законов Республики Бурятия "О правовом статусе эвенкийских сельских (поселковых) Советов народных депутатов на территории Бурятской ССР" (1991 г.), "Об охоте и охотничьих хозяйствах" (1993 г.), "О статусе Баунтовского эвенкийского района Республики Бурятия".

В первые годы современных реформ на волне возрождения национального самосознания стали создаваться новые формы хозяйства, такие как семейные и родовые общины, для восстановления традиционных для коренного населения отраслей хозяйства — оленеводства, охотничьего промысла. Однако, столкнувшись с финансовыми трудностями, с трудностями материально-технического обеспечения, испытывая недостаток поголовья оленей, зачастую не имея навыков ведения такого традиционного хозяйства, многие из этих хозяйств оформились лишь документально, но не функционируют в ожидании финансовой поддержки государства. Особенно это характерно для Баунтовского и Северобайкальского районов.

Исключение составляет самое первое, созданное еще в 1991 г. в п. Багдарин (Баунтовский район) хотничье-промысловое хозяйство "Юктэ", ныне преобразованное в ТОО. Ему была оказана материальная помощь путем безвозмездного кредитования, а самое главное, из госпромхоза бесплатно передано целое стадо оленей. Это хозяйство в течение четырех лет пыталось возродить оленеводство. Охотниками и оленеводами работают эвенки (7 чел.), и в первые годы хозяйство работало прибыльно, даже реализовывало не только мясо, но также шкуры и панты оленей, чем до этого никогда не занимались. Однако из-за невыполнения государством основных положений законодательных актов России и Бурятии по льготному налогообложению, по акцизам за пушнину в настоящее время хозяйство оказалось убыточным. Это связано в первую очередь с низкой ценой на мясо и пушнину, с некачественной обработкой шкурок и пантов, но главное — с исключительными трудностями сбыта пушнины. Разрушены долгие связи с пушно-меховыми фабриками Сибири, которые теперь и сами не могут реализовать пушную продукцию, и хозяйство вынуждено искать другие каналы сбыта пушнины, даже выходя на нелегальный, так называемый черный, рынок. Оленеводство приносит хозяйству только убытки из-за непомерно высоких цен на дизельное топливо (связь с оленеводами осуществляется лишь вездеходами), а доход от реализации мяса ничтожен. При этом в последние годы произошел значительный отход оленей, и их число сократилось почти вдвое.

Отсутствие правового и экономического механизма, учитывающего специфику традиционного хозяйствования, приводит к тому, что подрывается основа возрождающихся форм жизнедеятельности и жизнеобеспечения коренных народов. При этом из-за реорганизации сельскохозяйственных предприятий, закрытия многих учреждений социальной сферы и других отраслей, нарастает социальная напряженность, увеличивается безработица.

Так, в селах компактного проживания эвенкийского населения Баунтовского района и в некоторых селах Северобайкальского более 50% трудоспособного населения в 1995 г. оказалось не занятым каким-либо производительным трудом, в Курумканском районе — около 30%. Для данной категории населения не предусмотрены пособия по безработице, так как считается, что этим людям выделены имущественные пай и они являются членами семейно-родовых, крестьянских хозяйств, но эти хозяйства не могут обеспечить круглогодичную занятость, а только сезонную. Других же сфер приложения труда в селах нет. Поэтому значительное время года большинство эвенков остаются незанятыми, и такое положение характерно для всего севера Бурятии.

Если в 1991—1993 гг. государство оказывало хоть какую-то финансовую поддержку северным территориям, средства распределялись по селам проживания коренных народов и это в какой-то мере способствовало функционированию социальной сферы, в частности позволяло улучшить обеспечение жильем за счет строительства индивидуальных домов, то в последующие годы такие средства поступали не в том объеме, который предусматривался, а в 1994—1995 гг. их поступление вовсе прекратилось. Для восстановления разрушенной в предыдущие годы этно-экономической основы жизнеобеспечения эвенкийского населения требуются достаточно большие финансовые средства и, кроме того, необходима законодательная защита территорий традиционного природопользования. Органы управления на местах совместно с ассоциациями коренных народов изыскивают определенные возможности, чтобы хоть частично решить данные проблемы, но без ощутимой финансовой поддержки федеративных и республиканских органов выход из сегодняшней типовой ситуации не представляется реальным.

Примечания

¹ См.: Помишин С. Б. Таежное природопользование: проблемы и потенциал. — Улан-Удэ, 1993. — С.77.

² Там же. — С.79.

³ См.: Ким А. С., Кныш А. В., Лях П. П. и др. Малочисленные этносы Приамурья. — Хабаровск, 1993. — С.8.

⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этнос и биосфера Земли. — Л., 1990. — С.92—95.

В. П. Кривоногов

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ У ЭНЦЕВ

Перепись 1989 г. “возродила” несколько коренных народов Сибири, которые ранее статистикой не учитывались. Среди них один из самодийских народов Таймыра — энцы. Они “исчезли” из статистики еще в 20-е годы, когда были “приписаны” к ненцам. Но в этнографической литературе эта “ликвидация” народа не признана. Процесс слияния энцев с ненцами продолжается и сегодня, но он еще не завершен. Поэтому энцы как этнос вполне имеют право на существование. Особенно большой вклад в изучение, а также “возрождение” энцев сделал этнограф В. И. Васильев.

В северной группе энцев (с. Воронцово Усть-Енисейского района) задолго до последней переписи национальность энцев стала отмечаться в похозяйственных книгах и в документах. В южной группе (с. Потапово Дудинского района) процесс восстановления национальности в документах затянулся и не завершился до сих пор: многие энцы исходя из их самосознания по-прежнему числятся в документах, паспортах ненцами. Перепись 1989 г. отразила эту незавершенность: энцев переписано на Таймыре около 100 чел., т. е. как раз столько, сколько их числится по документам, остальные вновь прошли по статистике как ненцы.

Вопрос об идентификации энцев весьма непрост. Дело в том, что энцы сильно смешались с ненцами, состоят с ними в смешанных браках, существует очень много энецко-ненецких метисов и размежеваться в этническом плане ненцам и энцам действительно нелегко. Экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН с участием студентов Красноярского педагогического университета в 1992—1993 гг. провела массовый опрос энецкого и смешанного населения на Таймыре. За основу было взято этническое самоопределение респондентов и мнение родителей о национальности детей. В результате численность энцев определена в 210 чел., на 193 из них (91,9%) были составлены опросные листы, которые включали около 50 вопросов, касающихся современных этнических процессов.

Численность энцев сейчас меньше, чем в начале века, когда их насчитывалось около 400 чел. Это уменьшение — результат ассимиляции их ненцами. Из опрошенного нами смешанного энецко-ненецкого населения большинство определили себя как ненцев. Сейчас, после восстановления энцев в статистике, интересно выяснить, что это за народ в социальном и этническом

плане, какие этносоциальные процессы ему свойственны. Проведенные исследования позволяют это сделать.

Начнем с расселения. Традиционно энцкими называют два поселка — уже упомянутые Воронцово (место обитания представителей северной группы энцев — “тундровых”, “сомату” — и части переселившихся сюда в прошлом веке южных энцев) и Потапово (здесь живут представители южной, “лесной” группы). Многие энцы (27,1%) разъехались по другим селам и городам Таймыра. Сейчас в Потапове их проживает 96 чел., в Воронцове — 57, в Дудинке — 24, в Норильске — 6, в Тухарде — 16, в Носке — 4, в Усть-Порте — 3, в Волочанке — 2, в Карауле — 1, на Хантайском озере — 1 чел. (итого 210 чел.). Даже в местах максимальной концентрации энцы составляют небольшой процент в общем населении: в Потапове их 18,4% (остальные — русские, ненцы, эвенки, долганы и др.), в Воронцове — только 13,9% (остальные — в основном ненцы).

В прошлом энцы занимались оленеводством, рыбной ловлей и охотой. Насколько сохранились эти традиционные занятия за последние десятилетия? Выяснилось, что сейчас в оленеводстве занято 34,9% мужчин и 14,1% женщин трудоспособного возраста. Другими традиционными занятиями (охотой, рыбной ловлей, выделкой шкур и шитьем национальной одежды и обуви) занято 16,3% мужчин и 6,2% женщин. Таким образом, в традиционной сфере заняты половина мужчин (51,2%) и только пятая часть женщин (20,3%). Чем же заняты остальные? Среди мужчин 23,3% — неквалифицированные рабочие ручного труда, 4,7 — квалифицированные рабочие и рабочие на механизмах, 2,3 — служащие без квалификации, 4,6 — специалисты со средним образованием и руководители низшего звена, 2,3 — специалисты с высшим образованием и руководители среднего и высшего звена, 11,6% — безработные и временно не работающие. Среди женщин 29,7% — неквалифицированные рабочие ручного труда, 3,1 — квалифицированные рабочие, столько же — служащие без квалификации, 12,5 — специалисты со средним образованием и руководители низшего звена, 14,1 — специалисты на должностях, требующих высшего образования, руководители среднего и высшего звена, 17,2% — безработные и домохозяйки. Число безработных особенно возросло за последние пять лет.

Как для энцев, так и для других народов Севера, характерно значительное превышение числа специалистов-женщин над специалистами-мужчинами, связанное с тем, что девушки гораздо чаще юношей стараются продолжить свое образование в средних специальных и высших учебных заведениях (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования энцев (20 лет и старше)

	Неграмотные	Малограмотные	Начальное	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Итого
Мужчины, чел.	2	4	5	19	16	5			51
То же, %	3,9	7,8	9,8	37,3	31,4	9,8			100,0
Женщины, чел.	1		3	17	15	19	1	8	64
То же, %	1,6		4,7	26,5	23,4	29,7	1,6	12,5	100,0

Одной из причин отхода от традиционных занятий является кризис оленеводства на Таймыре в целом и в районах расселения энцев в частности. В силу разных причин в низовьях Енисея оленеводство сохраняется в основном только на левобережье, а на правом берегу, где расположены оба энецких поселка, оно резко сократилось. Из всех групп энцев больше всего связаны с оленеводством проживающие в районах Тухарда. Они переехали сюда из Воронцова после перевода на левый берег оленьих стад. В Воронцове и Потапове оленеводством занимается только по несколько семей, и число их сокращается.

Языковые процессы у энцев отражают сложное положение небольшой народности, находящейся в тесном взаимодействии с ненцами и русскими, т.е. более многочисленными соседями. Среди определивших себя и своих детей энцами лишь около половины (48,7%) считают родным энецкий язык. Остальные респонденты назвали родным русский (43,0%), ненецкий (5,7%), энецкий и ненецкий (1,6%), ненецкий и долганский (0,5%), ненецкий и русский (0,5%).

При этом пользуются энецким языком регулярно лишь 8,3%. Остальные в качестве основного разговорного языка используют русский (79,8%), ненецкий (4,2%), энецкий и ненецкий (0,5%), энецкий и русский (2,6%), энецкий, ненецкий и русский (3,1%), ненецкий и русский (1,0%), русский и нганасанский (0,5%).

Степень владения энцами тремя основными языками, распространенными в регионе, показывает табл. 2. В разных ситуациях эти три языка (а также нганасанский и долганский) энцы используют весьма неравномерно, о чем говорит табл. 3.

Т а б л и ц а 2

Степень владения энцами основными языками региона, %

Степень владения	Энецкий	Ненецкий	Русский
Владеют свободно	40,4	25,4	93,3
Владеют с некоторыми затруднениями	7,8	3,1	2,6
Владеют со значительными затруднениями	4,2	4,2	2,1
Понимают, но не говорят	18,6	17,6	0,5
Не владеют	29,0	49,7	1,5

Т а б л и ц а 3

Использование энцами различных языков в общении, %

	Энецкий	Русский	Ненецкий	Энецкий, ненецкий	Энецкий, русский	Энецкий, ненецкий, русский	Энецкий, ненецкий, эвенгский	Энецкий, нганасанский	Энецкий, долганский	Долганский	Русский, ненецкий	Русский, нганасанский	Нганасанский
С родителями	34,2	40,7	1,6	3,8	13,4	2,1	—	0,5	0,5	0,5	2,7	—	—
С женой (мужем)	15,6	55,6	8,9	2,2	7,8	2,2	1,1	—	—	1,1	4,4	—	1,1
С братьями и сестрами	8,8	64,8	2,5	0,6	19,5	1,9	—	—	—	1,3	0,6	—	—
С детьми	6,8	78,4	3,4	—	6,8	1,2	—	—	—	1,2	1,1	—	1,1
С друзьями	2,4	71,9	1,8	1,8	12,0	7,2	—	—	—	0,6	1,8	0,5	—
На производстве	3,6	1,8	1,8	—	8,1	5,4	—	—	—	1,8	2,7	0,9	—

Отнюдь не доминирует энецкий язык и в разных областях духовной культуры. Например, поют на этом языке только 19,7% энцев старше 7 лет, поют по-ненецки 7,6%, а по-русски — 87,9% (сумма не равна 100%, так как некоторые поют на двух языках). Только 7,7% энцев старше 7 лет знают более пяти энецких песен, еще 22,4% — до пяти, остальные 69,9% не знают энецких песен вообще. Энецкие сказки также известны далеко не всем энцам; 44,9% их даже никогда не слышали, 30,1 — слышали, но не

помнят, 12,8 — знают на память одну-три сказки, и лишь 12,2% знают более трех сказок.

Продолжение фольклорной традиции вряд ли возможно из-за незнания детьми родного языка. Среди детей до 10 лет лишь для 10,4% энецкий язык является родным, а свободно владеют им еще меньше — 6,2% (это трое детей одного оленевода из Воронцова). Понимают этот язык, но говорить на нем не могут еще 27,1% детей, а 66,7% не владеют им вообще.

Что касается обычаев и обрядов, то представление об этой области можно составить по ответам на вопрос о знании и бытовании свадебного и похоронного обрядов. Традиционный свадебный обряд практикуется в семьях 3,1% опрошенных, знают его еще 13,4% респондентов, не знакомы с ним 83,5%. Похоронный обряд распространен шире. Хоронят по традиционному обряду в семьях 27,4% респондентов, еще 10,5% знают его, и 62,1% не знакомы с ним.

Материальная культура энцев находится под большим влиянием ненцев. В частности, традиционную энецкую одежду имеют только 2,1% мужчин и 0,9% женщин, а ненецкую — 52,6% мужчин и 26,3% женщин. Различные предметы быта, орудия труда, средства передвижения, связанные с традиционной северной культурой, имеются у 30% семей энцев, но в основном они ненецкого типа.

Традиционная кухня известна практически всем энцам, причем в 56,5% семей опрошенных национальные блюда готовят регулярно, в 29,6 — изредка, и лишь в 13,9% — совсем не готовят. При этом большинство энцев затрудняются определить, чем отличается энецкая кухня от ненецкой.

Этническая ситуация во многом обусловлена большой дисперсностью расселения энцев, и при отсутствии четких эндогамных барьеров это ведет к значительному числу смешанных браков. Браки ненцев и энцев приняты издавна, а вот браки с пришлым населением распространились в основном в последние десятилетия. Сейчас энцы живут в 13 однонациональных и 79 национально-смешанных семьях (последние составляют 85,9%). Эти цифры указывают на подрыв эндогамии у энцев. Эндогамия, как принято считать, является для этноса стабилизирующим фактором. Приведенные цифры говорят о нестабильном, переходном состоянии энецкого народа, о том, что идут явные трансформационные процессы, меняющие облик этноса.

Представление о характере браков энцев, дает табл. 4. Всего в смешанных браках состоят 80,6% мужчин и 87,8% женщин, в том числе в браках с представителями пришлых национальностей — 6,5% мужчин и 40,8% женщин. Такое интенсивное

Таблица 4

Однонациональные и национально-смешанные браки у энцев

Энцы	Национальность супругов											
	Энцы	Ненцы	Долганы	Эвенки	Нганасаны	Русские	Коми	Украинцы	Белорусы	Литовцы	Немцы	Башкиры
Мужчины	6	16	3	3	1	1	1	—	—	—	—	—
Женщины	6	20	2	1	—	12	—	4	1	1	1	1

брачное смешение энцев приводит к значительному изменению генофонда народа, его антропологического типа.

При опросе делалась запись генеалогий (обычно до третьего поколения по восходящим линиям), что позволило определить степень этого смешения. Были зафиксированы национальности ближайших предков респондентов. У 43 опрошенных ближайшими предками были энцы, у 66 — энцы и ненцы, у 11 — энцы и долганы, у 10 — энцы и русские, у пяти — энцы и нганасаны, у одного — энцы и хакасы, у одного — энцы и белорусы, у одного — энцы и украинцы, у одного — энцы и чуваша, у 13 — энцы, ненцы и русские, у 12 — энцы, ненцы и долганы, у шести — энцы, ненцы и нганасаны, у четырех — энцы, русские и литовцы, у трех — энцы, ненцы и эвенки, у пяти — энцы, ненцы и коми, у двух — энцы, долганы и русские, у одного — энцы, ненцы и хакасы, у одного — энцы, ненцы и украинцы, у пяти — энцы, ненцы, эвенки и русские, у одного — энцы, ненцы, нганасаны и евреи, у одного — энцы, ненцы, долганы, русские и чукчи. Отсюда видно, что “чистокровные” энцы составили лишь 22,3% от их общего числа. Еще 54,4% — это метисы с монголоидным компонентом, а 23,3% имеют ту или иную примесь европейской крови. Если точнее, то 11,4% имеют четверть европеоидного компонента (у них европеоидом были дед или бабушка), 9,8 — наполовину европеоиды и 2,1% — на три четверти.

Рост числа национально-смешанных браков ведет к увеличению количества метисов среди энцев, особенно европеоидных метисов (смешение с ненцами было распространено и ранее). Больше всего метисов встречается среди детей. Вот данные по возрастной группе до 10 лет: у 17 детей ближайшие предки энцы и ненцы, у трех — энцы и долганы, у одного — энцы и хакасы, у четырех — энцы, ненцы и долганы, у одного — энцы, ненцы и эвенки, у трех — энцы и русские, у семи — энцы, ненцы и русские, у одного — энцы, ненцы, долганы, русские и чукчи, у

четырёх — энцы, ненцы, эвенки и русские, у двух — энцы, долганы и русские, у одного — энцы и белорусы, у одного — энцы, ненцы и украинцы, у двух — энцы, ненцы и коми, у одного — энцы, ненцы, нганасаны и евреи. Не встретилось ни одного ребенка, чьи ближайшие предки были бы только энцами! Метисами являются абсолютно все дети, в том числе европеоидными — 45,8% (20,8% имеют четверть европеоидного компонента, 25% — половину).

Такое интенсивное смешение, естественно, не может не отражаться на этнических процессах, и приведенные выше данные по материальной и духовной культуре, языку подтверждают это. Отсюда пессимизм в ответах респондентов о перспективе дальнейшего существования их народа. Лишь 21,3% взрослых респондентов считают, что через два-три поколения энцы еще будут существовать, 3,2 — выразили в этом сомнение, 8,5 — затруднились с ответом, а 67% уверены, что энцы не смогут сохраниться как народ, что они окончательно смешаются с другими народами. Но сегодня энцы существуют, и это реальность.

Г. С. Гончарова

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ СЕВЕРА¹

Введение

Демографические процессы и семейно-брачные отношения у народов Севера, как и у других народов России, находятся под влиянием политических, социально-экономических и культурных преобразований. Это влияние не всегда оказывается положительным. Хищническое использование природных ресурсов, разрушение среды обитания приносят большой вред народам Севера. Ухудшение всего комплекса природопользования ведет к увеличению общего уровня смертности, к сокращению продолжительности жизни, к очень высокой детской смертности, являясь причиной низкого уровня жизни.

Изменение социально-демографических характеристик различных семей, возникновение новых форм внутрисемейных взаимоотношений — следствие изменений в общественно-производственной деятельности, ликвидации неграмотности, роста уровня образования. Ушли в прошлое неразделенные семьи, осталось небольшое количество расширенных. Развитие эконо-

мических и культурных связей привело к изменению многих традиций и обычаев. Изжиты такие явления, как многоженство, отработка за невесту, калым и др. В сфере семейной жизни исчезли авторитарная власть главы семьи, архаические семейные обычаи и обряды, связанные с заключением браков².

Сегодня для малочисленных народов характерно появление социально неоднородных браков и семей. Отмечено повсеместное распространение этнически смешанных браков. Происходит выравнивание возрастов вступающих в брак, разница в возрасте мужа и жены сокращается.

В настоящее время перед семьей стоит множество проблем. У народностей Севера из-за высокой смертности, особенно детской, происходит быстрая смена поколений, а это влияет на все демографические процессы. Изменилась структура семьи: семья уменьшилась как по величине, так и по числу поколений в ней. Среди семей велика доля состоящих только из матери и детей. Вместе с тем большое количество мужчин не состоят в браке. Растет число внебрачных детей. Низкие показатели брачности у мужчин-оленьеводов являются следствием плохой организации оленеводческого хозяйства и тяжелых условий жизни на пастбищах: с одной стороны, структура производства не предусматривает участие в нем женщин, с другой — условия труда и быта таковы, что не привлекают молодых женщин.

На Европейской конференции по народонаселению³ отмечено появление новых форм семейного союза, таких как сожительство. При подобном союзе (без официального вступления в брак) семья юридически существует только с одним родителем, а потому статистика фиксирует рост числа детей, рожденных вне брака. В последнее время данное явление стало чрезвычайно распространенным и у народов Севера. Общество должно позаботиться не только о совмещении новой формы семьи с другими, но и о сдерживании ее распространения. Объективные причины снижения показателей брачности, как в случае с оленеводами требуют серьезного анализа, с тем чтобы можно было принять меры по их устранению.

Исследование брачности у народов Севера, ее структуры — необходимый компонент исследования вопросов, связанных как с воспроизводством населения, так и с формированием семьи и изменением семейной структуры населения. Рассмотрим возрастную структуру и структуру брачности населения у народов Севера. Проведенный анализ охватывает 81,3% общей численности народов Севера, проживающих в основном компактно на территории России, в районах Крайнего Севера.

Изменение возрастной структуры населения

В 1970 г. возрастная структура населения у народов Севера складывалась на фоне высокой рождаемости и высокой смертности. За период с 1970 по 1979 г. основание половозрастной пирамиды стало уже, но не произошло заметного увеличения доли лиц пожилого и старшего возрастов. За это время увеличилась доля лиц в возрасте 15—59 лет. Такая ситуация складывается, как правило, в результате снижения уровня рождаемости при высокой смертности в старшем и младшем возрастах. С 1970 по 1979 г. у народов Севера в целом увеличилась доля лиц трудоспособного возраста на 6,5%. Вся рассматриваемая группа населения состоит преимущественно из людей молодых. В 1979 г. только эвены, селькупы, ульчи, саамы и нганасаны могли быть отнесены к практически старому населению, в котором 8—10% населения составляли лица в возрасте 60 лет и старше.

Анализ изменения численности населения и половозрастной пирамиды показывает, что у многих народов Севера не обеспечивается расширенное воспроизводство населения. При высокой смертности, особенно младенческой, даже высокий уровень рождаемости не позволяет достичь соответствующего роста населения.

Изменение уровня брачности населения

В брачной структуре населения выделим отдельно для мужчин и женщин долю состоящих в браке в возрасте 16 лет и старше. Сравним эти показатели со средними по России. Данные переписи 1979 г. показывают, что в среднем у всех народов Севера из каждой тысячи лиц соответствующего пола в возрасте 16 лет и старше состояли в браке 504 мужчины и 520 женщин, тогда как по России этот показатель был равен соответственно 708 и 569 чел., т.е. в 1979 г. доля состоящих в браке у народов Севера была ниже средних показателей по России у мужчин на 40,5%, у женщин на 9,4%.

В целом у всей совокупности народов Севера за период с 1970 по 1979 г. произошло снижение доли состоящих в браке среди мужчин на 17,5%, среди женщин на 8,1%, в то время как по России у мужчин этот показатель уменьшился на 1,1%, а у женщин — увеличился на 1,1%. В 1970—1979 гг. доля состоящих в браке снизилась у всех народов Севера. У ненцев, хантов, чукчей, коряков, манси, эскимосов, удэгейцев, нганасан, юкагиров доля мужчин состоящих в браке, сократилась больше, чем в среднем по группе, — на 19—25%. У ненцев, чукчей, коряков, эвенков,

долган, кетов, нганасан доля состоящих в браке женщин уменьшилась на 8—15%.

По России в 1979 г. доля состоящих в браке среди женщин была ниже, чем среди мужчин на 24,4%, что объясняется превышением численности женщин над численностью мужчин (особенно в старших возрастах) и большим числом вдовых и разведенных (среди мужчин — 58 чел. на тысячу, а среди женщин — 278 чел., т. е. почти в 5 раз больше чем у мужчин).

У народов Севера по сравнению с населением России доля состоящих в браке среди женщин, наоборот, была выше чем среди мужчин на 3,2%. Так же как и по России в целом, у народов Севера наблюдались превышение численности женщин над численностью мужчин, а также большее количество среди женщин вдовых и разведенных, хотя соответствующие процессы были менее интенсивными. Так, у народов Севера на 1000 мужчин приходилось 1202 женщины (по России — 1246 женщин), а по семи из 23 народов на 1000 мужчин было вдовых и разведенных 91 чел., а на 1000 женщин — 221 чел.

По России в целом на каждого вдового или разведенного мужчину приходилось вдовых или разведенных 4,7 женщины, в то время как у семи из 23 народов Севера это соотношение было в 2 раза меньше (на одного разведенного или вдового мужчину приходилось 2,4 женщины). Как видим, объяснить более высокую долю состоящих в браке женщин у народов Севера только структурными различиями невозможно. Женщины из группы народов Севера, видимо, чаще, чем мужчины, вступают в смешанные браки с представителями других национальностей, отсюда и доля состоящих в браке у них несколько выше.

По отношению к народам Севера особую тревогу вызывает низкая доля состоящих в браке среди мужчин. У них соответствующие показатели ниже средних по России, а также ниже, чем у женщин из группы народов Севера. Кроме того, у мужчин из группы народов Севера за период с 1970 по 1979 г. произошло самое большое снижение доли состоящих в браке. Отметим также, что у 14 народов из 23 рассматриваемых доля состоящих в браке среди мужчин была ниже, чем среди женщин. Это эвенки, эвены, нивхи, саамы, удэгейцы, ительмены, кеты, орочи, нганасаны, юкагиры, алеуты, негидальцы, чукчи, коряки, причем у кетов данный показатель самый низкий: он был ниже среднего по России на 93,4%, а по сравнению с другими народами — на 37,7%. Самая высокая доля состоящих в браке зафиксирована у нанайцев, однако она также была ниже среднего показателя по России на 29,2%.

Соотношение уровней брачности у сельского и городского населения

У народов Севера в 1979 г. доля состоящих в браке среди городских жителей по сравнению с сельскими была ниже у мужчин на 22,3%, у женщин — на 19,8%. По России также наблюдалось превышение доли состоящих в браке среди сельских жителей по сравнению с городскими: у мужчин — на 2,1% и у женщин — на 0,9%. Как видим, у народов Севера расхождения в рассматриваемых показателях превышают аналогичные по России для мужчин в 10 раз и для женщин в 20 раз. Объясняется это, видимо, тем, что у народов Севера среди живущих в городской местности преобладает молодежь, которая приезжает в город на учебу и, как правило, не вступая в брак, возвращается обратно. Это связано с трудностями выбора брачного партнера в городских условиях. Такая ситуация в городе складывается у всего населения, но у народов Севера она проявляется наиболее сильно, так как традиционная схема выбора брачного партнера в городских условиях совсем не работает, а адаптация к новым условиям у них происходит, как правило, медленно.

За период с 1970 по 1979 г. у народов Севера произошло снижение доли состоящих в браке среди городского и сельского населения, за исключением городских женщин. У них за это время данный показатель увеличился на 3,5%, тогда как среди городских мужчин доля состоящих в браке снизилась на 8,8%. В сельской местности этот показатель снизился у мужчин на 18,3% и у женщин на 9,1%. Брачность городских женщин, оставаясь ниже брачности сельских, за этот период несколько увеличилась, — видимо, в основном за счет роста числа смешанных браков.

По России в целом в этот период снижение доли состоящих в браке наблюдалось только среди сельских мужчин — на 3,5%. У остальных групп зафиксировано небольшое повышение этого показателя — от 0,2 до 2%.

* *
*

Анализ брачного состояния населения у народов Севера позволил сделать следующие выводы:

- 1) у народов Севера в целом доля состоящих в браке ниже, чем в среднем по России;
- 2) в городской местности доля состоящих в браке ниже, чем в сельской;
- 3) в 1979 г. доля состоящих в браке среди мужчин была ниже, чем среди женщин;
- 4) у мужчин наблюдались более высокие темпы снижения доли состоящих в браке;

5) за период с 1970 по 1979 г. у всех народов Севера уменьшилась доля состоящих в браке.

Влияние возрастной структуры населения на брачность

Одним из объективных условий для возникновения различий в уровне брачности является возрастная структура населения. Сравним возрастные структуры всего населения и населения, состоящего в браке, в 1970 и в 1979 гг. отдельно для мужчин и для женщин. Для анализа различий рассматриваемых структур взяты пять относительно крупных этнических общностей, имеющих свои автономии. Это коряки, чукчи, ханты, манси, ненцы. Правильнее было бы рассмотреть соотношение возрастных групп не только по отдельным национальностям, но и по всем национальностям, проживающим в этих автономиях. Но таких данных у нас нет.

Т а б л и ц а 1

**Изменение возрастной структуры всего населения
у различных национальностей за 1970—1979 гг., % ***

Националь- ность	Население					
	Городское и сельское		Городское		Сельское	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Ненцы	19,1	13,8	18,7	13,5	19,9	14,9
Ханты	23,7	21,8	20,0	18,4	24,0	22,4
Чукчи	24,9	14,1	34,5	15,3	26,0	18,6
Коряки	27,3	23,4	18,1	25,3	28,7	23,5
Манси	39,6	31,6	36,3	28,2	41,2	33,5

* См.: Гатев К. Статистическая оценка различий между структурами совокупностей. // Теоретические и методологические проблемы статистики. — М., 1979. — С. 96.

В табл. 1 и 2 приведены интегральные коэффициенты изменения возрастных структур за 1970—1979 гг., показывающие суммарное изменение возрастных структур с течением времени. Из этих таблиц видно, что у ненцев, чукчей, коряков как у мужчин, так и у женщин возрастные структуры всего населения в возрасте 16 лет и старше менялись интенсивнее, чем возрастные структуры населения, состоящего в браке. У мужчин и женщин манси и у женщин-хантыек, наоборот, возрастные структуры состоящих в браке менялись более интенсивно, чем возрастные

Т а б л и ц а 2

**Изменение возрастной структуры населения, состоящего в браке,
у различных национальностей за 1970—1979 гг., % ***

Националь- ность	Население					
	Городское и сельское		Городское		Сельское	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Ненцы	16,1	12,7	19,4	7,3	15,8	13,1
Ханты	22,2	23,0	19,7	23,3	22,7	22,3
Чукчи	12,9	6,1	21,7	17,4	15,1	8,2
Коряки	24,1	23,1	28,8	23,5	24,2	23,2
Манси	44,4	38,8	37,7	37,7	46,7	39,1

* См.: Гамев К. Статистическая оценка различий между структурами совокупностей. — С. 96.

структуры всего населения. При этом у манси по сравнению с другими исследуемыми народами изменение структур было наибольшим. Отметим также, что у женщин-хантыек и женщин-манси в рассматриваемый период наблюдалось наименьшее снижение доли состоящих в браке.

Анализ изменений возрастной структуры всего населения и населения, состоящего в браке, за период с 1970 по 1979 г. был проведен для следующих возрастных интервалов: 16—19 лет, 20—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60 лет и старше. Соответствующие таблицы для них не приводим из-за большого их объема. Рассмотрим два показателя, наиболее полно отражающих структурные изменения: наибольшее увеличение и наибольшее уменьшение разности относительных значений рассматриваемых структур. В обеих структурах зафиксировано максимальное уменьшение доли лиц в возрастной группе 30—39 лет у мужчин и женщин всех рассматриваемых национальностей. Если относительное сокращение численности населения в обеих структурах происходило более или менее однотипно, то увеличение — несколько по-разному. В возрастной структуре наблюдалось максимальное увеличение доли лиц в возрасте 20—29 лет как у мужчин, так и у женщин у ненцев, хантов, коряков, манси, и только у чукчей в этот период максимальное увеличение зафиксировано в возрастной группе 16—19 лет. Максимальное увеличение доли лиц, состоящих в браке, наблюдалось в возрастной группе 20—29 лет у женщин пяти рассматриваемых национальностей, а у мужчин — у ненцев, чукчей и коряков. У

хантов и манси максимальное увеличение доли женатых мужчин в рассматриваемый период зафиксировано в возрастной группе 40—49 лет.

Отсюда следует, что у пяти рассматриваемых национальностей при разной интенсивности изменения структур в целом происходило их изменение за счет одних и тех же возрастных групп: при уменьшении доли лиц в возрастной группе 30—39 лет происходило соответствующее увеличение в возрастной группе 20—29 лет. Однако у чукчей увеличение доли 16—19-летних не привело к серьезным изменениям в распределении лиц, состоящих в браке, по возрасту. Это связано с тем, что возраст вступления в брак у них выше. У мужчин-хантов и мужчин-манси не произошло относительного увеличения женатых в возрастной группе 20—29 лет вслед за увеличением их доли в возрастной структуре. Видимо, в эту группу вошли в основном отгонники-животноводы, для которых вступление в брак как мы уже отмечали, является проблемой.

Возрастная структура народов Севера, как и всего населения России, складывалась под действием событий, имеющих более общий характер. Так, в 1970 г. 30—39-летние, 20—29-летние — это лица, рожденные соответственно в 1940—1949 и 1950—1959 гг. Максимальное уменьшение численности первой группы связано с большой смертностью и невысокой рождаемостью в военные и послевоенные годы, а максимальное увеличение численности второй группы — результат резкого подъема рождаемости по стране в целом в 1950—1959 гг.

Изменения в возрастной структуре всего населения, будучи следствием процессов связанных с рождаемостью, смертностью и миграцией, оказывают влияние на изменение в возрастной структуре населения, состоящего в браке, таким образом, что изменения в возрастной структуре состоящих в браке у народов Севера преимущественно следуют за изменениями в возрастной структуре всего населения.

В заключение отметим, что разница в уровнях брачности у народов Севера в основном связана с проживанием в городской или сельской местности, а также с полом. При этом брачность у народов Севера значительно ниже соответствующих показателей в среднем по России. Мы не рассматривали брачность у народов Севера в сравнении с региональными показателями (имеются в виду регионы преимущественного проживания рассматриваемых национальностей) из-за отсутствия данных.

По оценкам других исследователей, у населения северных районов по сравнению с населением России происходит снижение уровня брачности, связанное как с ухудшением структурных

характеристик бракоспособных контингентов, так и с падением популярности легитимного брака и ростом авторитета национальных традиций. При этом отмечается некоторая специфика этого процесса, выражающаяся в регулярном частичном обновлении бракоспособных контингентов за счет мигрантов, что создает предпосылки для постоянного повышения уровня брачности у населения северных районов по сравнению с российским показателем (примерно на 6% в среднем по всем северным районам), а также фактического уровня женской брачности, превышающего российский уровень в среднем на 14%⁴.

Как было отмечено выше, за период с 1970 по 1979 г. у народов Севера не произошло увеличения уровня брачности, и можно предположить, что повышенная миграция населения на территорию их проживания не создает предпосылок для роста уровня брачности у этих народов, а, на наш взгляд, наоборот, оказывает отрицательное влияние и приводит к увеличению доли семей, состоящих из одного родителя и детей.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04223)

² См.: *Этническое развитие народностей Севера в советский период*. — М., 1987. — С. 186.

³ См.: *Рекомендации Европейской конференции по народонаселению* // Вестн. статистики. — 1993. — № 7. — С. 49—54.

⁴ См.: *Захарова О. Д.* Факторы и тенденции рождаемости населения Севера // Социально-демографическое развитие Российского Севера. — М., 1993. — С. 54, 55.

Е. А. Ерохина

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВКАХ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ У РУССКИХ В СИБИРИ

Процессы межэтнических взаимодействий в Сибири привлекают внимание исследователей ввиду той огромной роли, которую они сыграли в истории региона. Течение этих процессов представляет собой непрерывную цепь опосредованных и непосредственных этноконтактных ситуаций — ситуаций межэтнического общения. Нормой межэтнического общения является диалог двух культурных контекстов. Фундаментом культурного

диалога служит система установок межэтнического общения, складывающихся под влиянием ряда социокультурных факторов.

При восприятии чужих культур обыденное сознание через фиксацию различий оценивает свойства других культур, принимая за положительный эталон свойства собственной культуры. Обратная сторона осознания различий — возникновение представлений об общих для всех членов своего этноса специфических чертах. Представления о существенных чертах своего и другого этноса (авто- и гетеростереотипы) формируют predisposition к определенному отношению, готовность действовать определенным образом в этноконтактной ситуации. Эта готовность в социальной психологии носит название установки.

Установки, представляя собой механизм, стабилизирующий сферу межэтнических отношений, позволяют прогнозировать поведение другой стороны и устанавливать коммуникативную дистанцию с партнером по общению¹. Установки межэтнического общения (готовность к деловому сотрудничеству, отношение к межэтническим бракам, родственным, дружеским и соседским отношениям с представителями другой этнической группы), будучи отражением установок более глубинного, мировоззренческого характера, внутренне сбалансированы позитивными и негативными установочными представлениями (чертами авто- и гетеростереотипа). Когда этот баланс нарушен воздействием дестабилизирующих факторов, установки могут превращаться в предрассудки или предрассудки.

Факторами, усиливающими напряженность в межэтнических отношениях, чаще всего являются факторы социально-экономического порядка (например, конкуренция за рабочие места при разном уровне профессиональной подготовки и квалификации у русских и у представителей коренных малочисленных этносов в условиях безработицы). Применительно к нынешней ситуации в российской экономике важно подчеркнуть, что именно сельское и промысловое хозяйство, в основном концентрирующее социально-экономические проблемы межэтнических отношений на севере Сибири, пострадало в наибольшей степени. Назрела необходимость оценить степень возмущающего воздействия социально-экономического фона на сферу межэтнических отношений двух групп населения севера Сибири: русского старожильческого и коренного национального².

Для изучения установок русских в процессе межэтнического общения с представителями коренных этносов Сибири несомненный научный интерес представляют результаты социологических опросов. Они позволяют проследить динамику межэтнических взаимодействий на фоне нарастания кризисных явлений со-

ционально-экономического характера. В данной статье анализируются материалы социологического исследования, проведенного сотрудниками сектора этнокультурных исследований (руководитель В. В. Мархинин) Института философии и права СО РАН летом 1994 г. в национально-смешанных поселениях Ханты-Мансийского АО.

Историю взаимоотношений русских и представителей коренных народов Сибири можно рассматривать как историю сосуществования разнонаправленных культур. Появление в Сибири русских — результат экстенсивного характера их земледельческого хозяйства. Русский крестьянин по отношению к земле выступал преобразователем. Опыт его хозяйственной деятельности доказывал, что преобразовательный труд гарантирует благополучие и благосостояние. Первоначально это было земледельческое преобразование, впоследствии — промышленное освоение.

В культурах же коренных народов Сибири ценность преобразовательного труда не была велика. Культурная традиция ориентировалась на сохранение существующего равновесия с природой. В хозяйстве преобладали присваивающие элементы, деятельность не была направлена на изменение природного ландшафта. Наоборот, успех хозяйственной деятельности зависел от сохранения существующих природных условий.

Таким образом, хозяйственные ориентации в рамках русской культуры в Сибири и в рамках культур коренных народов Сибири и Севера имели существенные различия. Эти различия фиксировались русскими в представлениях о “легкомыслии” и “беспечности”, проистекающих из природной “лености” инородцев, с одной стороны, и в уважительном отношении русских к таким традициям сибирских народов, как взаимовыручка, забота о слабых и больных, гостеприимство, честность³.

Социологический опрос 1994 г. подтвердил существование у русских установочных представлений о доброте и искренности народов Севера (наличие данных черт характера отметили соответственно 14 и 15% русских респондентов). Вместе с тем исследование зафиксировало бытование у русского населения мнения о пристрастии представителей коренных народов Севера к алкоголизму (на проблему пьянства указали 41% русских и 43% респондентов из числа народов Севера, ответивших на вопрос о негативных чертах характера коренных народов). Об этой беде, ставшей “привычкой”, много писали исследователи еще в прошлом веке⁴. Опасность сегодняшнего дня заключается не только в дешевизне и доступности алкогольной продукции, но и в отсутствии продуманной антиалкогольной политики как на

уровне округа, так и на федеральном уровне. Происходящий ныне рост алкоголизма является выражением одновременно социокультурного и социально-экономического кризисов, поразивших этносы и поселковые межэтнические сообщества. С кризисным состоянием сопряжено в первую очередь ослабление этнической идентичности, опасное для судеб народов⁵.

Согласно опросу, любовь к природе и лень являются, по мнению русских респондентов, чертами характера представителей северных этносов (17 и 14% ответов русских). Этот набор только на первый взгляд кажется случайным. Причина распространения такого мнения у русских видится в разнице представлений о труде и трудолюбии у представителей русского народа и у аборигенных народов Севера. Для народов Севера трудовая деятельность — прежде всего та деятельность, которая непосредственно связана с традиционными для них занятиями (промысловая охота, рыболовство, сбор дикоросов), для русских же занятия в промыслах — не единственная и не главная сфера приложения труда, а лишь одна из многих⁶. Однако причина актуализации стереотипа о “природной лени” видится не только в культурных различиях.

Среди жителей Севера (как представителей коренных народов, так и русских) распространено негативное мнение о системе школ-интернатов. Оставляя сейчас в стороне отдельные достоинства и недостатки последней, следует отметить неадаптированность современной системы социализации к нуждам северных этносов. В результате порожденного ею разрыва между поколениями дети оказались оторванными от традиционных занятий своих родителей. Следствие этого — угроза утраты этнокультурной идентичности, появление у северных народов типа личности, неспособной к профессиональной деятельности ни в традиционном хозяйстве, ни в промышленности. Такие люди нередко встречаются среди представителей молодого поколения. Наблюдается тревожная тенденция одностороннего, потребительского приобщения малочисленных народов Севера к материальной культуре индустриального общества.

Разрыв между потребностями и реальными возможностями их удовлетворения у некоторых представителей коренных народов Севера обращает на себя внимание русского населения. Что касается распределения материальных благ по национальному признаку, то русские на Севере воспринимают это как нарушение принципа справедливости (так как русское население тоже считает себя коренным), оценивают как весьма сомнительное для народов Севера благо. Основываясь на результатах социологического опроса, можно предположить, что русские,

когда отмечают среди негативных черт представителей народов Севера лень, возможно, имеют в виду потребительские притязания отдельных представителей северных этносов и реальную неспособность их удовлетворить.

Подобное несоответствие негативно отражается прежде всего на самих представителях малочисленных народов, например в вопросах трудоустройства. В нынешней сложной экономической ситуации обострилась конкуренция за рабочие места. Руководителям предприятий (а они чаще всего из русских) достаточно иметь немногих работников, но надежных, непьющих, устраивающих их и по другим критериям, в частности по уровню образования и профессиональной подготовки. Этим ужесточившимся требованиям представители северных этносов не соответствуют чаще, чем русские. Таким образом, работодатели при приеме на работу отдают предпочтение русским⁷.

Проблема выживания, которая встала не только перед северными этносами, но и перед русским старожильческим населением, состоит не в том, способен ли отдельный индивид — представитель того или иного народа, обладающий определенным набором достоинств и недостатков, заниматься каким-либо видом деятельности. Проблема заключается в том, что остановить спад производства и падение жизненного уровня могут только государственные инвестиции в сельское и промышленное хозяйство. В условиях, когда государство сняло с себя всякую ответственность за судьбу Севера, единственной позитивной тактикой для его жителей остается тактика выживания⁸. Понятно, что она не может быть долговременной. Жители округа видят во властных структурах источник социальной несправедливости. У представителей старшего поколения доминируют настроения, связанные с чувством обиды, обделенности, тогда как в среде более молодого поколения чаще отмечаются настроения апатии и безразличия. Естественно, что у представителей северных народов, менее подготовленных к перегрузкам “рыночной адаптации” вследствие психофизиологических особенностей этнического типа, чаще наблюдается отклоняющееся поведение вплоть до суицида.

Анализ результатов социологического опроса показал также, что русские менее склонны проводить различия между собой и представителями коренных северных этносов, нежели последние — между собой и русскими. В целом менее охотно отвечая на вопросы о чертах характера представителей той или иной этнической общности, русские отмечали, что позитивные или негативные характеристики человека мало зависят от его национальной принадлежности⁹. В отличие от них народы Севера не

склонны нивелировать особенности национального характера. При ответах на вопрос о положительных и отрицательных чертах характера русских и народов Севера спектр ответов последних отличался большей широтой и разнообразием, а сами ответы — меньшей унифицированностью.

Исследование показало, что большая часть опрошенного русского населения живет в крупных поселках, где развита социально-культурная инфраструктура, имеются предприятия промышленного профиля, где население превышает 1—1,5 тыс. чел., т.е. там где различия в образе жизни и быта почти стерлись. Основная часть опрошенных представителей малочисленных народов Севера обитает в поселках с числом жителей не более 500 чел., и заняты они в основном в сельском и промысловом хозяйстве, т.е. эти респонденты проживают там, где культурные различия проявляются в большей мере. Самоощущение представителей народов Севера более позитивно в таких малых поселках. Это в какой-то мере позволяет сделать предположение о традиционно-промысловом, сельском характере культур северных этносов и преимущественно урбанизированном характере русской культуры в настоящее время.

Русские высоко оценивают такие качества представителей народов Севера, как доброта, дружелюбие, доброжелательность. Эти качества в шкале ценностей русского человека, согласно данным опроса, занимают первые позиции. Примечательно, что оценивая дружелюбие у себя, русские имеют в виду скорее доброжелательность, открытость, готовность к контакту, тогда как у народов Севера под дружелюбием понимаются скорее искренность, доверчивость, бесхитрость, даже наивность.

Оценивая черты характера русского народа, представители северных этносов отмечают дружелюбие и доброту (16 и 23% ответов), а также хитрость и лукавство (34%). В самооценке респондентов — представителей северных этносов обращает на себя внимание большее, чем у русских, количество автостереотипов¹⁰. В числе позитивных черт своего национального характера народы Севера назвали трудолюбие (18%), любовь к природе (18%), дружелюбие (16%), честность (16%), щедрость (15%), искренность (12%), доброту (27%). Среди негативных черт они выделяют слабохарактерность и неумение постоять за себя (17%). В большей степени это присутствует у жителей крупных поселков.

Русские, оценивая черты собственного национального характера, отмечают трудолюбие (29%), дружелюбие (20%), честность (18%), доброту (36%), искренность (10%), а также жадность и корыстолюбие (12%), хитрость и лукавство (15%). Обращает на себя внимание, что русские частично разделяют мнение пред-

ставителей коренных этносов о собственной “хитрости”. Хитрость воспринимается жителями Севера (независимо от национальности) в большинстве случаев как отрицательное свойство. Представляется, что под хитростью понимается не столько безобидное лукавство, сколько способность к обману ради выгоды, корысти¹¹

То же самое можно отметить в оценке такого качества, как “умение делать деньги”. Оно воспринимается жителями Севера скорее как отрицательное, нежели как нейтральное, рассматривается как аналог делячеству. “Умение делать деньги” и хитрость — аутсайдеры системы ценностных приоритетов русского старожильческого и коренного национального населения Севера. Зато такие качества, как трудолюбие (53,1% ответов русских и 48,7% — респондентов из числа представителей народов Севера), любовь к природе (соответственно 36 и 56,3%), забота о детях (38,6 и 28,6%), дружелюбие (38,8 и 32,2%), честность (32,7 и 38,8%), доброта (38,6 и 39,8%), считают своими культурными характеристиками представители и русского старожильческого населения, и коренных этносов.

Исследование показало сходство ценностной иерархии русской культуры и культур северных этносов, жителей национально-смешанных поселений Ханты-Мансийского АО. Русские жители сельской местности в регионах Севера по своим ценностным установкам ближе к представителям сибирских этносов, чем русские вообще. Еще в прошлом веке исследователи Сибири отмечали ощущение большей общности русских сибиряков с иноэтничными соседями, нежели с соплеменниками, живущими в отдалении. Жители Севера (независимо от национальности) считают, что русские — такой же коренной народ, как и северные этносы. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что противопоставление “свой — чужой” проводится жителями национально-смешанных поселений не по национальному признаку, а по принципу “местный — приезжий”. Это позволяет говорить о существовании межэтнического сообщества коренного населения севера Сибири¹².

Преимущественно традиционный характер этого сообщества не вызывает сомнений. Длительное соседство и удачный опыт партнерства русской культуры и культур малочисленных народов, обусловленные во многом близостью мировоззренческих ориентаций, позволяют говорить об их сращенности и взаимозависимости, возможно даже об общности исторической судьбы. Свойственная традиционным сообществам устойчивость могла бы вселить надежду на сохранение этой своеобразной локальной культуры, если бы не угроза превращения северного края в

безжизненную пустыню в результате бездумного промышленного освоения, с одной стороны, и в связи с естественной убылью и прекращением воспроизводства населения региона, с другой.

Оценивая будущее народов Севера в целом, 55,4% опрошенных считают, что оно находится под угрозой (7,9% респондентов считают его благополучным, 33,2% не ответили на вопрос, 3,6% дали другой ответ). По поводу будущего русского народа 21,8% всех опрошенных заявили, что оно находится под угрозой. Оценка перспектив состояния русского этноса могла бы быть более пессимистичной, если бы предметом публичного обсуждения стали результаты опроса, выявившие негативные демографические тенденции в национально-смешанных поселениях, сказывающиеся в первую очередь на воспроизводстве русского населения¹³.

Несмотря на разрушительное воздействие социально-экономической ситуации, в контексте которой развиваются сегодня межэтнические сообщества севера Сибири, они продолжают себя воспроизводить, используя весь потенциал традиционной культуры. Баланс положительных и отрицательных характеристик в установках межэтнического общения внутри регионального сообщества почти не изменился. Как показало упомянутое исследование, 62,2% опрошенных считают межэтнические отношения стабильными, полагая, что напряженности в них нет совсем. Подавляющая часть опрошенных жителей сельской местности округа не относят проблему состояния межэтнических отношений к разряду острых проблем жизни в национально-смешанных поселениях¹⁴.

Это не означает, что напряженности в межэтнических отношениях не существует вовсе, — ее ощущает каждый пятый из опрошенных. В целом, однако, результаты исследования позволяют говорить о том, что социальная напряженность в межэтнических отношениях гасится традициями межэтнического единства¹⁵. Очевидны готовность русских к контакту с представителями народов Севера, доброжелательность и благоприятный, миролюбивый фон, доминирующий в межэтнических взаимоотношениях.

Примечания

¹ См.: Солдатова Г. У. Установочные образования в этноконтактной ситуации // Духовная культура и этническое самосознание наций. — М., 1990. — С.232, 233.

² Социально-экономический фон понимается здесь широко. Речь идет о неблагоприятном положении, в котором оказалось сельскохозяйственное производство Северного региона, традиционно зависевшие от бюджетных дотаций

и иных форм поддержки со стороны государства. С 1991 г. эта поддержка носит скорее декларативный, нежели реальный характер.

³ См.: *Описание Тобольского наместничества*. — Новосибирск, 1982; Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. — Харьков, 1893; *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири*. — СПб., 1888—1898. — Вып. 1—22.

⁴ См., например: Дунин-Горкавич А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. — Шадринск, 1994. — С. 39.

⁵ См.: Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. — Новосибирск, 1996. — С. 181.

⁶ См.: Мархинин В. В., Удалова И. В. Из отчета о результатах исследования по материалам социологической экспедиции 1994 г. по теме: "Социальные и культурные проблемы в межэтнических отношениях". — Новосибирск; Ханты-Мансийск, 1995.

⁷ Там же.

⁸ См.: Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество... — С. 10.

⁹ К сожалению, для многих респондентов, не желающих обременять себя серьезными размышлениями, это суждение явилось удобной подсказкой.

¹⁰ Учитывались только те характеристики, которые отметили не менее 10% респондентов. Респондент мог отметить столько качеств, сколько сочтет нужным.

¹¹ В значительной степени такой вывод был сделан из личных комментариев респондентов.

¹² См.: Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество... — С. 151.

¹³ Там же. — С. 129.

¹⁴ Там же. — С. 183.

¹⁵ Там же. — С. 183, 184.

В. В. Кучер

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И АБОРИГЕНЫ СИБИРСКОГО СЕВЕРА (XIX — начало XX в.)

Особенность русской колонизации Сибири заключалась в ее падающем воздействии на коренное население. Решающую роль при этом сыграла стратегия российской государственной власти, направленная не на растворение малочисленных народов в русском этносе или, тем более, уничтожение их, а наоборот, на сохранение традиционного образа жизни, хозяйства, социального строя.

В исторической литературе такая политика, именуемая консерватизмом, объясняется фискальными интересами государства, хотевшего сохранить важнейший источник формирования бюджета — сибирскую пушнину, поступавшую от аборигенов в виде налога-ясака и пользовавшуюся в XVII—XVIII вв. неограниченным спросом на внешних рынках. Подобные соображения нельзя не принимать во внимание. Однако ими нельзя ограничиваться, поскольку и позже, когда доля меховой торговли в российском экспорте непрерывно уменьшалась и постоянно сни-

жалось значение ясака, правительство в целом выдерживало ранее принятый курс. Рассмотрим его конкретнее, опираясь в первую очередь на примеры политики в отношении народов Северо-Западной Сибири.

Важнейшим документом, определившим направленность и содержание аборигенной политики правительства, явился Устав об инородцах 1822 г., подготовленный под руководством М. М. Сперанского и с некоторыми изменениями действовавший до начала XX в. В зависимости от образа жизни все аборигены делились на три разряда со специфическим управлением и налогообложением: а) *оседлые*, главным образом, земледельцы; б) *кочевые*, менявшие местожительство по временам года; в) *бродячие*, или *ловцы*, переходившие постоянно с одного места на другое. Оседлые инородцы по правовому положению приравнивались к государственным крестьянам, а кочевые и бродячие составили отдельную сословную группу, отличающуюся от крестьян формой управления.

Инородцы получили фактически те же права, что и русские крестьяне Сибири, но вместе с тем и ряд привилегий. Они были освобождены от воинской повинности. За ними окончательно закреплялись земли и угодья, которыми они владели по праву первоначального заселения, при этом способы передела родовой земли определялись самими членами данного рода. Русские не имели права без разрешения коренных жителей использовать эти земли и угодья для хозяйственных целей или образования поселков и при необходимости арендовали их за соответствующую плату.

В основе управления коренным населением лежал принцип автономии рода как главной административной и хозяйственной ячейки. Административное устройство у кочевых, к которым относились большинство коренных жителей, предполагало три ступени: а) *вызшую*, для отдельных стойбищ — родовое управление; б) *среднюю*, для нескольких стойбищ — инородческую управу; в) для всего племени — степную думу. У бродячих вводился упрощенный порядок управления: у них были только родовые старосты с правами инородческой управы. Старостой мог быть избран любой мужчина данного рода не моложе 21 года, имеющий собственное хозяйство, не судимый, не состоящий под судом и следствием. Одновременно допускалось замещение должностей по наследственному принципу, если этого хотели родовичи.

Разумеется, правительственная администрация получила необходимые полномочия по контролю за органами аборигенного самоуправления: она могла отстранять старост от долж-

ности за уголовные преступления, злоупотребление властью, наем для отработки долгов, а также по ходатайству родовичей. Правительственная администрация имела исключительное право на разбор политических и уголовных дел (остальные решались на основе обычного права). Кроме того, она была обязана регулировать межродовые конфликты, следить за исполнением заповестов на виноторговлю с инородцами, выдавать им ссуды хлебом и боеприпасами.

Устав 1822 г. запрещал насильственное крещение инородцев и преследование их за язычество, не предусматривал для крестившихся каких-либо преимуществ. Он признал свободу частной торговли с аборигенами и гарантировал, что ни один новый государственный налог не будет автоматически распространяться на кочевых и бродячих инородцев.

Лишь на рубеже XIX—XX вв. появились законы, направленные на унификацию системы управления. Так, закон 1896 г. устанавливал, что под надзор крестьянских начальников переходят не только русские крестьяне, но и проживающее в пределах соответствующих участков аборигенное население. В 1909 г. последовало указание П.А.Столыпина о переводе на положение оседлых, т.е. крестьян, кочевых инородцев, получивших наделы земли по законам 1896 и 1899 гг.¹

Реализация Устава об инородцах, начатая на Обском Севере с 1824 г., столкнулась было с серьезной проблемой — угрозой бунта обдорских хантов и лесных ненцев, зачисленных во второй разряд и обязанных платить кроме ясака другие налоги. Срочно выехавший в Обдорск тобольский губернатор Бантыш-Каменский распорядился временно прекратить сбор этих налогов, а администрация Западно-Сибирского генерал-губернаторства предложила Петербургу перевести обдорских хантов в бродячие. В 1827 г. с императорского разрешения все ханты, манси и лесные ненцы были причислены к третьему разряду и стали платить, подобно ненцам, один ясак².

К другому конфликту, погашенному еще до 1824 г., привело нежелание обдорских ненцев подчиняться "остяцкому князю" Тайшину. Тобольский губернатор решил разделить управление обдорскими хантами и ненцами и назначил выборы главного ненецкого старшины. Однако эта должность не прижилась, после смерти старшины восстановился прежний порядок управления. Только в 1865 г. власти учредили самостоятельную Обдорскую самоедскую волость, однако ею продолжали управлять наследственные старосты Обдорской остяцкой волости Тайшины³.

К концу XIX в. система аборигенного самоуправления стабилизировалась. В Березовском крае, занимавшем почти всю

территорию Северо-Западной Сибири, существовало восемь инородческих волостей во главе с инородческими управками, подразделявшимися на роды со своими старостами. Среди них было пять остяжских (хантыйских) — Котская, Подгорная, Казымская, Куноватская и Обдорская, две вогульские (мансийские) — Сосьвинская и Ляпинская, одна самоедская (ненецкая) — Обдорская. За исключением Тайшиных, все волостные старосты были выборными. Административная структура строилась по экстерриториальному, сословно-этническому признаку: расположенные чересполосно русские и инородческие селения подчинялись собственным волостным правлениям (Елизаровскому, Кондинскому и Березовскому городскому) и инородческим управкам⁴. Поскольку высшая инстанция (степная дума) здесь отсутствовала, ее функции выполняли чиновники. В 1899 г. тобольская администрация выступила с инициативой о переводе кочевых в оседлые, а бродячих в подчинение крестьянским начальникам, но до 1917 г. никаких изменений так и не произошло⁵.

Составной частью государственного курса в решении вопроса об инородцах была налоговая политика. Главный налог (ясак) платили все мужчины 18-50 лет, не считая инвалидов, начиная с завоевания Сибири и до 1917 г., причем дольше всего он сохранялся в Березовском, Сургутском и Туруханском уездах. Не случайно аборигенов иначе называли ясачными. Сбор производился с рода как единого целого через инородческих старост. По мере развития денежных отношений и параллельного сокращения добычи пушнины происходила постепенная коммутация ясака, хотя натуральная его форма разрешалась и даже поощрялась много позже⁶. Помимо налогов инородцы несли повинности натурального характера: строили и ремонтировали дороги, содержали транспорт и квартиры для чиновников.

Необходимо подчеркнуть умеренность этой политики, ни в коем случае не допускавшей разорения аборигенного хозяйства. Например, у ненцев в 1895 г. общий размер платежей на ясачную душу составил 2,26 руб., у обдорских хантов — 1,67, у куноватских хантов — 1,67 руб. при средней рыночной стоимости стандартной песцовой шкурки в 4 руб. Неудивительно, что платежеспособность коренного населения Обского Севера, согласно окружным и губернским отчетам, была вполне удовлетворительной и все налоговые суммы вносились своевременно⁷. Тяжелее налогов для аборигенов была повинность по перевозке чиновников и почты, отвлекавшая от зимней охоты.

Консервационизм, стремление российской власти уберечь инородческие общества от разрушающего инокультурного

воздействия отчетливо проявились в связи с инициативной (не санкционированной правительством) русской колонизацией. Русские шли в низовья Оби, как и на Сибирский Север вообще, по трем причинам: чтобы добывать пушнину, выменивать ее и ловить рыбу ценных пород. Некоторые оставались на постоянное жительство в районах обитания инородцев. Этот процесс не только не приветствовался, но наоборот, ограничивался и даже пресекался. Категорически запрещалась аренда пушных угодий, всячески тормозились аренда рыбных промыслов и частная торговля, предпринимались даже попытки выселения.

Еще в начале XIX в. глава Березовского округа Барташевич сочинил проект, касающийся действий по сохранению традиционного образа жизни инородцев. Предполагались высылка из Обдорска (главного центра обменного торгога) поселившихся там русских, бессрочный запрет на ловлю и скупку рыбы приезжим, полное пресечение продажи водки инородцам. Проект, по существу, ликвидировал частную торговлю с аборигенами: торговцы могли посещать Обдорск только с разрешения губернатора и после утверждения им цен при условии полной оплаты ясака и наличия соответствующей просьбы инородцев⁸.

Несмотря на Устав 1822 г., объявивший о свободной торговле, большинство местных чиновников по-прежнему негативно относились к своим предприимчивым соотечественникам. В 30—50-х годах заходила речь о полном выселении русских из Обдорска, Мужей и Кушеватского, поскольку эти селения возникли без согласия коренных обитателей. Дошло до того, что в 1851 г. березовское начальство приказало жителям Обдорска выехать со всем имуществом в места постоянной приписки, а чтобы поторопить упрямцев, приступило к разрушению домов и торговых складов. Спасло обдорян лишь вмешательство генерал-губернатора Гасфорта, письменно обратившегося к Николаю I. Императора убедили выводы Гасфорта (значение русских в товарообмене с инородцами и давность их проживания, будущая роль Обдорска в освоении Ледовитого океана), и он приказал оставить обдорян в покое⁹.

Окончательное мнение относительно права русских поселяться на принадлежащей аборигенам территории было изложено в постановлении администрации Западной Сибири от 1854 г. С одной стороны, прямо запрещалось самовольное переселение в "инородческие места", с другой — признавалось необходимым оставить там русских, поселившихся в минувшем столетии. Чтобы предотвратить их вытеснение через произвольное повышение арендной платы за используемые земли, была учреждена комиссия для разбора взаимных претензий. При сохранении раз-

ногласий о размере этой платы ее назначала администрация. 25 лет спустя было образовано Обдорское сельское (крестьянское) общество, и русские наконец стали законными жителями Обского Севера¹⁰. Численность постоянного русского населения продолжала расти в последующие десятилетия, но очень медленно. К 1907 г. на территории Березовского и Сургутского уездов проживало почти 29 тыс. инородцев, русских же — не более 5,5 тыс. чел., причем не менее половины приходилось на одноименные уездные города¹¹.

В последней трети XIX в. внимание администраторов переклонилося на другую группу новоселов — коми-ижемцев, по сословной принадлежности крестьян Печорского уезда Архангельской губернии. Часть динамичных выходцев их-за Урала обосновались в селениях Обдорск, Мужы, Саран-Паул и занялись торговлей; другие, издавна перенявшие у ненцев крупностадное оленеводство, кочевали по обдорской тундре. Первых не приписывали к русским крестьянским обществам и периодически высылали на родину; вторых вообще стремились изгнать из тундры как нежелательных конкурентов ненцам-оленьводам¹².

Важное место в инородческой политике занимало решение алкогольной проблемы. В царской России продажа водки (так называемого хлебного вина) была государственной монополией и одним из главных источников пополнения казны. Поэтому незаконная, тайная продажа вина нарушала финансовые интересы правительства, препятствуя регулярному сбору ясака и лишая казну налоговых отчислений. Кроме того, многие чиновники искренне желали уберечь северные народы от разрушающего воздействия алкоголя и выступали за всемерное ограничение доступа к нему ясачного населения.

Первоначально правительство вообще запрещало продажу водки инородцам, что было зафиксировано в Уставе 1822 г. В 1830 г. был запрещен ввоз к самоедам лекарств, настоянных на спирте. Но через три года последовало разрешение инородцам ввозить в свои стойбища вино как для собственного употребления, так и для перепродажи друг другу при сохранении запрета на официальную виноторговлю к северу от г. Березова. Это отступление от прежнего антиалкогольного курса было вызвано тем, что вино продолжало в большом количестве проникать на Север. Даже отдельные представители власти, не говоря уже о частных лицах, не могли удержаться от такого высокодоходного занятия, невзирая на административные и судебные репрессии. В конце 60-х годов березовский военно-окружной начальник Гинц распорядился об обязательном досмотре всех промысловых су-

дов, отправлявшихся в низовья, и конфискации “излишнего” (сверх необходимого для собственного потребления) вина¹³.

Ситуацию с тайной виноторговлей в 1864 г. обсуждал Главный Совет Управления Западной Сибири по докладу тобольского губернатора. Последний лично убедился, что мало кто из аборигенов пользуется правом покупки водки в “местах дозволенной продажи” — Березове, Сургуте и с. Кондинском. За них это делали мелкие русские торговцы (местные и приезжие), выменивавшие на меха водку “дурного качества” и по непомерно высокой цене. После напряженной дискуссии Главный Совет пошел на очередную уступку и легализовал продажу вина в тех населенных пунктах на севере Березовского округа, где преобладали русские, но за наличные деньги (которых у инородцев почти не было) и не во время традиционной зимней ярмарки с участием большинства коренных жителей¹⁴. Тем не менее незаконная продажа на ярмарке фальсифицированной и чрезвычайно дорогой водки продолжалась. Поэтому ведомство, собиравшее косвенные налоги, в 1871 г. обратилось к тобольскому губернатору с просьбой об открытии официальной виноторговли, чтобы сохранить здоровье инородцев и удовлетворить налоговые интересы государства¹⁵.

В конце концов администрация согласилась с этой просьбой. Спустя 18 лет в Обдорске на деньги местного сельского общества был основан кабак, где аборигены могли пить водку лучшего качества и за значительно более низкую цену. Но раньше ненцу или ханту требовалось не меньше чем полрубля, а теперь хватало и 10 копеек, — как следствие, усиление пьянства, появление виноторговли уже в тундре. Конечно, водка попадала в тундру и минуя обдорский кабак: появившееся к этому времени предприниматели из числа ненцев пораньше приезжали на ярмарку в Сургут, в огромных количествах закупали алкоголь и спешили навстречу соплеменникам, выменивая его с большой наценкой на оленей и пушнину. Встревоженные губернские власти в 1902 г. вновь ввели ограниченную винную монополию. Результат оказался прямо противоположным ожидаемому, поскольку часть алкоголя разрешалось продавать по свободной цене. Последняя сразу поднялась вдвое, что, разумеется, не остановило потребителей¹⁶.

Обязательной составляющей политики Российского государства по отношению к северным народам были меры по поддержанию их жизнеобеспечения: снабжение продовольствием и боеприпасами, помощь при стихийных бедствиях, охрана природных ресурсов и др. В XIX в. для большинства коренных жителей Обского Севера хлеб стал жизненно важным продуктом,

особенно в голодные годы. Его приобретали не только у частных торговцев, но и в принадлежавших государству инородческих "хлебозапасных магазинах", а точнее, складах. К началу XX в. на территории Березовского края действовало шесть подобных складов, в том числе в Обдорске. Мука отпускалась в долг как беспроцентная ссуда по фиксированной цене. Сроки выплаты были различными, но чаще растягивались на несколько лет. Долг возмещался мехами или деньгами. Формально порядок кредитования был сложным, на практике же все ссуды выдавались сразу, их оформляли в письменном виде задним числом.

Невзирая на естественные злоупотребления, бюрократизм, гигантские расстояния данная система помогала если не предотвращать массовый голод, то хотя бы смягчать его трагические последствия. Например, в 1911 г. в Западной Сибири был сильный неурожай. Однако магазины обеспечили постоянное хлебоснабжение, вполне удовлетворявшее потребности населения Обского Севера¹⁷. "Хлебозапасные магазины" выполняли еще одну функцию, чрезвычайно важную для аборигенного промыслового хозяйства: они снабжали в долг по умеренным, сравнительно с частной торговлей, ценам порохом и свинцом.

Предпринимались определенные шаги по оказанию помощи оленеводам, страдавшим от периодических эпизоотий. После массового падежа оленей на Ямале летом 1912 г. березовский исправник не ограничился распоряжением о срочной выдаче хлеба и развозе его по тундре, но ходатайствовал перед губернатором о денежной помощи пострадавшим для покупки оленей. Для изучения причин эпизоотий по распоряжению правительства и тобольского губернатора на Ямал в 1913 и 1915 гг. выезжали специалисты-ветеринары¹⁸.

Постоянное беспокойство сибирская администрация проявляла по поводу уменьшения запасов зверя и рыбы. В частности, еще в 1827 г. тобольский губернатор запретил распространенный на Севере промысел — разрушение лисьих и песцовых нор для поймки детенышей, их последующего вскармливания и забоя, поскольку подавляющее большинство детенышей погибает, а мех выживших малоценен. В 1896 г. глава Тобольской губернии в рапорте царю высказался за распространение на Сибирь закона об охоте, так как местные ее приемы вызывали постоянное уменьшение ценных зверей, а это могло привести к снижению уровня жизни северных инородцев. Неоднократно принимались и решения о сохранении рыбных запасов. Так, в 1879 г. Главный Совет Управления Западной Сибири обязал все власти строго следить за соблюдением закона о рыбном промысле, не допускать ловли самоловами, переметами, запорами, завалами и

сплошными сетями в устьях рек, использования сетей с мелкими ячейками и неводов, захватывающих больше половины ширины реки. В постановлении Главного Совета оговаривалось, что эти указания не относятся к коренным жителям¹⁹.

В итоге российская государственная власть не допустила разрушения аборигенных обществ Сибирского Севера. Главную роль при этом сыграли два взаимообусловленных обстоятельства: наличие сословно-родового самоуправления, основанного на обычае, и неукоснительное соблюдение (очень часто в ущерб русскому населению) права аборигенов на коллективное владение и пользование лесными и водными угодьями, исключавшего появление частной земельной собственности в районах их проживания. Даже пьянство, которому не мешали административные запреты, исчезало в бескрайних тундре и тайге, где практически весь год вдали от русских поселков пасли оленей, охотились и ловили рыбу коренные жители. Сохранению традиционных хозяйства и культуры способствовали регулирование колонизации, экономическая помощь, борьба со злоупотреблениями рыбопромышленников, торговцев и администраторов.

Политика в отношении северных инородцев — это частный случай принципиальной линии Российского государства в отношении большинства нерусского населения. Государство, как правило, не боялось многообразия, не добивалось унификации форм управления, хозяйства, социальной организации, культуры, почти всегда удовлетворяясь политической и финансовой лояльностью коренных народов.

Примечания

¹ См.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX—начало XX в.). — Иркутск, 1986. — С.74, 98.

² См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975. — С.255, 256.

³ См.: Абрамов Н. А. Описание Березовского края. — Шадринск, 1993. — С.21; ТФ ГАТО, ф.417, оп.1, д.403, л.14; ф.152, оп.2, д.56, л.2, 3.

⁴ См.: Дунин-Горкавич А. А. Справочная книжка Тобольской губернии. — Тобольск, 1906. — С.140.

⁵ См.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика... — С.121, 134.

⁶ См.: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX в. — Иркутск, 1983. — С.25.

⁷ ТФ ГАТО, ф.152, оп.40, д.297, л.3об. — 4; д.315, л.37 об. — 38; ф.417, оп.1, д.497, л.35 об.

⁸ См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь... — С.251.

⁹ См.: Сидоров М. Север России. — Спб., 1870. — С.206.

¹⁰ ТФ ГАТО, ф.47, оп.1, д.403, л.12, 13.

¹¹ См.: Дунин-Горкавич А. А. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1904 году. — Тобольск, 1906. — С.2, 4.

¹² См.: Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. — Спб., 1904. — С.124.

¹³ См.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. — Тобольск, 1909. — С.64; ТФ ГАТО, ф.152, оп.41, д.333, л.2 об.

¹⁴ ТФ ГАТО, ф.152, оп.41, д.327, л.25—29.

¹⁵ Там же, д.382, л.1, 2.

¹⁶ См.: Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. — Спб., 1896. — С.31, 32; Скалозубов Н. Л. От Тобольска до Обдорска: из путевого журнала // Ежегодник Тобольск. губерн. музея. 1906. — Тобольск, 1907. — Вып. XIV — С. 18; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север... — С.132, 136, 137.

¹⁷ См.: Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 год. — Тобольск, 1913. — С.47.

¹⁸ См.: Чеботарев А. Массовый падеж оленей на низовьях реки Оби летом 1915 года и характер их // Архив вет. наук. — 1916. — Кн.2. — С.188—204; ТФ ГАТО, ф.152, оп.40, д.497, л.1—2, 6—7 об.

¹⁹ См.: Маковецкий П. Северные архивы (отрывки) // Ежегодник Тобольск. губерн. музея. 1907. — Тобольск, 1907. — Вып. XVII. — С.5; ТФ ГАТО, ф.417, оп.5, д.1, л.2; ф.152, оп.41, д.370, л.2, 3 об., 12—14.

В. В. Галузо

БЕЛОРУСЫ СИБИРИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Появление в Сибири первых выходцев из Белоруссии отмечено в конце XVI в. Так, в Румянцевском летописце говорится, что в походе Ермака принимали участие до 300 чел. “литвы”¹. Д. Садовников считал, что эта “литва” была выкуплена Строгановыми из плена у ногайцев². Имеются предположения, что сподвижники Ермака Никита Пан и Черкас Александров были из “литвы”; Черкас Александров имел еще прозвище Корсак (по-белорусски — “ястреб”), характерное для полоцкой шляхты³. “Литва” принимала активное участие в закладке Тюмени (1583—1584 гг.), Тобольска (1587 г.), Сургута (1593 г.), а также в строительстве Тары (1594 г.), являвших собой первые шаги русских в глубь Азии⁴. В 1598 г. люди “литвы” участвовали в разгроме войск хана Кучума недалеко от современного Новосибирска⁵.

В Московском государстве “литвой” называли жителей многонационального Великого княжества Литовского, в котором государственным языком был белорусский, а белорусы составляли большинство населения. В 1569 г. Великое княжество Литовское объединилось с Польским королевством в федеративное государство — Речь Посполитую, с которым Московское государство до 1795 г. вело на территории Белоруссии затяжные войны.

Массовое переселение жителей Великого княжества Литовского в Сибирь отмечено в конце XVI и в XVII в. Московское правительство смотрело на ссылку в Сибирь как на средство заселения этого региона. П. Н. Бутинский изучил архивы Министерства иностранных дел и Министерства юстиции в Сибирском приказе, а также опубликованные исторические акты с 1593 до 1645 гг. и выявил до 650 чел. военнопленных, которые были в этот период “иманы на бою и в языцех”⁶. Среди них была и “литва”. Например, в грамоте от 4 января 1599 г. верхнетурскому воеводе сообщалось о том, что к нему послана большая группа опальных людей, среди которых есть и “литва” и что “быти им на Березове на житие и на службе”⁷.

Н. Н. Оглоблин пишет, что в именных “росписях” служилых из ссыльных в Сибирь фигурируют главным образом ссыльные группы “литвы” или “литовского списка”, «куда вносились белорусы, поляки, “черкасы”, немцы и пр.»⁸ Это были военнопленные (“вязни”, “языки”), взятые в затяжных войнах с Речью Посполитой. Так, в августе 1633 г. в Томск прислали большую группу “литовских людей”. Большинство новоприсланных были из Белоруссии — уроженцы “поветов” Мстиславского, Кричевского, Оршанского, Могилевского, Пропойского и др.⁹ Абсолютное большинство “литвы” — шляхтичи в дети боярские, казаки “литовского списка” — определялись на службу после принятия православия, остальные — в стрельцы. Они хорошо знали военное дело, грамоту и сразу же уравнивались в правах с остальными служилыми.

В Сибирь ссылались и литовские крестьяне, которые поступали в распоряжение землепашцев. Так, в 1617 г. в Томск послали три партии литовских “пахолков” (крестьян): в 60, 99 и 75 чел. — и всех их было велено “раздать папшенным крестьянам для папшенного науку”¹⁰. На протяжении всего XVII в. “служилая литва” составляла значительную долю всего служилого населения гарнизонов Сибири вплоть до Мангазеи, Енисейска, Якутска. В Томском гарнизоне их было от 10 до 20%¹¹, в Кузнецком — от 15 до 40%¹². В военной и политической истории Сибири XVII в. хорошо известны имена Богдана Аршинского (родом из Орши) и Якова Тухачевского (смоленский шляхтич).

Историки отмечают определенную роль служилых людей “литовского списка” в хозяйственном и культурном развитии Среднего Приобья. Они строили заимки, имели пашни. По атласу Ремизова 1701 г. Д. Н. Беликов на огромном пространстве Томско-Кузнецкого района насчитал 90 русских поселений¹³, среди которых были и поселения, основанные служилыми людьми “литовского списка”. Так, в Сосновском стане они основали

села Балахино, Гутово, Литвиново, Кругликово. В 1657 г. Юрий Ядловский руководил строительством Сосновского острога, в 1684 г. Юрий Соболевский — Уртамского, а в 1703 г. Алексей Кругликов — Умревинского. К концу первой четверти XVIII в. “литва” приняла активное участие в освоении около двух десятков деревень из 200 известных в Томском уезде и полностью слилась с русскими земледельцами¹⁴.

В XVIII в. царское правительство продолжало использовать военнопленных из Речи Посполитой для формирования в Сибири воинских подразделений. В 1744 г. в Тобольске по решению Сената были сформированы казачьи полки из служилых людей, в том числе из пленных “польских” конфедератов. В 1747 г. из этих частей сформировали драгунский полк и пехотный батальон, которые правительство отправило на Сибирскую и Колыванскую линии. В 1763 г. для охраны южных границ Сибири было сформировано несколько полков, в том числе из посадских людей, выведенных из Речи Посполитой. В 1764—1765 гг. началось массовое заселение Барабинской степи выходцами из Могилевской губернии. Это произошло после того, как царские войска в 1764 г. разорили район Ветки около Гомеля и вывели в Барабу до 20 тыс. так называемых “поляков”-староверов¹⁵. Если в 1763 г. в Каинском уезде насчитывалось 1992 мужских душ, то в 1782 г. все население Каинского уезда составляло 10245 мужчин¹⁶. В 1813 г. в Сибирь выслали более сотни польских пленных, участвовавших в походе Наполеона на Москву. Весной 1814 г. в Томске был раскрыт заговор польских военнопленных, находившихся под влиянием идей Великой французской революции¹⁷.

Подавление царским правительством белорусского национально-освободительного восстания 1830—1831 гг. и особенно восстания 1863—1864 гг. под руководством К.Калиновского сопровождалось массовым выселением белорусов в Сибирь. Так, в Сибири оказались уроженцы Белоруссии И. Огрызко, З. Мицейко (позже стал почетным гражданином Греции), А. Оскерко, Ф. Зенкович, Ю. Калиновский, С. Гриневский (отец писателя Александра Грина), К. Костровицкий (отец белорусского поэта К. Каганца, родившегося в Тобольске), художники А. Альхимович, Ю. Бергман, писатель А.Вериго-Даревский, ученые Б. Дыбовский (врач, зоолог), А. Вилькицкий (гидролог), И. Черский (геолог, палеонтолог, географ) и тысячи других. Переписью населения 1866 г. в Каинском округе зарегистрировано значительное число католиков обоего пола — 2440 чел.¹⁸ Появление столь большого количества католиков в Барабе организаторы переписи объясняли наплывом “поляков” на поселение после

последнего восстания. К категории “поляков” относили при этом не только этнических поляков, но и белорусов-католиков. Православных же белорусов смешивали с русскими.

В конце XIX столетия Белоруссия включилась в великое аграрное переселение. С 1896 по 1912 г. из Белоруссии в Сибирь добровольно мигрировали 716600 чел.¹⁹ По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Каинском округе в то время жило 1160 белорусов (0,62% населения), а в 1911 г. здесь было 1113 хозяйств (18%) выходцев из Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний²⁰. В 1914—1918 гг. из прифронтовых районов, в том числе из Белоруссии, в Томскую губернию прибыло около 200 тыс. беженцев²¹. Многие из них позднее вернулись на родину.

В 20—30-е годы отмечено массовое переселение жителей Белоруссии в Сибирь в связи с голодом и разрухой, продолжилось и аграрное переселение. Заселялись главным образом земли Барабинского и Новосибирского округов. По данным переписи населения 1926 г., в Барабинском округе проживало 25413 белорусов, а в Новосибирском — 37439. В Барабинском округе белорусы являлись преобладающим этническим компонентом в 56 населенных пунктах, в Новосибирском — в 121. За девять месяцев 1928—1929 гг. в Сибирь из Белоруссии переселились 51737 чел.²²

С середины 30-х годов и до 1941 г. характер миграции населения из Белоруссии в Сибирь изменился с аграрного на индустриальный в связи с промышленным и культурным развитием городов Сибири. В эти годы в Белоруссии сталинские репрессии особенно ударили по национальной интеллигенции. Так, в Новосибирской области отбывал ссылку белорусский поэт, драматург и прозаик Теодор Лебеда²³. Не по своей воле оказалась на Новосибирской земле весной 1940 г. белорусская поэтесса Н. Арсеньева. Просторы Барабы вдохновили ее написание стихотворения “Только весной бывает небо такое синее, только весной бывают дали такие чистые ...”²⁴. По данным переписи населения 1939 г., в тот период в Новосибирской области проживало 41713 белорусов²⁵.

На 1 декабря 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 141 тыс. эвакуированных из Белоруссии²⁶. Из Минска в Новосибирск эвакуировали драматический и еврейский театры. В то же время воины-сибиряки насмерть бились за Брестскую крепость, Оршу, Минск, прошли Белорусскую битву. Звания Героя Советского Союза были удостоены жители Новосибирской области белорусы А. А. Портянко, П. Д. Юрченко и др.

В послевоенные, а также в 50—80-е годы из Белоруссии продолжался отток населения в Сибирь в процессе депортаций, освоения целинных земель, в результате организованных наборов рабочих в промышленные районы, распределения выпускников вузов, техникумов, школ системы трудовых резервов, службы в Советской Армии, в процессе переселения пострадавших в Чернобыльской катастрофе и т.д.²⁷ По данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., в Новосибирской области проживало соответственно 11684, 12015, 11589 и 13137 белорусов, что в среднем составляло 0,5% от всего населения области²⁸. Данные микропереписи населения 1994 г. фиксируют убыль белорусов в структуре национального состава населения Новосибирской области на 25% по сравнению с данными переписи населения 1989 г. В настоящее время только 266 белорусов из тысячи считают своим родным языком белорусский и 27 из тысячи в домашнем быту общаются на белорусском языке²⁹. В то же время в тех селах Новосибирской области, где живут преимущественно выходцы из Белоруссии и их потомки, сохраняются особенности белорусского быта, белорусской народной культуры (фольклор, обряды и т.д.).

Сегодня белорусы Новосибирской области за тысячи верст от своего праотчества высоко поддерживают честь белоруса и Беларуси. Они гордятся своими земляками — Героем Социалистического Труда, почетным гражданином г. Новосибирска, академиком А. А. Трофимуком, безвременно ушедшим из жизни, теперь уже, к сожалению, бывшим Председателем Президиума СО РАН, Героем Социалистического Труда, почетным гражданином г. Новосибирска, академиком В. А. Коптюгом и многими другими.

В родной Беларуси идет национально-культурное возрождение. Беларусь не забывает своих сыновей и дочерей. В Минске прошли в 1992 г. собрание белорусов ближнего зарубежья и в 1993 г. Первый съезд белорусов мира, призвавшие всех белорусов к национальному объединению.

В июне 1995 г. в Новосибирске состоялась встреча белорусов Сибири (Омска, Томска, Новосибирска, Барнаула, Кемерово, Новокузнецка, Красноярска). Участники встречи приняли обращение к белорусам-сибирякам, в котором выразили беспокойство в связи с угасанием белорусской традиционной культуры в Сибири и призвали создавать свои культурно-просветительские объединения с целью изучения, освоения, возрождения, сохранения, распространения и развития белорусской культуры в Сибири. Расширяется и активизирует работу новосибирское культурно-просветительское общество "Белорусы Сибири",

зарегистрированное в 1994 г. Белорусы-сибиряки постигают свои корни, изучают белорусскую историю, культуру и язык. Они приобщают к этим знаниям своих детей, внуков, воспитывают у них любовь и уважение к Сибирской земле и земле своих предков.

Примечания

¹ См.: Румянцевский летописец: Вид А // Полное собрание русских летописей. — М., 1987. — Т.36, ч.1. — С. 32.

² См.: Садовников Д. Наши землепроходцы: Рассказы о заселении Сибири (1581—1712). — М., 1905. — С.18.

³ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1986. — С. 179; Бузукашвили М. И. Ермак. — М., 1989. — С. 65; Ромодановская Е. К. Погодинский летописец // Сибирское источниковедение и археология. — Новосибирск, 1980. — С. 58.

⁴ См.: Катанаяв Г. Е. Западно-сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. — СПб., 1909. — С.4, 66.

⁵ См.: Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1882 гг.) — Сургут, 1993. — С. 32,50.

⁶ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1889. — С. 198.

⁷ Лещенко Г. Ф. Белорусы — переселенцы в Сибири (конец XVI—XVII в.) // Весті Академії наук БССР. Сер. грамад. наук. — 1982. — №5. — С. 75—82.

⁸ Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). — М., 1895. — Ч.1. — С. 132.

⁹ См.: Оглоблин Н. Н. Заговор Томской “литвы” в 1634 г. — Киев, 1894. — С. 7.

¹⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири... — С. 200.

¹¹ См.: Люцидарская А. А. Старожилы Сибири: историко-этнические очерки XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1992. — С. 56.

¹² См.: Васильевский Р. С., Резун Д. Я. Воспитание историей. — Новосибирск, 1987. — С. 68; Резун Д. Я. “Литва” кузнецкого острога XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. — Екатеринбург, 1993. — С. 37—45.

¹³ См.: Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. — Томск, 1898. — С. 15.

¹⁴ См.: Емельянов Н. Ф. Томские служилые люди “литва” в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. — Томск, 1982. — С. 34—42.

¹⁵ См.: Бояршинова З. Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России // Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху. — Томск, 1967. — С. 58.

¹⁶ См.: Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. — Омск, 1973. — С. 257.

¹⁷ См.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Л., 1968. — Т.2. — С. 455.

¹⁸ См.: Томская губерния. — СПб., 1868. — С. 72,73,79.

¹⁹ См.: Белорусская Советская Энциклопедия. — Минск, 1973. — Т.7. — С. 170.

²⁰ См.: Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. — СПб., 1904. — Т.79. — С. 12.; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. — Томск, 1913. — Вып. 2. — С.44.

²¹ См.: Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. — Новосибирск,

1992. — С. 84—101.

²² См.: *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* — М., 1930. — Т.40. — С. 121; *Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925—1927 гг.* — Новосибирск, 1930. — С. 12; *Список населенных мест Сибирского края.* — Новосибирск, 1928. — Т.1. — С. 241—315, 421—540.

²³ См.: Чыгрын С. “Севоння я надоуга ад’яжджаю // Літаратура і мастацтва. — 1993. — № 38. — С.16.

²⁴ Арсеньева Н. У казахстанскай ссылцы // Беларусь. — 1993. — №6. — С.22—23.

²⁵ См.: *Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги.* — М., 1992. — С.63.

²⁶ См.: Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. — Новосибирск, 1986. — С.147.

²⁷ См.: Пешкова А. И. Миграция населения Белорусской ССР: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — Ростов-н/Д, 1968; Матюнин С. В. Расселение белорусов: опыт этнодемографического исследования: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — СПб., 1991.

²⁸ См.: *Население Новосибирской области: по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1979 г.* — Новосибирск, 1979. — С.78; *Национальный состав населения Новосибирской области (1989 г.).* — Новосибирск, 1990. — С.6.

²⁹ См.: *Национальный состав населения Новосибирской области: по данным микропереписи населения 1994 г.* — Новосибирск, 1995. — С.3,16,19

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

А. К. Черненко

ПРАВО В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭТНОСА¹

Проблема использования права, законодательства при создании системы этносоциальной устойчивости имеет общий и специальный аспекты. Оба они пока не нашли научного осмысления в юридической и социологической литературе. Первый аспект имеет общетеоретическое звучание. Его смысл состоит в новом, нетрадиционном понимании сущности права и статуса этой сущности сквозь призму устойчивого развития. Второй аспект имеет как бы прикладной характер, поскольку речь идет о трансформации общетеоретических установок применительно к этносоциальному развитию. Кратко рассмотрим оба эти аспекта.

Первый аспект. Проблема права с точки зрения его роли в концепции устойчивого развития (в наши дни она является ведущей концепцией для решения цивилизационных задач общества) в отечественной и зарубежной литературе мало исследована. Между тем принципиальная необходимость такого анализа очевидна. В этой связи достаточно сослаться на результаты международной экспертизы, проведенной на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (июнь 1992 г.). Главный вывод конференции: цивилизация в своем развитии вышла на стадию острого конфликта с природой, окружающей средой, которая уже не в состоянии выдержать разрушительное воздействие на нее человека. Конференцией предложен единственно возможный сегодня выход. Суть его в следующем: цивилизация имеет будущее, если сможет перейти на рельсы устойчивого развития, и она не имеет будущего, если не найдет в себе сил и разума выйти на этот вариант развития. Здесь следует добавить, что вариант устойчивого развития может стать реальностью в том случае, если это развитие приобретет адекватное ему правовое поле, а следовательно, защитит себя не только экономически, политически, но и юридически.

Правда, в полной мере данная связь будет раскрыта только тогда, когда мы сможем отказаться от ряда стереотипов в определении права и будем рассматривать качественно новое функциональное действие правового поля.

В отечественной социологической и правоведческой литературе принято определение права как совокупности правовых норм, обеспеченных принуждением государства. Как известно, данное определение права выдвинуто кельзеновской нормативистской школой и, несмотря на его критику, продолжает использоваться не только российским, но и зарубежными юристами. Спрашивается, можно ли, опираясь на приведенное нормативистское толкование права, выйти на его функцию как регулятора устойчивого развития общества? По большому счету, нельзя. Определяя право как совокупность правил поведения, норм, мы смешиваем его сущность с государственной формой, типом политического режима. Но тогда правом могут считаться и законы фашистской Германии, и, скажем, законодательство государства, которое строит свою политику на социальной напряженности, на конфликтах между ветвями власти. Иначе говоря, нормативистская трактовка права может в равной мере обуславливать как устойчивость, так и неустойчивость социального развития, как выход из глобальной экологической проблемы человечества, так и, напротив ее обострение.

Иная картина раскрывается перед нами, когда определение права включает в себя представление об объективных потребностях общественного развития, когда в качестве важнейшего требования выступает система интересов жизнедеятельности нации и человечества в целом. В этом случае право — не формально-абстрактная совокупность законов, а сама жизнь, система ее самосохранения и устойчивости. Такое право не может выступать “регулятором” дисбаланса и социальной конфликтности, оно не является правом фашистской диктатуры или любой иной диктатуры, направленной на узурпацию интересов нации и человека. Следует заметить, что определение права с помощью этих объективных критериев все увереннее прокладывает себе дорогу в нашей юридической литературе². Особый смысл оно приобретает в связи с разработкой механизма устойчивости социальной популяции на пороге третьего тысячелетия. Основной принцип при этом формулируется так: право есть то, что соответствует устойчивому развитию человечества, и наоборот, не может считаться правом то, что закрепляет дисбаланс между природой и потребностями человека, что ведет к гибели человечества.

В этой связи интересен анализ правовой базы конференции, состоявшейся в Рио-де-Жанейро. Если попытаться дать общую оценку, то следует сказать, что здесь есть серьезное движение вперед в разработке технических и организационно-правовых средств решения экологических проблем. Не давая полного ана-

лиза правовых документов, остановимся лишь на вопросах, касающихся предмета нашего исследования. Многие решения близки к многостороннему международному соглашению. Это, в частности, относится к долгосрочной программе действий в глобальном масштабе — “Повестке дня на XXI в.”

Международная правовая программа этого документа ориентирована на развитие международного права с точки зрения устойчивого развития, т.е. на обеспечение должного баланса между приоритетами охраны окружающей среды и потребностями развития. При этом предусматривается корректировка существующих международно-правовых документов и соглашений в области охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется трансформации норм международного права и мерам по предотвращению крупномасштабного разрушения окружающей среды во время военных конфликтов, определены меры по обеспечению безопасного и экологически обоснованного использования ядерной энергии, разработаны механизмы регулирования международных конфликтов по вопросам защиты окружающей среды и развития. Предусматриваются правовые документы по введению международных стандартов в области охраны окружающей среды, которые учитывали бы различные ситуации, складывающиеся в отдельных странах, и имеющиеся у этих стран возможности.

Изложенное понимание права раскрывает объективный критерий его сущности, что, как мы видим, имеет важнейшее значение для определения роли и места права в системе факторов устойчивого социального развития, ибо оно не являет собой произвольное формирование законов, а строго соответствует объективным закономерностям развития общечеловеческих правовых ценностей, их устойчивости.

Далее, право не только в силу объективной логики, но и по своей внутренней природе несет в себе заряд устойчивости и стабильности социального развития. Такое понимание существенных черт права выходит за рамки узконормативистской концепции. В данном случае право определяется более общими критериями: справедливостью, свободой, равенством. Следует сказать, что эти критерии права использовала еще античная философско-правовая школа. Согласно их логике право истинно лишь в том случае, когда оно адекватно базируется на понятиях равенства, справедливости и свободы, т.е. критериях, которые по своей социальной и философской функции отражают глубинные процессы общественного мироздания с позиций его устойчивости, бесконфликтности.

Связь права и устойчивого развития проходит и по линии принципов права, как одной из составляющих его определения. Это особенно рельефно выражено в принципе равноправия. Принцип равноправия отражает требование, чтобы право изрекало свои приговоры невзирая на лица, т.е. независимо от класса, расы, национальности, социального положения, ибо граждане общества равны перед законом. Соблюдение указанного требования — гарантия устойчивого развития общества, условие формирования цивилизованной формы его существования.

Проведенный нами краткий анализ связи права и устойчивого развития имеет важнейшее значение для определения сущности и функций правового государства, иных реалий современности.

Второй аспект. Рассмотрим проблему сферы действия права в рамках этнических общественно-государственных образований, в частности автономий Сибири. Эту проблему можно обозначить и как проблему адаптации федерального законодательства (и в целом права) применительно к этническим реалиям. Действие механизма адаптации, как нам представляется, есть один из важнейших путей формирования устойчивой правовой базы в современных условиях.

В настоящее время в российском праве сложилась совершенно необычная ситуация. С одной стороны, наблюдается стремление выйти на международный уровень правового обеспечения социально-политических процессов, происходящих в стране — осмыслить и осознать такие ключевые позиции, как правовое государство, правовая личность, эффективность и рациональность правового регулирования и его равновеликий статус по сравнению с иными правовыми регуляторами. С другой стороны, идет разрушение устоявшейся правовой системы и связанной с ней формы правового адаптирования. Общесоюзное законодательство в основном перестало действовать. Республиканское законодательство, в своей основе механически повторяющее общесоюзное, оказалось неприемлемым для реформирования экономических, политических и национальных отношений. Несмотря на энергичное правотворчество, законодатели России за прошедшее время не смогли сформировать новую правовую систему, и тем более разработать механизм ее реализации. Многие законы, принятые на федеральном уровне, в той или иной части противоречат друг другу, страдают отсутствием “адаптационного механизма” правоприменения. Все это негативно сказалось на правоприменительной практике, породило беззаконие, повлекло за собой неустойчивость государственной

и общественной жизни, обусловило социальную незащищенность граждан, особенно тех категорий, которые оказались наиболее уязвимыми и беззащитными в условиях стремительного разрушения системы государственного протекционизма и отсутствия какой-либо иной надежной системы. При этом особенно пострадали малочисленные народы Севера, проживающие в основном в автономиях.

Что касается специфической основы правовой адаптации применительно к автономии, то в этом качестве выступает прежде всего система самоуправления, включенная в систему демократии. Анализ показывает, что сегодня феномены самоуправления и демократии в политике и управлении нередко связаны только внешне, причем самоуправление часто занимает периферийное место по отношению к демократии. Об этом говорят, в частности такие факты, как затянутость разработки основ самоуправления, предусмотренных Федеративным договором, неясность механизма разграничения прав и полномочий между субъектами власти и управления, отсутствие четкого адаптационного механизма применения законодательства Российской Федерации на уровне края, области, автономного округа и т.д. Все это не могло не сказаться и сказывается на ситуации в обществе, являясь одним из источников политической и психологической нестабильности, вызывая конфликты между субъектами федерации, в конечном счете, ставя под удар развитие демократических начал.

Сложившаяся ситуация убедительно свидетельствует о необходимости и важности разработки системы адаптации федеративного законодательства применительно к автономии. О такой необходимости заявляют главы администраций автономий. Они считают, что создание адаптационного механизма применения общифедерального законодательства — одна из первоочередных задач правового обеспечения возрождения народов Сибири.

Выделим принципиальные основы (принципы) адаптации федеративного законодательства применительно к правовой структуре автономного округа.

В качестве первой принципиальной основы, или принципа, адаптации можно назвать *принцип целостности и непротиворечивости* федеративного законодательства и правовых институтов автономии. Принцип целостности не предполагает механическое сложение самостоятельных и независимых друг от друга уровней законов и подзаконных актов и соответствующих им механизмов реализации, скажем, правовой базы республики, края и автономии. Здесь не подходит принцип правового су-

веренитета, т.е. независимости. Принцип целостности не является и повторением прежней правовой системы, где целостность права отождествлялась с унифицированным и жестко централизованным характером общесоюзного законодательства и соответствующего ему способа правоприменения. В основе адаптации законодательной базы России должен лежать методологический принцип взаимодействия общего, особенного и единичного, где общее не поглощает качественные характеристики особенного и единичного, а напротив, дает им возможность развиваться в рамках общих, принципиальных положений законодательной базы федерации. В данном случае особенное и единичное законодательство (скажем, правотворческая база республики, края и автономии) не вступает в противоречие с общефедеративным законодательством, а служит важнейшим каналом развития и обогащения последнего и вместе с тем существует одновременно с ним как специфический уровень единой правовой системы.

Анализ проблем адаптации федеративного законодательства применительно к автономии, в частности реализации принципа целостности, имеет внутреннюю связь и взаимообусловленность с проблемами самоуправления. Можно сказать, что если не будет создана система самоуправления на уровне автономии, то и система адаптации останется пустой декларацией. Здесь особую роль играют два принципиальных условия, которые необходимы для реализации системы адаптации на практике.

Первое условие — это *создание четырехуровневой правовой системы*, т.е. четырехуровневой системы правотворчества и правоприменения (частично такая система уже создана). Первый ее уровень определяется статусом первичной общности, этнического коллектива. На этом уровне механизм самоуправления реализуется непосредственно каждым конкретным человеком с учетом его личных качеств и интересов в рамках прав и полномочий, предоставленных этнической общности. Второй уровень — это самоуправление в границах автономного округа, в рамках делегированных ему и сформулированных им прав и полномочий.

В соответствии с этими уровнями самоуправление на территории округа осуществляется (1) самим населением через собрания, сходы граждан, местные референдумы, иные формы непосредственной демократии; (2) местными представительными органами власти и местной администрацией (городского, районного, сельского, поселкового звеньев); (3) органами территориального общественного самоуправления. В осуществлении местного самоуправления участвуют общественные

объединения граждан, созданные в установленном законом порядке.

Третий уровень — краевой (областной) с присущей ему системой прав и полномочий. На этом уровне обеспечиваются потребности автономии, осуществляется координация социально-экономического развития как целостного процесса. Четвертый уровень — федеральный.

Каждый территориальный уровень управления входит в общую систему не как арифметическое слагаемое наряду с другими "этажами" власти и управления, а как качественный уровень, с только ему присущим правовым статусом. Такой подход и созданная на его основе система позволяют преодолеть две имеющиеся сегодня крайности: с одной стороны, дают возможность избежать самоуправления, которое лишь на словах является таковым, а на деле централизовано, с другой — предотвращают распад функционирования всей системы федерального управления, сепаратизм. Они дают всей системе управления и, главное, отдельным ее уровням импульс к саморазвитию (каждый уровень — звено общей цепи самоуправления), одновременно освобождая их как от диктата административно-командного управления, так и от жесткой патерналистской политики.

Этот принцип предполагает реформирование правовой базы, создание собственных (на уровне автономии) структур управления. Особенно это относится к ключевым моментам жизнедеятельности народов Севера, и одним из них является использование природных ресурсов территорий. С учетом этого целесообразно создание новой правовой и структурно-управленческой базы. Такой подход помогает выйти на новый тип федерации, базирующийся на диалектической взаимосвязи централизованного и децентрализованного типов управления, что, в свою очередь, придает устойчивость развитию каждого субъекта федерации и демократических процессов в целом.

Второе принципиальное условие адаптации федеративного законодательства применительно к автономии — *обеспечение правовой самоопределенности и самостоятельности автономии*. Речь идет о системе полномочий, закрепляющих право автономии на собственное правотворчество и законодательство в рамках полномочий федерации. В этом случае возникает предмет адаптации, ее фактическая основа. При таких полномочиях автономия относительно самостоятельна не только в социально-экономической сфере самоуправления, но и в сфере законодательной, правотворческой. Самоуправление такого типа предполагает реализацию следующих основных принципов и направлений деятельности:

конституционность и законность;
демократизм и социальная справедливость;
первоочередная защита прав и интересов человека, личности, гражданина;

равенство всех живущих на территории автономии граждан Российской Федерации перед законом и судом;

оптимальное сочетание личностных, национальных, государственных и общественных ценностей и интересов;

свободное волеизъявление граждан автономии при выборе форм своего самоопределения;

свобода национального развития каждой населяющей автономию народности, национальной, этнической группы на основе взаимного уважения и доверия;

учет мест компактного проживания аборигенного и коренного населения при формировании административно-территориального устройства автономии и государственно-правовых структур.

Существенное место занимает *право территориального верховенства*. Автономный округ имеет свою территорию и определяет собственное административно-территориальное деление. Границы округа не могут изменяться без его согласия. Согласие считается полученным, если за изменение проголосует не менее двух третей депутатов окружного законодательного органа.

В качестве второй принципиальной основы, или принципа, адаптации федеративного законодательства применительно к автономии выступают положения правовой технологии. Следует сказать, что в нашей социально-философской и юридической литературе проблемы *правовой технологии* не разработаны. Общие концептуальные положения социальной технологии получили свое освещение на Западе, прежде всего в работах неопозитивистов, в частности К. Поппера. В то же время специальные проблемы, которые рассматриваем мы, в западной литературе не освещаются. Иначе говоря, это новая проблема.

Что же дают положения правовой технологии, ее принципы и способы реализации? Прежде всего, применение правовой технологии позволяет по-новому подойти к проблеме правовой адаптации. Если принцип целостности дает возможность раскрыть внутреннюю логику цивилизованной формы адаптации, то применение правовой технологии, ее принципов показывает, как, каким образом в конкретном национально-государственном образовании проявляется эта логика. Предметом действия правовой технологии является не исторический процесс в целом, а микросреда. В нашем случае в качестве такой среды выступают

автономия, жизнедеятельность коренных малочисленных народов, их этнические, социально-экономические и правовые особенности. Социально-экономическая ситуация и жизнедеятельность Российской Федерации выступают здесь в качестве макросреды.

Такой подход позволяет сосредоточить внимание не на общедепартаментальном законодательстве, механизме его реализации, а на правотворчестве, законодательных и подзаконных актах автономии. Первостепенной задачей становится обеспечение эффективности автономного поля правового действия. Скажем, в данном случае нас интересуют не природа и происхождение департаментального законодательства по вопросам правоохранения, а эффективность правовых норм на территории автономии и соответственно разработка мер и внесение предложений по совершенствованию правоохранительной деятельности на территории автономии. Все это и есть приемы и способы адаптации департаментального законодательства, регламентирующего правоохранение применительно к условиям автономного округа.

Правовая технология как механизм адаптации департаментального законодательства применительно к автономии содержит ряд принципов, которые позволяют полнее представить ее значение и роль в концепции адаптации. Такими принципами являются

— *принцип активности правовых институтов автономии* (эти институты, естественно, базируются на общедепартаментальном законодательстве, адаптированном к специфике автономии). Реализация этого принципа позволяет ввести право в активную зону действия, исключив из него идеологию, предотвратив вмешательство в него чиновников и т.д.;

— *принцип непосредственного единства субъективного и объективного*. В данном случае удовлетворяется требование всемерного учета (в формировании и осуществлении правотворчества и в правоприменении) этнических особенностей, объективной и субъективной специфики конкретной автономии, причем именно той специфики которая сложилась на момент правоприменения. Этот принцип обеспечивает адекватные формы действия права, позволяет значительно повысить эффективность правовой адаптации;

— *принцип поэтапности, постепенности совершенствования и изменения правовых структур*. Этот принцип позволяет снять иррациональность права в целом и департаментального законодательства в частности. При постепенном и поэтапном изменении народы, проживающие в автономии, успевают осознать эти изменения, заранее подготовиться к ним, т.е. адаптироваться, приспособиться к своей новой роли в правовом поле.

Применение правовых технологий как механизма правовой адаптации позволяет сформировать у малочисленных народов уверенность в том, что любые изменения в законодательстве не несут с собой нежелательных, а то и просто разрушительных последствий, но, напротив, придают устойчивость жизни и развитию автономий.

Концепция адаптации федерального законодательства применительно к автономии должна учитывать не только отечественные, но и международные реалии, т.е. одним из важнейших ее аспектов является адаптация в рамках не только российского, но и международного законодательства. Прежде всего речь идет об опыте, который складывается за рубежом в области правового регулирования жизнедеятельности малочисленных народов. Проведенный анализ международных правовых систем по интересующему нас вопросу показал, что в этом плане наиболее интересны для нас правовые институты Канады.

Разрабатывая данное направление, мы перевели на русский язык правовой акт, который называется "Принципиальное соглашение между инуитами Нунавутской населенной зоны в лице Тунгавикской Федерации инуитов и Ее Величеством Королевой Канады". Этот документ имеет важное значение в плане возможного использования отдельных его положений при совершенствовании правовой базы автономии в целом, и особенно при создании современной, на уровне мировых стандартов системы механизмов адаптации федерального законодательства к правовой базе автономии.

Основные достоинства данного соглашения, которые следовало бы учесть в отечественной практике, таковы:

обеспечено комплексное, системное решение всех вопросов как с точки зрения сфер жизнедеятельности инуитов, так и в плане проработки правовых документов;

главенствующим принципом соглашения являются договорные отношения между различными уровнями власти и управления;

имеется четкая и последовательная технологическая база правоприменения;

тщательно проработана система взаимной ответственности всех юридических лиц — участников соглашения.

Можно сказать, что по всем этим направлениям соглашение заметно превосходит многие отечественные правовые документы и заложенные в них элементы адаптации.

Проведенный анализ проблем адаптации федеративного законодательства применительно к автономии дает возможность впервые в нашей юридической и социально-философской ли-

тературе сформулировать основные положения соответствующей концепции. Эта концепция позволяет рассматривать социально-правовую ситуацию как объективную основу действия адаптации; выявить ключевой фактор, раскрывающий суть специфики адаптации законодательства применительно к автономным образованиям; раскрыть основные принципы и механизм адаптации. Все это представляет собой определенную теоретическую и технологическую базу для трансформации федерального законодательства и может способствовать совершенствованию права как регулятора устойчивости жизни народов автономий, прежде всего малочисленных этносов, развитию их правосознания и правовой культуры, а право превращает в мощный инструмент защиты народов от чрезмерного воздействия различных внешних явлений, разрушающих их традиции, быт, экономику.

Вместе с тем, учитывая новизну данной проблемы для нашей юридической, философско-правовой и социологической науки, следует продолжить ее анализ и тем самым создать теоретический и правовой задел для дальнейшего совершенствования законодательства автономий, превращения его в эффективный инструмент действия местной власти и управления.

Примечания

¹ Публикация осуществляется благодаря содействию РГНФ по проекту "Правовые технологии устойчивого социального развития", проект № 95-06-17702

² См.: Кудрявцев В. Н., Керимов Д. А. Право и государство: опыт философско-правового анализа. — М., 1993. — С.5.

И. А. Кравец

КОНСТИТУЦИЯ И ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Российская государственность в современный период обретает новый конституционный статус, связанный с демократизацией и федерализацией государственной власти, повышением правового положения краев и областей до статуса субъектов федерации, принятием последними конституций и уставов, переходом от декларации принципа местного самоуправления как основы конституционного строя к его институционализации через систему представительных органов власти на местах.

Конституция РФ 1993 г. опирается на принцип, согласно которому власть принадлежит всему многонациональному народу, народ провозглашается источником власти и носителем суверенитета. Однако именно полиэтнический состав населения способствует возникновению национальных конфликтов, коренящихся в игнорировании подлинных интересов народов, населяющих Российскую Федерацию, их традиционного образа жизни, ценностей и обычаев, в умалении их законного права на самоопределение в социально-политической и социально-культурной сферах.

Возникает вопрос: насколько Конституция и демократический строй позволяют разрешать национальные конфликты, сохраняя государственную целостность Российской Федерации? Не менее важна и проблема превентивного действия конституционных норм, обеспечивающих не только территориальную целостность государства, но и реализацию права различных наций и народностей, проживающих на его территории, на самоопределение. Эта проблема особенно актуальна в регионах современной России, таких как Западная и Восточная Сибирь, где большой удельный вес национальных республик при видовом многообразии субъектов федерации.

Вместе с тем в международной практике выработаны цивилизованные границы осуществления права на самоопределение, закрепленные в нормах международного права. Их учет, возможно, будет способствовать правильному пониманию пределов национально-государственного строительства, которое в России сопряжено с необходимостью сохранить целостность государственной территории и одновременным стремлением народов, ее населяющих, к самоопределению.

Российский федерализм с момента своего правового оформления и на протяжении существования РСФСР развивался на основе реализации права народов на самоопределение. Однако "принцип построения РСФСР как федерации, основанной на автономии ее субъектов, не обеспечивал собственной государственно-правовой формы организации русской нации в Российской Федерации"¹. Предпринималась попытка обосновать правосубъектность русской нации в составе федерации через концепцию признания федерации на базе автономии в качестве особой формы союзного государства. Эта концепция была выдвинута А. И. Кимом. РСФСР в ней рассматривалась, подобно другим союзным республикам с автономными единицами в своем составе, как федеративный союз наций, составляющих автономные образования, с основной нацией союзной республики. В этом случае русская нация, расселенная по всей территории

РСФСР и смежная со всеми национально-государственными образованиями, выступала особым субъектом федерации². Такая попытка оправдать асимметричный характер федеративного устройства базировалась на подмене государственно-правовых категорий этническими и была своеобразной трансформацией теории "вмещающего" этноса.

Фактически право народов, проживающих на территории РСФСР, на самоопределение применялось избирательно. Русский народ в составе многонационального государства не был институционализирован ни на уровне федерального представительства, ни на местах, где края и области рассматривались как административно-территориальные единицы, входящие в состав России на унитарных началах. Конституция РФ 1993 г., признавая за краями и областями статус субъектов федерации, предоставляет каждому субъекту федерации, независимо от видового многообразия, право равного представительства в федеральной палате российского парламента (по два представителя в Совете Федерации).

Современное конституционное развитие федеративных отношений в России протекает в условиях существования двух типов субъектов федерации: национально-государственного (республики, автономные области, автономные округа) и территориально-государственного (края, области, города федерального значения). При этом реализация права народов на самоопределение связывается только с национально-государственным, а не территориально-государственным строительством. Такая тенденция прослеживается в характере принимаемых республиками конституций.

Вместе с тем конституционные новшества сосуществуют с чертами преемственности федеративного опыта РСФСР и СССР в новых социально-политических и социально-экономических условиях. Принцип самоопределения народов, доминировавший при возникновении и развитии России как федеративного государства, трансформируется в преамбуле Конституции РФ, выступая одновременно одним из конституционных принципов политико-территориального устройства России.

Конституция РФ принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., "исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов". Это положение закреплено в преамбуле Конституции РФ. Вместе с тем право на самоопределение не имеет развернутого определения в конституционных нормах. В литературе оно характеризуется иногда как конституционное право человека, как норма конституционного права³.

Исторически при своем возникновении и развитии конституционное право регламентировало индивидуальные права человека и обеспечивало их защиту, тогда как право на самоопределение является коллективным и его осуществление возможно в результате изъявления коллективной воли народа. Принадлежа к третьему поколению прав человека, оно не встречается ни в старейшей писаной федеративной конституции — Конституции США 1787 г., ни в Конституции Швейцарии 1874 г., ни в Основном законе ФРГ 1949 г.

Опыт конституционного развития большинства зарубежных стран и в XVIII, и в XIX, и в XX в. (за исключением Индии, где использовался лингвистический принцип, и Бельгии, где в 1993 г. был применен национально-территориальный принцип) свидетельствует о том, что право на самоопределение не использовалось как доминирующий принцип при построении федераций, а генезис их государственного устройства не связан с его реализацией. В западном государствоведении федерация не рассматривалась как способ решения национального вопроса. Федеративное строительство было скорее территориальным разделением властей в едином союзном государстве.

Однако при полиэтническом составе населения подход к формированию федеративного государства не может опираться на национальную самобытность как единственный фактор государственного строительства. Территориальный подход может быть применен, если он учитывает совокупность разнообразных факторов, обусловленных спецификой географического положения, социально-экономических и историко-политических условий развития регионов. В литературе он называется комплексно-территориальным. В перспективе этот подход может быть использован в России, где многие нации находятся в процессе становления, а размежевание территории с помощью "этнических перегородок" ведет к отчуждению народов⁴

Вряд ли можно утверждать, что федеративное строительство, опирающееся на территориально-государственные образования, игнорирует коллективные права меньшинств по численности и компактно проживающих этносов. Осуществление этих прав связано скорее не с государственной и территориальной суверенизацией, а с кооперацией и сотрудничеством этнически неоднородных групп между собой. Вместе с тем абсолютизация этнического фактора способствует не столько построению и устойчивому функционированию федеративных государственных структур, сколько развитию деструктивных тенденций в государстве и обществе, сокращению шансов федерализации российской государственности, питает почву для национальных

конфликтов. Сосуществование в конституционной системе России двух типов субъектов федерации: национально-государственного и территориально-государственного, — при которых только с первым связывается реализация права на самоопределение, объективно закладывает основание для соперничества различных регионов России за реальный объем собственных полномочий, за выравнивание их правового статуса.

Конституции различных государств к перечню конституционных прав и свобод не относят право народов на самоопределение, хотя возникновение и развитие конституционализма в XVIII—XIX вв. базировались на провозглашении принципа национального суверенитета⁵. Доктрина национального самоопределения, возникшая в XVIII в. и служившая стимулом для демократизации общественной и государственной жизни, защиты “нации” от политического деспотизма монархов в современной Европе пересматривается. Возрождение этой доктрины в новых условиях требует “ее фундаментального переосмысления, более комплексного понимания связей между национальной идентификацией и национализмом, а также большей ясности в отношении природы демократических процессов”⁶. В современной России национальное самоопределение интерпретируется как право народов, проживающих на ее территории, на самоопределение. Причем самоопределяется прежде всего титульная нация, дающая название республике, входящей в состав России. Реализация права на самоопределение выражается в принятии республиками собственных конституций, формировании представительных и исполнительных органов государственной власти, создании собственной правовой системы.

Многоязычный состав населения Российской Федерации, расселенного и перемешанного по всей ее территории, по видимому, не позволит осуществить государственное строительство по принципу “одна нация — одно государство”, и в частности применительно к республикам. В принимаемых республиками конституциях источником власти признаются граждане всех национальностей. При различии конкретных формулировок носителем суверенитета провозглашается весь народ той или иной республики, а не только титульная нация. Процесс конституционного развития республик наполняет конкретным содержанием реализацию права народов на самоопределение, и это право, обладая коллективным характером, потенциально содержит в себе большую опасность использования его в подогревании сепаратистских тенденций на территории России. Ставшее препятствием для существования единых СССР, Югославии, Чехословакии, оно всегда находится в резерве борцов за националь-

ную независимость от колониального гнета или против имперских устремлений. Самоопределение народов, имея глубокий позитивный смысл национальной независимости, не должно осуществляться ни за счет индивидуальных прав конкретных граждан (например, права на жизнь, на личную неприкосновенность, на достойный уровень жизни и др.), ни в нарушение общепризнанных норм международного права. Оно должно рассматриваться как оптимальное условие для реализации всей совокупности прав человека независимо от его этнических особенностей.

Право народов на самоопределение, несмотря на то что непосредственно не закрепляется конституционным правом зарубежных стран, имеет международно-правовой статус. Впрочем, новейшие конституции, к числу которых относится Конституция РФ 1993 г., в своих текстах содержат указание на то, что общепризнанные принципы и нормы международного права составляют часть права страны. Так, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ гласит: "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы". Поэтому право народов на самоопределение, будучи общепризнанной нормой международного права, является составной частью правовой системы России. Его осуществление на территории России должно соответствовать международно-правовым нормам.

Международно-правовой статус этого права отражает, с одной стороны, его наднациональный характер, а с другой — факт более позднего возникновения по сравнению с типичным перечнем конституционных прав, включающим права человека первых двух поколений. Право это, предполагая "внешнюю" и "внутреннюю" сторону самоопределения, является сложносоставным и включает два взаимосвязанных и взаимозависимых права: *во-первых*, право народа свободно определять свое международное положение и, *во-вторых*, право выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему. Оно получило свое правовое оформление в ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и в ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В них говорится, что "все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие"⁷.

Термин "политический статус", используемый в ст. 1 обоих пактов, понимается в международном праве двояко: им обозначают политический статус народа в международных отноше-

ниях, с одной стороны, и во внутригосударственных — с другой. Поэтому реализация права народов на самоопределение всегда требует выражения воли народа как относительно его политического статуса в отношениях с другими государствами, так и относительно своей внутренней политической организации.

Особенно актуальной и сложной становится реализация данного права на российском пространстве. Россия является суверенным государством, поэтому применение права на внешнее и внутреннее самоопределение имеет свою специфику. Народы, объединенные на федеративных началах в суверенное многонациональное государство, обладают ограниченным правом на внешнее самоопределение. Однако каковы пределы его реализации? Доктрина международного права в этом вопросе исходит из того, что принцип самоопределения не предоставляет народу, проживающему на территории независимого и суверенного государства, неограниченного права на отделение. Так, Декларация о принципах международного права 1970 г. выступает против того, чтобы санкционировать или поощрять любые действия, которые ведут к расчленению, частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных или независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов⁸. Природа права народов на самоопределение сложна и многогранна, оно может осуществляться в различных формах и в различной степени. Тем не менее современное «международное право не закрепляет неограниченного права на отделение в качестве интегрального элемента права на самоопределение. Законность отделения признается лишь тогда, когда речь идет о народах, территориях и образованиях, находящихся в подчинении в нарушение международного права»⁹.

Следовательно, «внешнее» самоопределение народов, проживающих на территории Российской Федерации, не может рассматриваться как свобода выхода из состава федерации без учета территориальной целостности государства. Между тем именно «внешняя» сторона права народов на самоопределение в России подвергается существенным искажениям. Процесс принятия республиками, входящими в состав Российской Федерации, собственных конституций начался в 1992 г., еще до принятия ныне действующей федеральной Конституции, которая, определив правовой статус нового типа субъектов федерации, не закрепила за ними право на сепессию из состава федеративного государства.

Такое положение сопоставимо с нормами конституционного права других государств, так как ни одно федеративное госу-

дарство не включает в тексты своих конституций нормы, регулирующие право на сепессию. Данного права мы не встретим ни в старейших федеративных конституциях таких государств, как США, Швейцария, Канада, ни в более поздних — Основном Законе ФРГ 1949 г., Конституции Индии 1950 г. Так, Акт о Британской Северной Америке 1867 г., переименованный впоследствии в Конституционный акт 1867 г., допускает прием в состав Канады новых провинций, но не их отделение. Таким образом, право на отделение не находит юридической базы в конституциях зарубежных федераций. Тем не менее, по мнению отдельных авторов, применительно к Канаде (а именно, к франкоязычной провинции Квебек), “оно может найти определенную основу в теории договора о конфедерации”¹⁰. Не предоставляется права на самостоятельное решение вопроса о выходе из состава федерации ее субъектам и положениями их собственных конституций, когда таковые существуют. Они не включают в перечень вопросов, относящихся к предметам ведения субъектов федерации, право на свободу выхода.

В этом смысле конституции республик в составе России обнаруживают специфику при сравнительном правовом анализе с конституционным опытом развития других государств, но сохраняют преемственность с теорией “советского федерализма”, которая разрешала республикам отделяться. Можно предварительно выделить по крайней мере три основные модели видения реализации права на самоопределение в нормах конституций республик, которые по мере развития конституционного процесса в субъектах федерации, возможно, будут дополнены или видоизменены.

Наиболее отличается от других Конституция Татарстана, принятая Верховным Советом республики в ноябре 1992 г. Статья 61 Конституции определяет конституционный статус Республики Татарстан следующим образом: “Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения.” Примечательно, что уже в Декларации о государственном суверенитете Татарстана (30 августа 1990 г.) государственный суверенитет провозглашен без ссылки на принадлежность Татарстана к Российской Федерации. Основной Закон республики заложил конфедеративный принцип формирования взаимоотношений с Российской Федерацией. В ассоциированности с Россией видится осуществление принципа равноправия и самоопределения. Однако равноправие понимается не как равное правовое положение со всеми субъектами федерации, а как

равный правовой статус с Российской Федерацией в целом¹¹. Конституция требует заключения договора с Россией, который и был подписан 15 февраля 1994 г. руководством Татарстана и России.

Республика Татарстан относится к Российской Федерации не как субъект федерации (по Конституции РФ) к союзу, а как суверенное государство к суверенному государству. Связанные друг с другом договором, они представляют собой конфедеративный союз, в котором Татарстан обладает суверенитетом — ассоциацией по примеру, во многом совпадающим с предложенным для урегулирования отношений между Квебеком и остальной Канадой¹². Конституция Татарстана (ст. 59) предоставляет республике возможность самостоятельно определять свой государственно-правовой статус, решать вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства. Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан имеет коллизионный характер по отношению к федеральной Конституции, противоречит ей в вопросах об участии республики в международных отношениях, о самостоятельном характере внешнеэкономической деятельности, о республиканском гражданстве, о создании своего Национального банка, а также о праве опротестования законов Российской Федерации.

Вторая модель реализации права на самоопределение заложена в конституционных нормах Республики Тыва. Согласно ст. 1 Конституции, «Республика Тыва — суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации, имеет право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума»¹³. Признавая право на сепессию в одностороннем порядке в условиях федеративных отношений с Россией, Основной Закон республики предусматривает изменение ее конституционно-правового статуса на основе волеизъявления двух третей граждан республики, обладающих избирательным правом, с принятием соответствующего республиканского закона без учета мнения остальных граждан России и без участия федеральных органов. Провозглашается верховенство Конституции Республики Тыва на ее территории без ссылки на соответствие этого документа федеральной Конституции (ст. 11), что нарушает принцип федерализма. Коллизия норм Конституции РФ и республиканской Конституции разрешается в пользу последней по полномочиям, отнесенным Федеративным договором к ведению Республики Тыва и к совместному ведению, а по вопросам, отнесенным Федеративным

договором к ведению федеральных органов власти и управления — в пользу федеральной Конституции (ст. 112). Однако, принимая во внимание Федеративный договор, Конституция Республики Тыва не учитывает положения ст. 76 Конституции РФ, как бы исключая их из сферы возможных коллизий.

Третья модель фиксируется Конституцией Республики Саха (Якутия), принятой 4 апреля 1992 г.¹⁴ Конституционные нормы, признавая за республикой статус субъекта Российской Федерации (ст. 36), характеризуют ее как суверенное демократическое и правовое государство, основанное на праве народа на самоопределение (ст. 1). Право на сепессию Конституцией не признается, однако проявляется стремление закрепить такую возможность в конституционных нормах не прямо, а косвенно. Так, ст. 36 гласит, что народ Республики Саха (Якутия) на основе свободного волеизъявления ее граждан сохраняет за собой право на самоопределение. По-видимому, эту статью следует понимать как фиксацию возможности реализовать право на самоопределение вплоть до отделения. Принятие Конституции, следовательно, не рассматривается как реализация этого права в полной мере.

В целом республиканская Конституция признает федеративный характер отношений между Республикой Саха (Якутия) как субъектом федерации и РФ, однако подчеркивается временный их характер. Статья 39 предусматривает, что суверенные права, принадлежащие Республике Саха (Якутия), она передает добровольно на основе Федеративного договора на определенный срок. При этом верховенство федеративного законодательства не признается. Предусматриваются ратификация законов Российской Федерации, принятых по вопросам, отнесенным к совместным полномочиям, Палатой Представителей Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) и вступление их в силу лишь после этого. Субъект федерации — Якутия — наделяется правом приостанавливать на своей территории действие законов и иных актов Российской Федерации или опротестовывать их, если они нарушают Федеративный договор, противоречат Конституции или законам Республики Саха (ст. 41). Следовательно, подразумевается верховенство права субъекта федерации над федеральным правом. Это противоречит принципу соотношения правовых систем в федеративном государстве.

Для всех конституционных моделей характерна трактовка отношений между республиками и Российской Федерацией исключительно как договорных, а не конституционно-договорных, как это предусматривалось в Федеративном договоре и отражается в нормах Конституции РФ. Право на свободу выбора, которое признается необходимым условием для добровольного со-

гласия при построении федеративного государства¹⁵, республики оставляют за собой даже после подписания Федеративного договора, запуская механизм развития их конституционно-правовых систем в условиях коллизии с нормами Конституции РФ. При этом или логика сложных многосоставных правовых систем заставит согласовать их между собой для сохранения единого федеративного правового пространства, или республики получат импульс для развития собственных правовых систем при фактическом бездействии на их территории федерального законодательства.

Последняя перспектива наименее желательна, так как она предопределяет существование на территории Российской Федерации федеративных отношений с государственно-территориальными образованиями и конфедеративных — с республиками, обладающими некоторыми атрибутами государства. Развитие российской государственности в этом направлении усугубит асимметричный характер федерации, усилит напряжение в отношениях между составными частями государственного устройства и союзом в целом, а также в отношениях субъектов федерации между собой. Правовая природа Российской Федерации, содержащая черты старых и формирующихся новых отношений, развивается сегодня в пространстве, ограниченном двумя основными тенденциями: децентрализацией, сопровождающейся суверенизацией и самоопределением национально-государственных образований и республик, и централизацией через систему исполнительной власти в краях и областях, самоопределение которых не предполагается.

Примечания

¹ Ржевский В. А., Киселева А. В. Субъекты Российской Федерации: типология и конституционные основы организации // *Гос. и право.* — 1994. — №10. — С.42.

² См.: Ким А. И. К вопросу о государственно-правовой природе РСФСР // *Правоведение.* — 1960. — № 1. — С.26—33.

³ См.: Козлов А. Е. Право на самоопределение как принцип международного права и конституционное право человека // *Права человека и межнациональные отношения.* — М., 1994. — С.67.

⁴ См.: Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // *Гос-во и право.* 1994. — № 8-9. — С.155.

⁵ См.: Эсмен А. Общие основания конституционного права. — СПб., 1909. — С.174 и след.

⁶ Кин Дж. Нации, национализм и гражданство в Европе // *Междунар. журн. социальн. наук.* — 1994. — Т.2, № 4. — С.32, 33

⁷ *Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов.* — М., 1990. — С.21, 33.

⁸ См.: *Международное публичное право. Сборник документов.* — М., 1996. — Т.1 — С.7.

⁹ Журек О. Н. Самоопределение народов в международном праве // Сов. гос-во и право. — 1990. — № 10. — С.104.

¹⁰ Марчилдон Гр. Право Квебека на отделение и канадская конституция // США — ЭПИ. — 1992. — № 4. — С.73.

¹¹ См.: Мухаметшин Ф. Х. Российский федерализм: проблемы формирования отношений нового типа // Гос-во и право. — 1994. — № 3. — С.54.

¹² См.: Марчилдон Гр. Право Квебека на отделение и канадская конституция // США — ЭПИ. — 1992. — № 4. — С.71.

¹³ Конституция (Основной Закон) Республики Тыва. — Кызыл, 1993.

¹⁴ См.: Конституция Республики Саха (Якутия). — Якутск, 1993.

¹⁵ См.: Ступинин В. Самоопределение народов: традиции и действующее право // Обществ. науки и современность. — 1994. — № 2. — С.109

А. В. Цихоцкий

ПОЛИТИКА ФЕДЕРАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ И НОВАЯ ПАРАДИГМА ПРАВА

Возможность решения национального вопроса в России в рамках федерализма на основе диалектического сочетания самоопределения этносов и государственного суверенитета подтверждена историческим опытом. В постсоветских же условиях федерализм выходит за пределы сугубо национального вопроса и затрагивает проблемы демократизации управления государством, что позволяет говорить о единстве государственной политики и одновременно о ее разнообразии, определяемом региональными и прочими особенностями. Поэтому можно утверждать, что современное геополитическое положение того или иного региона должно обуславливать особенности как национальной, так и экономической и других видов политики государства.

Из более чем 140 народов России, отличающихся друг от друга уровнем развития родного языка и культуры, образом жизни, национальными традициями, историческими и другими особенностями, 30 относятся к группе малочисленных народов Севера. Исстари живут они в тяжелых природно-климатических условиях. Экономика данного региона в силу объективных причин все больше превращается в энергосырьевой придаток мирового хозяйства, и это обстоятельство обуславливает необходимость особой государственной национальной политики по отношению к малочисленным народам. Настаивая на такой обязанности государства, прежде всего надо решить главную проблему: является ли малочисленный народ субъектом права в целом и конституционного права в частности. Утвердительный

ответ на данный вопрос вытекает не только из результатов научных дискуссий, — он базируется на анализе позитивного права. Статья 5 Конституции Российской Федерации к участникам государственно-правовых отношений относит субъекты федерации и народы России (законодатель не использует термин “нация”). Различие между двумя видами участников указанных отношений кроется в их правовом статусе. Если для субъектов федерации он относительно детально определен статьями главы 3 Конституции РФ, то правовой статус народа фиксируется указанием на его коллективные права. С другой стороны, наличие у народа конституционных коллективных прав является предпосылкой для наделения его при определенных условиях и обстоятельствах статусом субъекта Российской Федерации — республики, автономного округа или автономной области.

Правовую значимость затронутой проблеме придает тот факт, что через систему конституционных правоотношений определяется положение народа в системе связей государство — народ (социум). Закрепляя основные права малочисленных народов на уровне Конституции РФ, общество обеспечивает их защиту от государства, поскольку последнему возбраняется ущемлять эти права. Конституционное субъективное право любого народа — это своего рода претензии народа по отношению к государству, и в этом смысле оно выступает ограничителем сферы деятельности государства.

Конституция РФ использует главный принцип взаимоотношений государства со всеми народами, в том числе и малочисленными, — принцип свободы в построении жизни народа. Данный правовой принцип как конституционная норма имеет сложную структуру правомочий и предполагает обеспеченную законом возможность троякого рода: а) возможность свободного определения народом своей жизни, т.е. без ограничения его желания и воли; б) возможность самоопределения народа; в) неприкосновенность определенных качественных сторон жизни этнического сообщества (языка, религии, традиций и т.д.), которые формируют его в качестве народа. Конституция дважды называет народ в качестве носителя коллективных прав: ст. 5 закрепляет право народов на самоопределение, ст. 69 — обязанность государства обеспечить те права коренных малочисленных народов, которые признаются мировым сообществом.

Реализация конституционного положения о самоопределении народов сдерживается неразработанностью в юриспруденции и отсутствием нормативного закрепления понятий “самоопределение” и “народ”. В словосочетании “самоопределение народа” термин “самоопределение”, несомненно, выполняет определя-

ющую функцию. Одновременно ясно, что он характеризует состояние определенных интересов носителя (субъекта) по отношению к внешней социальной среде. Правоммерно рассматривать и качество интересов: являются ли они экономическими или кроются в этнической сфере. Опираясь на понимание природы того или иного сообщества, его этнической стороны, видимо, будет более правильным в качестве критерия обособления (автономизации) сообщества признавать интересы, имеющие этническую основу, экономические же выступают в качестве условия самоопределения.

Самоопределение народа возможно без нарушения суверенитета Российской Федерации. Иными словами, реализуя конституционное право на самоопределение, его субъект не вправе требовать выхода из состава Федерации. Следовательно, самоопределение имеет внешние границы реализации, связанные с государственным суверенитетом. Это важнейшее положение является основанием для невмешательства мирового сообщества во внутригосударственные конфликты: суверенитет государства выступает более высокой категорией по сравнению с правом народа на самоопределение. Такой подход к суверенитету власти и праву народа на самоопределение не следует связывать абсолютным правом, поскольку это противоречило бы другой государственно-правовой максиме: целью общества выступает обеспечение прав и свобод человека. Реализация права на самоопределение оправдана лишь при условии, что народ, заявивший о самоопределении, подвергается угнетению по этническому признаку, вследствие чего его представители не могут реализовать конституционные права и свободы.

Современное состояние наук об обществе не позволяет выдвинуть однозначные критерии для выявления содержания понятия "народ". На основе анализа имеющихся точек зрения можно предложить следующую дефиницию. Чтобы считаться народом, люди, обладающие общей культурой (ее элементами выступают язык, религия, общепринятые взгляды, обычаи и традиции), должны воспринимать себя как некую устойчивую совокупность и при этом иметь преимущественно общее происхождение. Если этническая группа обладает перечисленными свойствами, то она вправе рассматриваться в качестве юридической категории "народ". Отсюда вытекает, что такие факторы, как географическое положение, численность населения, размер территории, ограниченность природных ресурсов, не должны препятствовать осуществлению права народа любой несамоуправляемой территории на самоопределение. Если никакие количественные критерии при решении вопроса о самоопределении народа не имеют

значения, то правомерно говорить лишь об условиях осуществления данного конституционного положения. Таких условий два: во-первых, самоопределение не должно разрушать единство Российской Федерации; во-вторых, избрав определенную государственно-правовую форму своего объединения, народ должен обеспечить выполнение такой автономией тех обязанностей, которые возлагаются на нее федеральным законодательством.

В тех случаях, когда народ в силу экономических и других причин не в состоянии реализовать право на самоопределение в форме национально-государственного образования, его национальные интересы реализуются в иных организационно-правовых формах (из 68 насчитывающихся в России малочисленных народов не имеют своей государственности 35)¹. В частности, впервые в конституционном строительстве закреплено положение, согласно которому права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации гарантируются государством (ст. 69 Конституции РФ). Организационными формами самоуправления малочисленных народов являются национально-культурные автономии (общества, центры, землячества и др.) и национально-территориальные самоуправляемые сообщества (национальные районы, поселки, села и др.), правовой основой для которых служат нормативные акты субъектов Федерации. В качестве иллюстрации можно сослаться, в частности, на Закон Республики Карелия от 22 ноября 1991 г. "О правовом статусе национального района, национальных поселков и сельских Советов в Республике Карелия"², Закон Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 1992 г. "О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера"³.

Особо следует подчеркнуть, что малочисленные народы, избравшие в качестве формы самоопределения национально-культурное или национально-территориальное самоуправление, не лишаются возможности создать свою государственно-правовую автономию (например, в форме автономного округа), поскольку согласно п. 2 ст. 65 Конституции РФ собственная государственность может быть востребована любым малочисленным народом. Если существует народ и у него есть специфические национальные интересы, то законодатель обязан признавать его в качестве субъекта политических отношений независимо от наличия у него соответствующей государственности, ибо национальный и государственный суверенитет теперь не отождествляются.

Попытки решения затронутой проблемы имели место еще в первые годы Советской власти: создавались национальные сельсоветы, районы, округа; были образованы отделы национальных меньшинств при Народном комиссариате по делам национальностей, позднее — при президиумах краевых и областных исполкомов; вводились должности уполномоченных по делам национальных меньшинств. Именно опыт 20-х годов, равно как и нормы международного права, обусловили внесение в Конституцию РФ отмеченного положения.

Поскольку в федеральной Конституции используются понятия “народ” и “коренные малочисленные народы”, важно выявить их соотношение, а также юридические критерии идентификации коренных малочисленных народов. Анализ законодательства подтверждает гипотезу о том, что с помощью такого юридического приема государство, выделяя особую группу российских народов, устанавливает особый правовой статус, базирующийся на международно-правовых стандартах. Категории “народ” и “коренные малочисленные народы” соотносятся между собой как род и вид. В основе деления лежит осознание специфики этносов, требующей особой государственной политики. С этих позиций анализируемая статья 69 Конституции РФ находится в органическом соответствии с нормой Конвенции МОТ № 169 “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах”, которая провозглашает: “Правительства несут ответственность за проведение, с участием соответствующих народов, согласованной и систематической деятельности по защите прав этих народов и установлению гарантий уважения их ценностей” (ст. 2).

Одновременно в Конвенции отражены и научные критерии, характеризующие народы в качестве коренных. Опираясь на них, российский законодатель мог бы закрепить формальные положения, согласно которым коренными следовало бы признавать те из народов, которые истари проживали на определенной территории России; сохраняют все свои экономические, культурные, социальные и политические институты или их часть; в качестве социального регулятора используют самобытные традиции и обычаи либо специальное законодательство; отличаются от других этнических сообществ языком, религией, культурой и традициями; считают себя коренным народом. Перечисленные характеристики касаются качественных показателей этноса и не затрагивают его количественных критериев. С попытками одобрения идеи нормативного установления количественной характеристики коренного малочисленного народа — 50 тыс. чел. — согласиться нельзя⁴. Несмотря на ряд поло-

жительных моментов, связанных с наличием такого критерия, его закрепление на уровне федерального закона неминуемо вступит в противоречие со ст. 2 Конституции РФ, где в качестве цели политики государства указывается обеспечение прав и свобод человека. Следовательно, индивидуальные интересы представителя этноса признаются и защищаются независимо от численности данного этнического сообщества.

Современный правовой порядок признает коллективные ценности коренных малочисленных народов. При этом законодатель исходит из принципа, по которому коренные народы нуждаются не в большем количестве прав и свобод, а в правах, сформулированных законодателем иначе, чем для субъектов федерации. Такой подход преобладал на протяжении длительного времени, он обнаруживается как в современном законодательстве, так и в нормативных актах прошлых лет. В качестве примера сошлемся на особенности организации судебной власти на территориях проживания малочисленных народов. Так, постановлениям ВЦИК и СНК РСФСР от 29 декабря 1924 г. "Об изъятии из Гражданского Процессуального Кодекса для Автономной Якутской Социалистической Советской Республики"⁵, от 22 сентября 1924 г. "О поправках и изменениях к Гражданскому Процессуальному Кодексу РСФСР"⁶, от 14 октября 1927 г. "О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР"⁷ государство предусматривало целый ряд изъятий из законодательства, которые не применялись либо применялись в особом порядке при отправлении правосудия на территориях проживания коренных малочисленных народов.

Следует заметить, что законодательство, определяющее статус коренных малочисленных народов в условиях формирования правового государства и рыночной экономики, развивается именно с учетом указанного принципа. Особенно ярко это проявляется в конституциях субъектов Федерации. В частности, Конституция Республики Саха (Якутия) гарантирует права малочисленных народов на владение и пользование родовыми охотничье-промысловыми угодьями, защиту от любых форм насильственной ассимиляции и этноцида, посягательств на этническую самобытность (ст. 42), признает возможным создание национальных административно-территориальных образований (ст. 43), допускает возможность осуществления правосудия в иных формах, чем это предусматривает законодательство (ч. 5 ст. 98).

Проблема прав и гарантий коренных малочисленных народов связана с дискуссией о возможности создания кодифициро-

ванного нормативного акта о статусе этих народов. Возражать против, например, федерального закона о правовом статусе коренных малочисленных народов не приходится, поскольку наличие такого закона свидетельствовало бы о национальной политике России как демократического и федеративного государства. Однако само по себе принятие федерального закона не обеспечивает решения жизненных проблем каждого малочисленного этноса, так как нуждается в экономическом подкреплении, которое в нынешних условиях государство реализовать не сможет.

В России попытка создания закона о малочисленных народах предпринималась еще до Октябрьской революции 1917 г., были даже подготовлены его проекты⁸. Повторно вопрос о принятии закона решался и в наши дни, но принятый 18 июня 1993 г. закон был отклонен Президентом РФ. Акция не увенчалась успехом вследствие того, что авторы законопроектов исходили из идеи закрепления правового статуса народов. Законодатель, на наш взгляд, осознал ошибочность подобного подхода к регулированию национальных отношений, поэтому Конституция РФ и не закрепляет возможность принятия федерального конституционного закона о малочисленных народах, — иное решение обусловило бы необходимость принятия законов о других группах народов.

Полагаем, что поиск ответа следует вести в другом направлении: необходимо законодательное определение государственной политики в отношении территорий проживания коренных малочисленных народов, не имеющих собственной государственности. Именно по этому пути развивается федеральное законодательство последних лет, реализуется право на законодательную инициативу в Государственной Думе РФ. Так, Межрегиональная ассоциация "Сибирское соглашение", разработавшая проект Закона РФ "О государственной политике в Сибири", признает возможным передать законопроект Правительству РФ для вынесения его на рассмотрение в Государственной Думе РФ. В качестве средства реализации государственной политики в отношении малочисленных народов Сибири проект называет программы социально-экономического развития.

Идеология предлагаемого Межрегиональной ассоциацией законопроекта заключается в признании Российской Федерации в качестве социального государства (ст.7 Конституции РФ). Следовательно, государство должно гарантировать представителю любого этноса право на стандарт благосостояния, обеспечивающий ему достойное существование вне зависимости от места жительства, форм и результатов экономической деятельности,

национальной принадлежности. При этом социальная деятельность должна опираться на принцип ответственности власти за обеспечение государственного стандарта потребления. Возможность существования подобного стандарта, хотя и предусмотрена действующим законодательством, на практике не реализована, дальше научных споров о концепции стандарта дело не продвинулось. Сложившаяся ситуация может быть преодолена двумя путями. *Во-первых*, не дожидаясь действий федеральных властей, связанных с утверждением государственного стандарта потребления социальных и экономических благ, субъекты федерации, на территории которых проживают коренные малочисленные народы, вправе устанавливать подобный норматив самостоятельно. *Во-вторых*, на соответствующих территориях следует провести правовой эксперимент по определению стандарта потребления. Результаты эксперимента могли бы послужить критерием для законодательного оформления минимальных государственных стандартов потребностей представителей коренных малочисленных народов.

Формирование новых подходов в понимании сущности права непосредственно проявляется и в решении вопроса о правах и гарантиях, предоставляемых малочисленным народам. В условиях господства так называемой нормативной теории права, отождествлявшей право с позитивным законодательством, субъективные права и гарантии, которыми располагали малочисленные народы, всецело зависели от воли государства, поскольку действовала аксиома: субъект права, в том числе малочисленный народ, обладает таким статусом, каким его желает видеть орган государственной власти. Позиция эта весьма сильна, трудно аргументировать ее ошибочность. Идея зависимости права от государства (государство и право возникают одновременно, развиваются параллельно и наследуют судьбу друг друга) имеет глубокие исторические корни. Однако использование правоведением выводов археологии и этнографии позволяет подвергнуть сомнению суждение о генетической связи государства и права. Сегодня следует вести речь о подобной зависимости между обществом и правом. Что касается государства, то оно генетически связано с законом.

Такой вывод, в частности, позволяет оперировать категориями “правовой закон” и “неправовой закон”, “юридическое право” и “неюридическое право”, равно как и отвергнуть примат государства над правом, рассматривать их как независимо существующие социальные реальности. Государство, опираясь на свою общественную функцию, обязано лишь адекватно отразить право в своих законах. Право — это сама действительность, сами реальные правоотношения, которые могут склады-

ваться вопреки существующим правовым идеям или отраженным в законах нормам. Таким образом, качество законодательства особо значимой роли при этом не играет, поскольку правоприменительная практика (особенно судебная) может устранить любые недочеты, направить общественный прогресс по его естественному руслу.

Предпосылками развития социологической теории права являются осуществление принципа разделения властей, либерализация социальной жизни, ослабление директивной роли государства. Реализация положений данной концепции в практике нашего общества имеет антитоталитарную направленность, сопровождается становлением гражданского общества и усилением демократических форм социального бытия. Революционные изменения в правопонимании — реакция на отказ от монистического подхода к социальной роли государства, попытки облечь в правовые доктрины жизнь социума, переходящего на естественный путь развития. И теперь правоведы и законодатели вынуждены искать ответ на вопрос, как же должно быть организовано правовое пространство жизни малочисленных российских народов с точки зрения разума и справедливости.

Сложность этого вопроса обусловливается трудностью определения степени соответствия законодательства о статусных правах и гарантиях, предоставляемых малочисленному народу, его интересам, т.е. интересам большинства представителей этнического сообщества. Неправовая природа всякого закона обнаруживается лишь на стадии его реализации. Вместе с тем однозначная оценка закона — правовой ли он или неправовой — объективно невозможна на этапе резких социальных перемен (реформ), которые вызывают как поляризацию интересов, так и их стратификацию. Иными словами, в условиях складывающейся новой структуры коренных малочисленных народов социальные интересы отдельных слоев населения приобретают качество маргинальности, что, в свою очередь, создает трудности в придании им формы закона или другого правового акта.

Вряд ли стоит доказывать, что изложенное правопонимание затрагивает проблему субъекта, призванного определять степень справедливости принятого государством закона. Какой из органов государства способен выполнить подобную функцию? Опуская аргументацию, можно констатировать, что этой особой социальной ролью наделена судебная власть. В отличие от законодательной и исполнительной ветвей власти, судебная система непосредственно сталкивается с реальными социальными конфликтами. Таким образом, суды, конечно же, лучше знают, что на данный момент является справедливым. Такое положение судов предполагает признание за ними функций правоустанов-

ления и признание судебного прецедента в качестве источника права. Конечно, возможность правотворчества для судебной системы не является главенствующей, но она настолько важна, что может существенно влиять на жизнь малочисленного народа.

Почему так происходит? Ответ связан с характеристикой судебной власти. *С одной стороны*, в силу особенностей организационной структуры судебная власть по сравнению с законодательной значительно подвижнее, *с другой* — она более консервативна в отношении воздействия на нее политических движений. Возлагая на суды функцию арбитра в определении справедливости закона, относящегося к регулированию жизни малочисленных народов, теоретическая мысль не должна ставить под сомнение необходимость использования социологической теории права при исследовании правовых проблем этнических сообществ. Оспаривать это не приходится, ибо по мере укрепления политического режима тенденция судебного усмотрения будет усиливаться: функционирование правоотношений в рыночной экономике, кроме всего прочего, требует значительной оперативности в применении закона. Теперь уже нельзя постоянно находиться под опекой законодательной власти, требовать от нее разъяснений и указаний в отношении того или иного неясного положения в законе либо обнаружившегося пробела. Таким образом, и в этом плане нормативная теория права слабо приспособляется к динамике социальной жизни вообще, и в странах с огромными территориями, какой является Россия, в особенности.

Смена политического и экономического укладов жизни малочисленных народов Российской Федерации отразилась и на юридической идеологии: появилась так называемая идея примата права. То есть в обществе как бы господствует одна сила — сила права. Общество как бы погружается в атмосферу права, заполняющего все основные сферы жизни. Эта сторона новой парадигмы права никем не оспаривается, — наоборот, признается ее прогрессивный характер. Другая же ее сторона на страницах юридической литературы не рекламируется, поэтому широким массам населения малознакома. Через обоснование нового правопонимания вторая сторона учения направлена на лимитацию государства, поскольку право не сводится к воле государства, оно есть воля народа. Право дается самим характером народа, как его язык и нравы, поэтому можно утверждать, что у каждого малочисленного народа имеется свое собственное право. Национальное право малочисленного народа рождается и умирает вместе с народом, его источником является сознание народа. Следовательно, правовая система Российской Федерации развивается под воздействием “чужих” систем права, систем

права субъектов федерации и малочисленных народов и потому многие социальные институты заимствуют элементы жизни этих народов. Это историческая необходимость, исключаящая "национальную рафинированность" права России. Вместе с тем выявленная зависимость свидетельствует об объективном существовании права отдельного малочисленного народа, которое не может совпадать во всех деталях с правовой системой федерации.

Примечания

¹ См.: *О перечне районов проживания малочисленных народов Севера: Постановление Правительства РФ от 11 января 1993 г. № 22 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 3. — С. 176.*

² См.: *Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. — 1992. — № 2.*

³ См.: *Якутские ведомости. — 1993. — № 1 (34).*

⁴ См.: *Кряжков В. А. Правовые проблемы статуса коренных малочисленных народов России // Гос-во и право. — 1994. — № 6. — С. 5.*

⁵ См.: *Собрание узаконений РСФСР. — 1925. — № 4.*

⁶ См.: *Собрание узаконений РСФСР. — 1924. — № 73.*

⁷ См.: *Собрание узаконений РСФСР. — 1927. — № 111.*

⁸ См.: *Федоров М. М. О первых проектах закона о правовом положении народностей Сибири // Сб. науч. тр. Якутск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — Якутск. — 1994. — С. 54—62.*

Т. И. Саломатова

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЦЕССАМИ У НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА

Процесс приобщения народностей Севера к достижениям отечественной и мировой культуры всегда шел непросто. В современных условиях трансформация главных ценностей в обществе, неразрешимость кризисных ситуаций, возникновение все новых и новых противоречий, управление обществом на уровне "проб и ошибок" характерны для большинства этносов. Кризис охватил и межнациональные отношения. Происходит раскол во властных структурах по этническому признаку, создаются этнические группы, пропагандирующие нетерпимость и этническое насилие в отношении инакомыслящих. Это находит отклик у определенной части населения, с одной стороны, как реакция на ошибки в национальной политике прошлых лет (насильственная русификация, ломка национального быта и традиций коренных жителей регионов, игнорирование их обычаев и культурных

ценностей), с другой — как усиление этноцентристских тенденций, как попытки оценивать происходящее сквозь призму ценностей своей этнической группы, как абсолютизация ее в качестве эталона, фетишизация ее образа жизни, обычаев и т.д.

Демократизация общества, научно обоснованные управленческие и социально-правовые решения могут снизить значение этнической принадлежности как фактора престижа, расширить сферу творческой самореализации личности. Однако идеи гуманизации общественной жизни, демократизации, расширения прав и свобод человека могут быть реализованы лишь при условии перестройки всей системы образования и воспитания, наполнения ее духом свободы и творчества. Социокультурное проектирование личности требует понимания определяющих ее взаимосвязей на уровне теоретико-методологического, концептуального оформления изменившихся ценностных ориентаций. Оно также требует создания культурной парадигмы образования и, наконец, главного — практической реализации научно разработанной модели социально-ориентированной, творческой и защищенной в правовом отношении личности.

Культура — глобальный интегрирующий фактор всякого социального развития, и острота социально-культурных проблем выдвигает сегодня на первый план вопросы управления этнокультурным развитием. В этнокультурном плане личность проявляется через интеллектуальные и духовно-нравственные ценности. Помочь превратить знания, культурные ценности в действующие факторы прогрессивного этносоциального развития должны организационные системы управления.

Культура расширяет границы человеческой свободы, формирует новые измерения человеческого существования. Но чтобы это реализовалось, необходимы новое видение социальной динамики этноса, новый уровень фиксации происходящих процессов, своевременное выявление намечающихся тенденций, предвидение результатов социальных нововведений. Уже стали общим местом призывы решать проблемы управления комплексно, но для Севера комплексный подход имеет особую значимость. На Севере любое социальное новшество (например, введение сменно-подрядного метода у пастухов-оленьеводов) изменяет весь уклад жизни. Поэтому здесь при принятии решений важно учитывать взаимодействие различных факторов. Совершенствование форм и методов управления национальными отношениями, процессами социального развития наций и народностей требует учета национально-особенного и закрепления его на социально-правовом и технологическом уровнях. Сложность разработки перспективных моделей социокультурного развития этноса связана,

с одной стороны, с несовершенством всей системы российского законодательства, а с другой — с традиционно сложившимися отношениями. Коренные изменения в жизни этноса актуализировали проблемы ориентации народов Севера на новые виды занятий, профессиональной мобильности “по горизонтали” и “по вертикали” Регулирование этих сторон в зависимости от региональных и национально-культурных особенностей, рациональное использование образовательного потенциала в традиционных и новых отраслях деятельности — все это поможет быстрее модернизировать социальную жизнь в регионах.

Интеграционные процессы в сфере культуры у народностей Севера проходят специфически. Результаты многочисленных социологических исследований доказывают, что, несмотря на динамичную взаимосвязь культур малочисленных народов Севера с другими культурами, ценностные ориентации этих народов, их тяга к традиционным формам хозяйствования, национальному быту и т.п. продолжают доминировать в структуре потребностей личности. Поэтому при разработке программ управления социокультурным проектированием отдельной личности и всего этноса следует учитывать эти особенности. Коренные жители Севера сумели выработать уникальные формы адаптации к экстремальным условиям, специфические культурно-бытовые уклады. У народов Севера в силу жестких природно-климатических условий не мог широко привиться принцип антропоцентризма, господства над природой. Коренное население руководствовалось принципом естественной связи, гармонии человека и природы. Законы выживания диктовали необходимость признания базисных, межнациональных ценностей. И сегодня, в период крайнего обострения национальных отношений на юге России, северные народы показывают образцы межкультурного сотрудничества, взаимопонимания, демонстрируют терпимость к обычаям, нравам, жизненным устоям других народов.

Изучение культурных традиций народов Севера не только способствует лучшему пониманию особенностей функционирования их культур, не только помогает прогнозировать тенденции их развития, но и имеет большое практическое значение для управления процессами развития прогрессивных форм культуры. Богатый жизненный опыт аборигенов Севера, их колоссальные адаптационные возможности, установки на рациональное природопользование, эмоциональная отзывчивость и бескорыстная помощь нуждающимся в ней — все это в век холодной расчетливости может значительно обогатить общечивилизационный опыт культурного развития человечества. Смятение разума, дезориентация в ценностях, отсутствие системы идеалов

не только у отдельных личностей, но и у целых общностей усиливают социальную нестабильность, грозят катаклизмами. Правильно регулируемые интегративные процессы в этнокультурном развитии позволяют народам Севера полнее вбирать в свой арсенал формообразующие и смыслообразующие механизмы науки, образования и права. Именно взаимосвязь культурообразующих функций науки, образования и права обеспечивает гуманизацию и консолидацию общества в целом.

Для становления национальной государственности, эффективного решения проблем самоуправления особую значимость приобретает формирование интеллектуальной культуры, творческого потенциала этноса. Осознать этнос как самоорганизующуюся систему невозможно без понимания его культуры, специфики менталитета, интеллекта. Социально-экономический и научно-технический прогресс в регионах проживания малых народов связан с решением проблем интеллектуализации общества¹. Формируется целое научное направление — когнитивная этносоциология, которая изучает интеллект народа, его природу, структуру, функциональную значимость в системах этноса. Сторонники этого направления считают, что выделение интеллектуальной доминанты как интегрирующей и определяющей должно стать главным моментом в развитии концепции становления этноса. «Интеллектуальная культура — это тот естественный ограничитель неразумного, абсурдного, беспредельного, с чем особенно остро приходится сталкиваться в критические периоды развития общества. Только благодаря развитию интеллектуальной культуры общество может строить из любого материала обстоятельств то, что ему необходимо. Именно интеллектуальная культура обеспечивает истинную свободу выбора как фундаментальных, так и повседневных путей и средств, оптимизирует процесс самоорганизации жизни»².

Новое видение мира основано на целостной системе смыслов, выработанных в традиционной культуре. Для понимания сути происходящих сегодня этнокультурных процессов необходим глубокий научный анализ соотношения традиционного и нового в культуре народностей Севера. На фоне интенсивного взаимопроникновения различных культур, способов деятельности на Севере углубляются противоречивые процессы. С одной стороны, утрачиваются многие традиционные элементы национальной культуры, а с другой — усиливается тяга к сохранению специфических для этноса черт быта и культуры. Поэтому все больше исследователей, изучающих народности Севера, призывают обратить внимание на излишнюю концентрацию населения Севера в крупных поселках, на запустение и упразднение

мелких охотничье-промысловых поселений. Прежде всего они отмечают, что в этих условиях этнокультурные, национальные традиции коренным образом изменяются, а иногда и просто отбрасываются в угоду массовой западной культуре³. Приходится сожалеть, что даже в художественных школах национальных округов детей зачастую воспитывают на примерах и образцах лишь европейского искусства, что в некоторых и самодеятельных, и профессиональных коллективах национальный фольклор "осовременивается" до неузнаваемости, а сформировавшиеся у коренных народов Севера своеобразное осмысление окружающего мира, этнокультурное проявление личности остаются невостребованными.

В настоящее время управление социальным развитием вообще и этнокультурным в частности осложняется тем, что российское общество не имеет объединяющего всех граждан идеала. Процесс управления есть упорядоченное поступательное движение системы к определенной цели. Оценивая ситуацию применительно к данной сфере, можно констатировать, что либо цели ставятся весьма абстрактно, либо они не являются интегрирующими. Необходимые для управления научное предвидение, распознавание тенденций развития затруднены из-за того, что само будущее плохо определяется даже в общих чертах. Поэтому в данных условиях могут выдвигаться различные варианты моделей управления этнокультурным развитием народностей Севера. Но создание любых моделей должно включать в себя в качестве необходимых следующие компоненты:

выявление приоритетных для региона направлений этнокультурного развития, причем сделанные выводы должны быть соотнесены с комплексным генеральным планом развития региона;

определение масштабов затрат (материальных, кадровых, информационных) и источников финансирования;

создание социально-экономического и организационно-правового механизма достижения поставленных целей.

Примечания

¹ См.: Ладенко И. С., Поляков В. Г. Интеллект управления и консультирования. — Новосибирск, 1992. — С.54.

² Каныгин Ю. М., Ермошенко Н.Н., Калитич Г.И., Донченко Е.А. Интеллект народа. — Киев, 1993. — С.24. (Препринт)

³ См.: Проблемы современного социального развития народностей Севера. — Новосибирск, 1987. — С.168.

В. А. Бойко

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА В СВЕТЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Продолжительные контакты коренных народов Севера с европейцами оказали серьезное влияние на различные сферы жизнедеятельности аборигенного населения региона. Ярко выражены негативные последствия этих контактов для традиционной культуры и образа жизни. Постоянно возрастающее давление индустриального общества ведет прежде всего к разрушению свойственных традиционной культуре способов хозяйственной деятельности и вопрос о физическом выживании представителей северных этносов сегодня стоит чрезвычайно остро. Кризисное положение малочисленных народов в определенной мере вызвано ориентацией международного сообщества на культурную ассимиляцию коренного населения Севера, находившей свое конкретное выражение в политике различных государств.

Вплоть до середины 80-х годов нормы международного права были четко направлены на обеспечение индивидуальных прав и свобод. Необходимым условием реализации провозглашенного Всеобщей декларацией прав человека (1948 г.) положения о свободе и равенстве всех людей в своем достоинстве и правах является полное устранение дискриминации индивида по какому бы то ни было признаку. Наличие групп населения, которые в силу особенностей социального, экономического и культурного развития не интегрированы в общегосударственный коллектив и, следовательно, не могут эффективно пользоваться всем комплексом прав человека, требует, по мнению международного сообщества, разработки соответствующей правовой базы для проведения мероприятий по улучшению условий жизни и труда этих групп населения, относящихся ко всей совокупности факторов, не позволявших ранее данному населению пользоваться результатом прогресса общегосударственного коллектива, составной частью которого оно является.

Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 107 "О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах", принятая в 1957 г., направлена на обеспечение согласованных и систематических действий различных государств по отношению к лицам, принадлежащим к указанным

группам населения. В качестве коренных жителей рассматриваются потомки тех, кто населял соответствующую страну или географическую область во времена ее завоевания или колонизации, и сегодня “ведущие образ жизни, более соответствующий социально-экономическому и культурному строю тех времен, чем строю страны, в состав которой они входят” (ст. 1). Конвенция постулирует необходимость постепенной интеграции “заинтересованного населения” в жизнь своих государств, при этом ответственность за разработку и проведение конкретных мероприятий в правовой, социально-экономической и культурно-бытовой сферах возлагается на национальные правительства. Особо подчеркивается, что “создание благоприятных условий для осуществления национальной интеграции” должно исключать применение силы или принуждения для выполнения поставленной международным сообществом задачи — интеграции заинтересованного населения в общегосударственный коллектив (ст. 2).

В соответствии с демократическим характером Конвенции провозглашается, что “главной целью всех предпринимаемых действий (в отношении коренного населения. — В. Б.) является воспитание чувства человеческого достоинства, а также содействие в развитии индивидуальных способностей и инициативы” (ст. 2). В политико-правовой сфере предусматривается “развитие среди вышеупомянутого населения гражданских свобод, а также создание выборных учреждений или участие в них” (ст. 5), при этом коренные жители могут сохранять совместимые с общегосударственным правопорядком и целями программ интеграции традиционные обычаи и институты (ст. 7). Приоритетными направлениями в стратегии экономического развития соответствующих регионов объявляются улучшение условий жизни и повышение уровня образования коренного населения (ст. 6). В рамках национального законодательства предписывается реализация особых мер по обеспечению “действенной защиты в отношении вербовки и условий труда” коренным жителям, “до тех пор, пока они не будут в состоянии пользоваться защитой, предоставляемой законом трудящимся вообще” (ст. 15). Поощряется развитие кустарного производства и сельских ремесел как факторов экономического роста, дающих указанному населению “возможность повысить свой жизненный уровень и приспособиться к современным методам производства и сбыта” (ст. 18). Относительно образовательных программ оговаривается необходимость согласовывать их со степенью социально-экономической и культурно-бытовой интегрированности коренного населения (ст. 22). Четко формулируется цель начального обра-

зования — “предоставление общих познаний и навыков, которые помогут детям интегрироваться в общегосударственный коллектив” (ст. 24). Рекомендуются по мере возможности сохранять местные языки и наречия, но все усилия должны быть направлены на “постепенный переход от родного языка или местного наречия к национальному языку или к одному из официальных языков страны” (ст. 23). Таким образом, с точки зрения авторов Конвенции, обеспечение прав и свобод представителей коренного населения возможно лишь при условии подчинения групповых интересов общегосударственным, которые, в свою очередь, коррелируются различного рода международными программами, в том числе и программой национальной интеграции.

Среди вопросов, рассматриваемых в Конвенции МОТ № 107 и в сопровождающей ее Рекомендации № 104, значительное внимание уделяется правовому урегулированию взаимоотношений между группами заинтересованного населения и государством по поводу землепользования. Конвенция признает за этим населением “право коллективной или индивидуальной собственности на находящиеся в его исконном владении земли” (ст. 11), а Рекомендация настаивает на проведении законодательных или административных мер “для урегулирования различных существующих *de facto* или *de jure* положений, на основании которых заинтересованное население пользуется землей” (ст. 2). Однако Рекомендация устанавливает равенство в отношении права собственности на богатства земных недр или преимущественных прав на их разработку между всеми гражданами страны (ст. 4). Постоянно подчеркивается приоритет общегосударственных интересов. Так, ст. 12 Конвенции гласит: “Заинтересованное население не выселяется с занимаемых им издавна земель без его свободно выраженного на то согласия, за исключением предусмотренных национальным законодательством мер по охране государственной безопасности, обеспечению экономического развития страны или по охране здоровья” В случае же выселения гарантируется предоставление равнокачественных земельных наделов или, по желанию переселенцев, натуральной и денежной компенсации. Традиционные нормы передачи прав на владение и пользование землей сохраняются только тогда, когда они признаны удовлетворяющими нужды коренного населения и не препятствующими его социально-экономическому развитию (ст. 13).

В установках международного сообщества, затрагивающих особенности положения национальных меньшинств, длительное время не принималось во внимание то обстоятельство, что специфика их положения требует предоставления данной группе

населения дополнительных прав, создающих предпосылки для устранения имевшей место дискриминации в сфере прав человека. Как правило, на первый план выдвигались вопросы сохранения культуры малочисленных народов. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) предусматривает относительно этнических меньшинств лишь то, что “лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком” (ст. 27). Государства — участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), состоявшегося в 1975 г. в Хельсинки, заявили о своем намерении способствовать вкладу, который “национальные меньшинства или региональные культуры могут вносить в сотрудничество между ними в различных областях культуры”.

В качестве национальных меньшинств демократическая общественность рассматривала не более как совокупность частных лиц, ущемленных в своих общечеловеческих правах. Участники совещания в Хельсинки в целях защиты законных интересов лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, обязывались уважать их право на равенство перед законом, предоставлять им возможность фактического пользования правами человека и основными свободами. “Важность постоянного прогресса в обеспечении уважения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и их фактического пользования этими правами” подчеркивалась также в Итоговом документе Мадридской встречи 1980 г.

Итоговый документ состоявшейся в 1986 г. Венской встречи государств — участников СБСЕ, принятый в 1989 г., отражает некоторые изменения в расстановке акцентов при обсуждении проблемы малочисленных народов. В его формулировках национальные меньшинства рассматриваются в связи с территорией их проживания. Европейские государства заявляют о своей готовности “принимать все необходимые законодательные, административные, юридические и другие меры, а также применять соответствующие международные инструменты... для обеспечения защиты прав человека и основных свобод лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам на их территории” (ст. 18), “защищать и создавать условия для поощрения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории” (ст. 19). Кроме того, данный документ достаточно определенно раскрывает содержание и направленность государственной культурной поли-

тики в отношении “лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам или региональным культурам на их территории”, которым участники СБСЕ намерены обеспечить возможность сохранять и развивать собственную культуру “во всех ее аспектах, включая язык, литературу и религию”, а также “сохранять свои культурные и исторические памятники и объекты” (ст. 59). Однако вне поля зрения авторов международных правовых актов оставалось положение о том, что через обеспечение индивидуальных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не представляется возможным эффективно защитить права самих меньшинств.

В 80-е годы становится очевидным несоответствие ранее действовавших норм международного права демократическим принципам общественного развития. Ориентация международного сообщества на ассимиляцию коренного населения, выраженная в положениях Конвенции 1957 г., не только не способствовала устранению правовой дискриминации представителей национальных меньшинств, но и оказалась фактором усиления их кризисного состояния. Принципиально новая установка нашла отражение в Конвенции МОТ № 169 “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах”, принятой в 1989 г. и декларирующей признание права этих народов осуществлять контроль над собственными институтами и образом жизни, сохранять и развивать свои традиции, обычаи, язык и религию.

В Конвенции 1989 г. отсутствуют качественные оценки социально-экономического и культурного положения “заинтересованного населения”, служившие прежде основой для рассуждений о необходимости его интеграции в “общегосударственный коллектив”. Фиксируется лишь отличие условий существования коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, от других групп национального сообщества (ст. 1). Эти народы отныне рассматриваются в качестве субъектов международного права, что изменяет цель и характер соответствующих мероприятий. Согласованные и систематические действия национальных правительств должны быть направлены на защиту прав указанных народов и установление гарантий уважения их целостности (ст. 2). Специальные меры не должны противоречить свободно выраженным пожеланиям народов и препятствовать им в пользовании общегосударственными правами (ст. 4). Уважается неприкосновенность социальных, культурных, религиозных и духовных ценностей, практики и институтов данных народов (ст. 5). Правительства при рассмотрении вопросов о проведении законодательных или административных мероприятий, которые

могут оказать влияние на положение коренных народов, обязаны проводить с представителями этих народов консультации (ст. 6), а народы "имеют право решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса развития в той мере, в какой он затрагивает их жизнь, их верования, институты, духовное благополучие и земли, которые они занимают или используют каким-либо иным образом", а также право контролировать собственное экономическое, социальное и культурное развитие (ст. 7). Планы общего экономического развития областей проживания коренного населения в первую очередь должны быть направлены на улучшение условий жизни и труда, повышение уровня здравоохранения и образования соответствующих народов при их активном участии и сотрудничестве.

Конвенция МОТ № 169 пересматривает вопрос о правовом обеспечении режима использования земель традиционного расселения и природных ресурсов, относящихся к этим землям. Связь коренных народов с территориями их проживания провозглашается чрезвычайно важной для культуры и духовных ценностей этих народов, особо подчеркивается важность коллективных аспектов этой связи. За народами, на которых распространяется действие Конвенции, не только признаются права собственности на занимаемые ими земли и владения этими землями, — в случае необходимости данным народам обеспечивается право пользования также землями, "к которым у них есть традиционный доступ для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности" (ст. 14). Переселение указанных народов с занимаемых земель рассматривается как исключительная мера и считается осуществимой только при наличии их свободного и сознательного согласия с полной компенсацией понесенных убытков и гарантированным правом возвращения на традиционные земли по окончании действия оснований, вызвавших необходимость переселения. Во всех случаях народы могут быть переселены на земли, "по качеству и своему правовому положению по меньшей мере равные ранее занимаемым землям" и достаточные для удовлетворения настоящих нужд и дальнейшего развития задействованного в этом процессе населения (ст. 18). Коренные народы обладают правом участия в пользовании и управлении природными ресурсами, а в случаях, когда права на ресурсы сохраняет за собой государство, осуществлению любых программ по разведке или эксплуатации ресурсов, относящихся к землям коренного населения, должны предшествовать консультации правительства с данным населением для выяснения степени возможного ущерба их интересам и установления соответствующей компенсации. На законода-

тельном уровне предусматривается установление санкций, направленных на предотвращение неправомерного вторжения на земли коренных народов и их использования.

Согласно положений Конвенции, национальные программы профессиональной подготовки, социального обеспечения, здравоохранения и образования должны разрабатываться и осуществляться в сотрудничестве с коренными народами и учитывать особенности их традиций, культуры и быта. Так, в сфере образования правительствами признается право аборигенов на создание собственных учебных заведений и средств обучения, предусматривается обучение детей грамоте на их родном языке и одной из важнейших целей обучения объявляется передача детям “общих знаний и навыков, которые помогут им в полной мере принять равноправное участие в жизни общины и национального сообщества” (ст. 29). В качестве факторов сохранения культуры, экономической самостоятельности и дальнейшего развития коренного населения признаются традиционные виды деятельности (охота, рыболовство, звероловство и собирательство), кустарные промыслы и сельские ремесла. В необходимых случаях по просьбе коренных народов правительства должны обеспечивать техническое и финансовое содействие развитию таких видов деятельности.

В целом Конвенция МОТ № 169 отражает комплекс современных представлений демократического общества о статусе национальных меньшинств, который складывается на основе системы коллективных прав и гарантий. В ряде международно-правовых актов последних лет были закреплены отдельные положения данной Конвенции. В Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, состоявшегося в 1990 г., отмечается, что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут пользоваться своими правами как на индивидуальной основе, так и совместно с другими членами своей группы. Об отказе от принудительной интеграции свидетельствует положение данного Документа о том, что для аборигенного населения не может возникать каких-либо неблагоприятных последствий по причине осуществления или неосуществления этих прав. Важным дополнением к статье Итогового документа Венской встречи о поощрении самобытности национальных меньшинств, сделанным в духе Конвенции МОТ, является обязательство государств — участников Копенгагенского совещания принимать надлежащие меры после проведения соответствующих консультаций, включающих контакты с организациями или ассоциациями таких меньшинств. Кроме того,

стремление поощрить самобытность национальных меньшинств вылилось в готовность европейских государств рассматривать в качестве одного из возможных средств достижения поставленной цели создание (в соответствии с политикой заинтересованного государства) местных или автономных органов управления, отвечающих конкретным историческим и территориальным условиям существования национальных меньшинств.

Эволюции норм международного права способствовала многолетняя борьба представителей аборигенного населения Зарубежного Севера за расширение своих экономических и политических прав. Стремление коренных жителей добиться признания на государственном уровне их прав на "земли предков" закрепились образованием политических организаций коренного населения, а это позволило обеспечить необходимую материальную основу для выдвижения серьезных политических требований. Исходя из реальной обстановки народы Севера ищут способы сохранения традиционного хозяйства и образа жизни, связанного с ним. Социально-политическая ситуация, сложившаяся к настоящему времени в ряде регионов Зарубежного Севера, позволяет говорить о возможности осуществления обоюдовыгодного взаимодействия традиционной культуры и индустриальной цивилизации в рамках единой государственной системы, базирующейся на демократических принципах и нормах. §

Чтобы анализ современного состояния этносоциальных процессов в Сибири был плодотворным, следует обращаться к международному опыту комплексного решения вопросов выживания и развития национальных меньшинств. В целях обеспечения устойчивости существования малочисленных этносов России, выработки правовых механизмов защиты коренных народов и традиционной культуры от разрушительного внешнего воздействия необходимо ускорить принятие Закона РФ "Основы правового статуса коренных народов Севера" как составной части системы правового регулирования социально-политических процессов в современных российских условиях.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА “ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ” (Новосибирск, 21-23 марта 1995 г.)

Организатор семинара — Институт философии и права СО РАН при содействии Российского гуманитарного научного фонда.

Участники семинара — этносоциологи, правоведы, экономисты, этнографы, демографы, политологи, историки, философы, культурологи, представляющие Институт философии и права СО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Омский государственный университет, Кемеровский государственный университет, Хакассский государственный университет, Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Институт языка, литературы и истории АН Республики Саха (Якутия), Институт проблем малочисленных народов Севера ЯФ СО РАН, Институт проблем освоения Севера СО РАН, Сибирскую академию государственной службы, Сибирскую коммерческую академию потребительской кооперации, Институт физиологии СО РАМН, Институт общей патологии и экологии человека СО РАМН, Научно-исследовательский институт систем СО РАН, а также работники Администрации Новосибирской области и руководители национально-культурных общественных объединений г. Новосибирска и области.

Участники семинара, обсудив научные доклады и сообщения по социальным, экономическим, правовым, культурологическим и другим аспектам этносоциальных процессов в Сибири, пришли к следующим выводам и сформировали соответствующие предложения.

1. Выводы

1.1. Современное состояние народов и национальных групп Сибири

Качественные преобразования, осуществляемые в последние годы в России, вызвали существенный рост национального самосознания различных народов и этнических групп Сибири — важнейшего геополитического, энергетического и социокультурного региона страны. Усилился интерес этносов к национальной культуре, активизировалась их борьба за свои политические и экономические права. Во всех регионах возникли ассоциации и национально-культурные общественные объединения аборигенных и неаборигенных народов, играющие важнейшую роль в развитии национальной самоидентификации. Положительным моментом является доступность информации о различных сторонах жизни конкретных народов и национальных групп, дающей представление о состоянии реальных этносоциальных процессов.

Вместе с тем позитивные перемены протекают в условиях углубляющегося популяционно-демографического, эколого-эпидемиологического, экономического, политического, социального и духовного кризиса народов и национальных групп региона. Кризис проявляется, в частности, в растущей депопуляции, в деградации экономики, культуры, образования, здравоохранения. Резко упал жизненный уровень населения, увеличилась безработица, возросли пьянство и преступность, усилился отток квалифицированных кадров из ряда регионов, прежде всего северных. Расстроена существовавшая ранее, пусть и несовершенная, система государственного регулирования этносоциальных процессов. Экономические реформы проводятся в Сибири без надлежащего учета этнической и региональной специфики, при отсутствии прочной правовой базы и ограниченных полномочиях органов местного самоуправления, следствием чего стали неконтролируемый передел государственной собственности, рост социальной и межэтнической напряженности в ряде регионов, общая деградация аборигенного и неаборигенного населения.

Региональная национальная политика государства не имеет в своей основе ясной и понятой концепции, осуществляется интуитивно путем балансирования между опытом политики советского периода и противоречивыми требованиями нынешних реформ. Правовое регулирование национальных отношений носит фрагментарный, мозаичный характер. Федеральное законодательство слабо адаптировано к интересам развития национально-административных образований, прежде всего автономных округов. На уровне Конституции закреплено лишь частное и публичное право, отсутствует коллективное право применительно к этническим общностям. В результате, например, коренные малочисленные народы Севера не имеют конституционных гарантий на традиционное землепользование, и в районах промышленной экономики они превратились в "этносы риска"

Принципиальной проблемой является сама возможность выживания и развития этносов Сибири в условиях рынка, особенно в его нынешнем российском варианте. Эта проблема не получила теоретического обоснования, практический же опыт пока лишь отвергает такую возможность без государственного регулирования.

Межэтнические отношения в Сибири являются относительно стабильными и менее напряженными, чем в некоторых других районах России. Однако очаги нестабильности, если учесть геополитическое положение, многоэтнический и многоконфессиональный характер населения Сибири, при дальнейшем кризисе экономики могут породить конфликтные ситуации. Как показывают материалы конкретных исследований, основными причинами конфликтов могут оказаться: установление национальных приоритетов в переделе собственности, в распределении осуществляющей этот передел политической власти, политический экстремизм на почве национализма и сепаратизма, размывание государственной целостности России в результате пограничной диффузии населения, экономического и культурного тяготения этносов к сопредельным государствам — США, Китаю, Монголии, мусульманским странам.

Состояние этносов Сибири в нынешних условиях характеризуется как ускоренно нестабильное и регрессивное. Правовое регулирование этносоциальных процессов в таком состоянии может лишь уменьшать в ограниченных пределах колебания нестабильности. Результаты научных исследований этих процессов в практике управления используются в ограниченной мере. Тем не менее такие исследования сейчас необходимы, особенно для фиксации реального состояния этносов и тенденций этносоциальных процессов, иначе возможны полная потеря их управляемости и развитие по "чеченскому образцу".

1.2. Состояние научных исследований

Целостное представление о проводимых ныне исследованиях этносоциальных процессов составить трудно, однако верной является констатация, что они имеют разрозненный, несистемный характер. Резко уменьшился объем финансирования социальных исследований, особенно полевых, что затрудняет кооперацию и общение ученых. Отсутствуют возможности планирования исследований на длительный срок.

2. Предложения

Дальнейшее продолжение исследований различных аспектов этносоциальных процессов в Сибири перспективно на основе концепции устойчивого развития. Для этих целей следует сформировать специальную научную программу, которая может быть осуществлена в рамках общей темы "Ценности и технологии устойчивого социального развития", реализуемой Институтом философии и права СО РАН.

В региональном масштабе центром социального регулирования процессов развития народов и национальных групп на основе информации, получаемой при реализации программ научных исследований, может выступать Межрегиональная ассоциация "Сибирское соглашение".

2.1. Предложения по тематике исследований

Наиболее актуальными, общими для всех регионов и этносов Сибири проблемами являются

- теория, методология и методика исследований этносоциальных процессов в контексте концепции устойчивого развития;
- философские, социологические и правовые основы национальной политики в России (общероссийский и региональный аспекты);
- экономическая и социальная эффективность реформирования собственности и землепользования у различных народов;
- анализ, прогнозирование и оптимизация структуры занятости и путей ликвидации безработицы;
- современные миграционные процессы и их последствия;
- источники, средства выживания и развития в условиях реформ;
- способы поддержания необходимого уровня жизни;
- изменение систем ценностей и социальной мобильности населения;
- обоснование и социальные последствия введения этнических и социальных приоритетов и ограничений;
- соотношение коллективных прав и прав индивидов (теоретический и практический аспекты);
- правовые основы административного устройства в регионах (формы национальной государственности, статус титульных и нетитульных народов, культурно-национальная автономия и др.);
- соотношение государственного управления и самоуправления в жизни этносов;
- правовая защита этносов от промышленной экспансии;
- межэтнические конфликты (анализ, прогноз, профилактика);
- философия и политика этнополитических движений и национальных (этнических) элит;
- динамика социально-демографических процессов;
- здоровье населения и здоровье этноса;

- исторический опыт государственного управления и самоуправления народов и национальных групп Сибири;
- тенденции взаимодействия этносов Сибири с родственными этносами за пределами России (немцами, украинцами, монголами, татарами, народами Севера и др.);
- зарубежный опыт существования народов Севера в условиях рыночной экономики;
- русский этнос в Сибири.

2.2. Предложения по информационной базе и организации исследований

2.2.1. Следует обратить внимание специалистов на необходимость междисциплинарных исследований этносоциальных процессов с использованием методов системного анализа, принципа взаимодействия, теории сложных систем, теории конфликтов, методов компьютерного моделирования, а также на целесообразность проведения научного анализа изучаемых процессов в мониторинговом режиме. Для достижения сопоставимости результатов исследования по этносоциальной проблематике следует проводить по скоординированным программам и методикам.

2.2.2. Семинар “Этносоциальные процессы в Сибири” целесообразно сделать постоянно действующим, предусмотрев возможность проведения его заседаний в различных научных центрах региона.

2.2.3. Необходимо обратиться в Межрегиональную ассоциацию “Сибирское соглашение”, Региональный центр поддержки российской государственности, администрации регионов Сибири — субъектов федерации, а также в Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике и Министерство науки РФ с предложением о создании следующих объединенных банков данных:

“*Нормативные документы*” (справочная правовая система, включающая нормативные акты законодательных и исполнительных органов власти и управления федерального и муниципального уровня по проблемам этносоциального развития);

“*Специалисты*” (картотека специалистов — экономистов, социологов, этнографов, демографов, культурологов, эпидемиологов, экологов, политологов, правоведов, занимающихся проблемами Сибирского региона);

“*Публикации*” (картотека научных публикаций и проблемных материалов в массовой печати по вопросам этносоциальной политики в Сибири);

“*Архив*” (картотека архивов, материалов экспедиций, отчетов и т.д. по соответствующей тематике);

“*Социальные проблемы*” (картотека этносоциальных проблем Сибири, выявленных ранее и выявляемых в настоящее время);

“*Социальные технологии*” (картотека социальных технологий, продемонстрировавших свою эффективность в условиях Сибири).

Банки данных будут использоваться для подготовки и проведения исследований, а также, в режиме “быстрого реагирования”, для проведения научной, правовой и иной экспертизы проектов, касающихся этносоциальных проблем, нормативных документов, законов, постановлений, программ государственного и регионального уровня.

2.2.4. Участники семинара считают целесообразным обратиться с предложениями к органам власти и управления:

- а) *Министерству РФ по делам национальностей и региональной политики*

— сформировать госзаказ на научную разработку концепции региональной (для Сибири) национальной политики с четкой проработкой ее правовых аспектов. В качестве головной организации может выступить Институт философии и права СО РАН;

— добиться фиксации в документах высшего государственного уровня в качестве стратегической цели региональной политики сохранения популяционно-демографического, репродуктивного, социокультурного, этносоциального и научно-технического потенциала Сибири в обозримой исторической перспективе;

б) Правительству РФ

— выделить финансовые средства Межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение” на координацию научных разработок и реализацию региональных программ устойчивого этносоциального развития;

в) Министерству образования РФ

— сформировать заказ на разработку программы образовательной государственной политики применительно к народам Севера исходя из их социокультурной специфики и особенностей разделения труда и структуры занятости;

г) Совету Федерации и Государственной Думе РФ

— провести парламентские слушания о социальных (включая этносоциальные) последствиях проводимых реформ в регионах Сибири;

д) Межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”

— взять на себя координацию научных разработок и реализации региональных программ устойчивого этносоциального развития, определив для этого головную научную организацию;

— создать экспертный совет по проблемам этносоциального развития Сибири, определив в качестве его основной задачи оценку принимаемых региональных и федеральных программ, предполагаемых быть реализованными в Сибири, с точки зрения их возможных этносоциальных последствий;

е) исполнительным и представительным органам власти субъектов Федерации в Сибири

— рассмотреть вопрос о внедрении разрабатываемой в Институте философии и права СО РАН системы этносоциального мониторинга с целью получения постоянной объективной информации о происходящих изменениях в жизни народов и национальных групп, а также об общественном мнении населения для своевременного корректирования своей политики;

ж) Администрации Новосибирской области

— обеспечить научное сопровождение курируемых Администрацией федеральных, региональных и областных программ в той части, которая связана с проблемами этносоциального развития;

— сформировать заказ на разработку программы социально-экономического развития и культурного обустройства различных народов и национальных групп г. Новосибирска и области;

— рассмотреть вопрос о содействии в развитии культуры народов и национальных групп области;

— обобщить опыт деятельности немецкого общественного движения по созданию культурной среды через информационное обеспечение с использованием современных технических средств.

Руководитель семинара, к. филос. н., зав. сектором этносоциологии Института философии и права СО РАН

Зам. руководителя семинара, к. филос. н., с.н.с. Института философии и права СО РАН

Ю. В. Попков

В. Г. Костюк

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ЕЖЕГОДНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СЕМИНАРА “ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ”

(Новосибирск, 25—27 сентября 1996 г.)

Организатор семинара — Институт философии и права СО РАН при содействии Российского гуманитарного научного фонда.

Участники семинара — этносоциологи, правоведы, экономисты, этнографы, демографы, философы, историки, культурологи, политологи, экологи, представляющие Институт философии и права СО РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет, Сибирскую академию государственной службы, Новосибирский государственный педагогический университет, Сибирскую государственную академию телекоммуникации и информации, Сибирскую коммерческую академию потребительской кооперации, Хакасский государственный университет, Институт гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия), Байкальский институт рационального природопользования, а также представители межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”, Администрации Новосибирской области и руководители русского, украинского, белорусского, немецкого, татарского национально-культурных общественных объединений Новосибирской области.

Доклады. Заявлено 37 докладов, представлено — 28, заслушано — 23 (в том числе пять докладов иногородних участников). Некоторые докладчики из Якутска, Улан-Удэ, Кызыла, Горно-Алтайска и других городов не смогли принять участие в семинаре из-за финансовых затруднений.

Содержание семинара. Программа семинара была сформирована на основе поступивших в оргкомитет заявок и докладов в соответствии с Информационным письмом. Не все предложенные для обсуждения проблемы отражены в представленных докладах, но большая часть из них в той или иной мере исследуется, и результаты этих исследований были доложены и обсуждены на семинаре.

Работа семинара строилась по следующим основным блокам вопросов:

- 1) методология, теория и методика исследования этносоциальных процессов;
- 2) актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития народов Сибири;
- 3) правовые аспекты регулирования этносоциальных процессов;
- 4) организация этносоциальных исследований; взаимодействие с органами власти и управления.

В ходе обсуждения *первого блока вопросов* были отмечены сложность и запутанность онтологической и гносеологической сторон национального вопроса, разноплановость методологических и методических подходов к этносоциальным исследованиям, “разноязычие” исследователей. Это объективное обстоятельство, обусловленное сложностью объекта исследования, но оно требует большего внимания (в том числе и в связи с организацией

ежегодного регионального семинара), так как позитивная проработка теоретико-методологических и методических аспектов проблемы этноса будет способствовать большей адекватности результатов этносоциальных исследований и большему сходству в их интерпретации. Отчасти данный семинар решает задачу сближения “языков” исследователей. Его участники подтвердили необходимость и важность междисциплинарных исследований, проводимых в различных регионах по согласованной методике (сравнительных комплексных этносоциальных исследований), и перевода их в режим мониторинга.

В настоящее время наиболее актуальным является исследование по единой согласованной методике таких проблем развития народов Сибири, как демографические (рождаемость, смертность, смешанные браки), экономические (социально-профессиональная структура и мобильность населения, занятость и безработица; уровень жизни), культурные (степень владения родным языком, сферы его функциональной применимости, образование), духовные (национальное самосознание и установки в межэтническом взаимодействии), политико-правовые (оптимальные формы государственности и самоуправления). В связи с последней из перечисленных выше проблем особого внимания заслуживает комплексная научная проработка вопросов суверенитета этносов и государственной целостности России.

По *второму блоку* вопросов заслушаны доклады, в которых на основе конкретных исследований, проведенных в Эвенкии, Ханты-Мансийском АО, на Чукотке, в Горном Алтае, Хакасии, Бурятии, Новосибирской области, а также в Канаде, осуществлен анализ эффективности различных форм организации экономической, социальной и культурной жизни народностей Севера и других народов Сибири, включая русское, белорусское, татарское, немецкое население.

Отмечено дальнейшее ухудшение экономического положения народов Сибири в результате общероссийского кризиса, а также уменьшение естественного прироста населения в регионе при росте смертности и снижении рождаемости.

На семинаре вскрыты парадоксы-противоречия современного положения многих народов региона, вызванные практикой проведения реформ в России:

1) государство провозглашает себя главным юридическим лицом, несущим ответственность за защиту интересов и прав коренных народов, и в то же время катастрофически сокращает свое участие в финансировании и регулировании процессов их жизнедеятельности. В результате почти полностью деградировала социальная инфраструктура северных поселений, разрушены коллективные хозяйства, из-за прекращения государственных дотаций в кризисном состоянии находятся традиционные отрасли, резко снизился уровень благосостояния населения;

2) развитие рыночных отношений, ускоренное внедрение частной собственности в этнической среде с коллективистским менталитетом привели к ликвидации высокотоварных в недавнем прошлом традиционных отраслей и формированию на их месте натурального хозяйства. Переход народов от товарного хозяйства к натуральному, “репатриация” их в тундру и тайгу — редкий факт в мировой истории;

3) взяв курс на капитализм, на вхождение России в мировую цивилизацию, государство фактически создает новый вариант некапиталистического пути развития для народностей Севера — от развитых форм цивилизации к ее истокам. В этих условиях русское население интенсивно покидает Север.

Однако в силу действия законов диалектики даже при нынешнем общем регрессе социального развития народов Севера и других народов Сибири видны проблески прогресса. Так, отмечается рост объема научных исследований по этническому природо- и землепользованию аборигенов Сибири, причем результаты этих исследований начинают использоваться в практике хозяйствования. Национальная интеллигенция во многих регионах Сибири (Хакасии, Бурятии, Туве и др.) перенесла центр тяжести в своей работе с этнополитики на просветительство, многое делая для возрождения национальных культур: организованы культурные центры народов, создаются музеи, дома народного творчества, проводятся фестивали искусств, национальные праздники, научные семинары и т.п. Расширены исследования по традиционным верованиям, этнической психологии. Устанавливаются контакты с зарубежными научными и культурно-образовательными учреждениями, занимающимися соответствующими проблемами. Станет ли этот подъем духовной жизни на фоне экономического обнищания фактором возрождения народов Сибири, зависит от того, будет ли курс национальной политики федеральных властей правильным.

Следует отметить заметное увеличение в 1996 г. по сравнению с 1995 г. количества заявок на семинар по "русской теме" (социально-психологические аспекты, самосознание, национальный характер, менталитет сибиряков, русская идея). По проблемам русских в Сибири целесообразно организовать специальный научный форум.

Третий блок вопросов семинара включал правовые и политические аспекты регулирования этносоциальных процессов. Правовая база для региональной и национальной политики пока недостаточно прочна, а принятые законы не выполняются, носят зачастую противоречивый характер, создают неравенство этносов и индивидов перед законом, что усугубляет межэтнические противоречия на индивидуально-групповом уровне. Не решены многие правовые проблемы старожильского русского населения в национальных автономиях Сибири.

Опубликованная уже после семинара Федеральная целевая программа "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года" (Рос. газ. — 1996. — 1 окт.) — важный акт с гуманистическими научно сформулированными целями. Но на фоне нынешнего состояния страны в целом и Российского Севера в частности эта программа не воспринимается как реально осуществимая. Особенно иллюзорен вывод о том, что "за 1997—2000 годы будет создана материальная база для социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера в новых условиях с совмещением традиционного образа жизни с современными технологиями и для перехода к устойчивому развитию преимущественно на собственной материальной и финансовой базе." Скорее наоборот, и общероссийские, и собственные предпосылки создания такой базы в настоящий момент продолжают уменьшаться.

Необходимы более интенсивные научно-правовые проработки существующих экономических, социальных и политических проблем, в том числе в рамках разработки Федеральной программы экономического и социального развития Сибири (программы "Сибирь"), курируемой Межрегиональной ассоциацией "Сибирское соглашение" (МАСС). Участники семинара с благодарностью приняли предложение директора социальных программ МАСС В. Г. Егорова представить свои рекомендации по тем или иным вопросам в координационные советы данной организации.

При обсуждении *четвертого блока вопросов* состоялся обмен мнениями о применении выводов и рекомендаций семинара "Этносоциальные процессы в Сибири", состоявшегося в 1995 г. (см. Прил.1). Констатируется, что в целом они сохраняют свою значимость. Сегодня состояние народов, населяющих Сибирь, еще более ухудшилось, а научные исследования соответствующих проблем сузились из-за резкого сокращения финансирования из всех источников. Тем не менее, как отмечено выше, эти исследования продолжаются.

Участники семинара выразили большую благодарность Институту философии и права СО РАН за организацию данного форума, ибо сегодня для специалистов в различных областях это единственная возможность обмениваться идеями и результатами исследований по обсуждаемой теме, а Российскому гуманитарному научному фонду — искреннюю признательность за понимание научной и практической важности такого регионального семинара и посильное его финансирование.

Признано целесообразным создать творческие группы для разработки отдельных блоков методики сравнительных исследований и по возможности в 1997 г. провести такие исследования в нескольких регионах Сибири. Оргкомитету семинара рекомендовано установить постоянный контроль за реализацией принятых в 1995 г. Выводов и рекомендаций семинара и издать материалы настоящего форума, а также рассмотреть вопрос о проведении следующего семинара в г. Абакане на базе Хакасского государственного университета.

Руководитель семинара, к. филос. н., зав. сектором этносоциологии Института философии и права СО РАН

Зам. руководителя семинара, к. филос. н., с.н.с. Института философии и права СО РАН

Ю. В. Попков

В. Г. Костюк

П Р И Л О Ж Е Н И Е 3

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

1. *Бойко В. И.* Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. — Новосибирск, 1973. — 212 с.
2. *БАМ и народы Севера.* — Новосибирск, 1977. — 176 с.
3. *Бойко В. И.* Социальное развитие народов Нижнего Амура. — Новосибирск, 1977. — 279 с.
4. *Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л.* Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. — Новосибирск, 1980. — 193 с.
5. *Бойко В. И., Васильев Н. В.* Социально-профессиональная мобильность эвенов и эвенков Якутии. — Новосибирск, 1981. — 175 с.
6. *Городское население Тувинской АССР: опыт социологического исследования.* — Новосибирск, 1981. — 224 с.
7. *Очерки социального развития Тувинской АССР.* — Новосибирск, 1983. — 263 с.
8. *Культура народностей Севера: традиции и современность.* — Новосибирск, 1986. — 271 с.
9. *Социальные проблемы труда у народностей Севера.* — Новосибирск, 1986. — 216 с.
10. *Бойко В. И., Попков Ю. В.* Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. — Новосибирск, 1987. — 175 с.
11. *Проблемы современного социального развития народностей Севера.* — Новосибирск, 1987. — 256 с.
12. *Бойко В. И.* Социально-экономическое развитие народностей Севера: программа координации исследований. — Новосибирск, 1988. — 320 с.
13. *Мархинин В. В.* Дialeктика социального и биологического в процессе становления этноса: философско-социологический аспект. — Томск, 1988. — 145 с.
14. *Молодежь Тувы: социальный портрет.* — Новосибирск, 1988. — 193 с.
15. *Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие.* — Новосибирск, 1988. — 224 с.
16. *Ларченко С. Г., Еремин С. Н.* Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. — Новосибирск, 1989. — 173 с.
17. *Исакова Н. В.* Культура народов Севера: философско-социологический анализ. — Новосибирск, 1989. — 208 с.
18. *Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года.* — Новосибирск, 1989. — 128 с.
19. *Народы Сибири на современном этапе: национальные и региональные особенности развития.* — Новосибирск, 1989. — 189 с.
20. *Попков Ю. В.* Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический аспект. — Новосибирск, 1990. — 200 с.
21. *Этнос в системе межнациональных отношений: регионы Сибири.* — Новосибирск, 1990. — 140 с.
22. *Гордиенко А. А.* Человек и наука в региональной общности. — Новосибирск, 1992. — 145 с.
23. *Эвенки бассейна Енисея.* — Новосибирск, 1992. — 208 с.

24. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Этнос в ситуации выбора будущего: По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. — Новосибирск, 1993. — 208 с.

25. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного северного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа). — Новосибирск, 1996. — 191 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей А. М. — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Центра социальной адаптации и переподготовки кадров высшей квалификации (г. Новосибирск).

Анжиганова Л. В. — канд. филос. наук, зав. сектором социологии и экономики Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан).

Бажутина Т. О. — д-р филос. наук, профессор Сибирской коммерческой академии потребительской кооперации (г. Новосибирск).

Бобров В. В. — канд. филос. наук, ученый секретарь Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Бойко В. А. — младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Галузо В. В. — канд. мед. наук, председатель Совета общества "Белорусы Сибири" (г. Новосибирск).

Гончарова Г. С. — научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Демин Д. В. — канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института общей патологии и экологии человека СО РАМН (г. Новосибирск).

Ерохина Е. А. — аспирант Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Золототрубов В. С. — научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Казначеев В. П. — академик РАМН, директор Института общей патологии и экологии человека СО РАМН (г. Новосибирск).

Карачаков Д. М. — канд. истор. наук, зам. директора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан).

Костюк В. Г. — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Кравец И. А. — канд. юрид. наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Кривоногов В. П. — канд. истор. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Красноярск).

Кучер В. В. — канд. истор. наук, доцент Новосибирской государственной консерватории (г. Новосибирск).

Мангатаева Д. Д. — старший научный сотрудник Байкальского института рационального природопользования (г. Улан-Удэ).

Мархинин В. В. — д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Сургутского государственного университета (г. Сургут).

Олейникова О. Д. — канд. филос. наук, зав. кафедрой философии Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск).

Плюснин Ю. М. — д-р филос. наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Подойникова И. И. — канд. социол. наук, зав. лабораторией права и социологии Института гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).

Попков Ю. В. — канд. филос. наук, зав. сектором этносоциологии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Пустогачев Я. А. — канд. истор. наук, директор Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Горно-Алтайск).

Саломатова Т. И. — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

Сергеев С. К. — канд. филос. наук, зав. кафедрой философии Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (г. Новосибирск).

Соболева С. В. — д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск).

Тугужекова В. Н. — д-р истор. наук, проректор по науке Хакасского государственного университета (г. Абакан).

Тюгашев Е. А. — канд. филос. наук, доцент Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

Цихоцкий А. В. — канд. юрид. наук, зав. кафедрой права Сибирской коммерческой академии потребительской кооперации (г. Новосибирск).

Черненко А. К. — д-р филос. наук, зав. сектором права Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	----------

Раздел 1

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	6
---	----------

<i>Тюгашев Е. А.</i> Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс современности	—
<i>Бобров В. В.</i> К проблеме устойчивости этносоциального развития	12
<i>Олейникова О. Д.</i> Национальная идея и суверенитет личности	22
<i>Сергеев С. К.</i> Восточный и западный социокультурные типы и проблема специфики русского национального характера	28
<i>Подойницына И. И.</i> Этнос в профессиональной структуре социума	35
<i>Бажутина Т. О.</i> Этнопсихологические особенности отношения к труду у населения Сибири	42
<i>Плюснин Ю. М.</i> Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса (сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае)	47
<i>Соболева С. В.</i> Социально-демографические аспекты воспроизводства и формирования малых национальных групп (на примере Сибири)	57
<i>Демин Д. В., Казначеев В. П.</i> Межгосударственные границы как антропологический феномен	63
<i>Костюк В. Г.</i> О методологии и методике сравнительных комплексных этносоциальных исследований в Сибири	69

Раздел 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СИБИРИ	76
---	-----------

<i>Тугужекова В. Н.</i> Современные этнополитические процессы в Хакасии	—
<i>Анжиганова Л. В.</i> Эволюция мировоззрения хакасов: к постановке проблемы	82
<i>Пустогачев Я. А.</i> Социально-экономическое и правовое положение северных этносов Алтая и пути их дальнейшего развития в современных условиях	87
<i>Карачаков Д. М.</i> Динамика численности представителей коренных народов Сибири в индустриальных отраслях народного хозяйства в 60—70-е годы	95
<i>Мархинин В. В.</i> Северные межэтнические сообщества в испытании “радикальными реформами”	98

<i>Попков Ю. В.</i> Парадоксы современного положения малочисленных народов Российского Севера и опыт Канады	108
<i>Золототрубов В. С.</i> Северные миграции: этносоциальный аспект	117
<i>Аблажей А. М.</i> Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе	123
<i>Мангатаева Д. Д.</i> Социальные ориентиры у эвенков Бурятии	130
<i>Кривоногов В. П.</i> Этносоциальная ситуация у энцев русских в Сибири	137
<i>Гончарова Г. С.</i> Семейно-брачные отношения и демографические процессы у народов Севера	143
<i>Ерохина Е. А.</i> К вопросу об установках в межэтническом общении у русских в Сибири	151
<i>Кучер В. В.</i> Российская власть и аборигены Сибирского Севера (XIX — начало XX в.)	159
<i>Галузо В. В.</i> Белорусы Сибири: история и современность	168

Раздел 3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Черненко А. К.</i> Право в системе устойчивого развития этноса	—
<i>Кравец И. А.</i> Конституция и право народов на самоопределение: национально-государственный и международно-правовой аспекты	185
<i>Цихоцкий А. В.</i> Политика федерализма в отношении малочисленных народов и новая парадигма права	196
<i>Саломатова Т. И.</i> Проблемы управления этнокультурными процессами у народностей Севера	206
<i>Бойко В. А.</i> Правовой статус коренного населения Севера в свете норм международного права	211

Приложение 1

Выводы и рекомендации регионального научного семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”	219
--	-----

Приложение 2

Информация о работе ежегодного регионального семинара “Этносоциальные процессы в Сибири”	224
--	-----

Приложение 3

Основные труды Института философии и права СО РАН по проблемам этносоциального развития народов Сибири	228
Информация об авторах	229

Научное издание

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ

Ответственный редактор *Ю. В. Попков*

Издается по решению ученого совета
Института философии и права СО РАН

Редактор *Е. Б. Артемова*
Корректор *И. Ю. Пешкова*
Компьютерный набор *А. А. Шмакова*
Разработка оригинал-макета, перевод аннотации
на английский язык агентство "Сибпринт",
тел. (3832) 119-038, 630099, г. Новосибирск, ул. Горького, 39

Сдано в набор 10.01.97. Подписано в печать 03.03.97. Формат 60-84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 11,9.
Тираж 200 экз. Заказ № 16

Издательство "ЦЭРИС". Лицензия ЛР 040112 от 14.10.96 г.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18, к. 339.
Типография НИИ систем, Новосибирск, ул. Русская, 39.